Змеиный
источник

Николай ЛЕБЕДЕВ

Пусть не обманет форма — "Змеиный источник" не фильм ужасов, не обычный триллер и не детектив, вся философия которого сводится к трюизму, что нарушать закон нехорошо, а зритель озадачен единственным вопросом: кто же из действующих лиц преступник? Более того: особо проницательный зритель уже в первых сценах может ткнуть пальцем и заявить: вот — это и есть УБИЙЦА! От того воздействие фильма ничуть не убудет, даже наоборот — усилится. Потому что для этой истории не так важно — КТО? — и не столь существенны внешние побудительные мотивы преступления.

Объясняя причины происходящих в фильме событий и ища "подкладку" действий преступника, зритель обнаружит, что в предлагаемых обстоятельствах убийцей может стать едва ли не ЛЮБОЙ, ибо во множестве персонажей, населяющих "Змеиный источник", наблюдается дефицит того морального иммунитета, той нравственной добавки, которая изнутри говорит человеку: не укради! не прелюбодействуй! не убий! Этот общий морально-нравственный синдром обусловлен мироустройством городка, где разворачивается действие, разлитым в воздухе напряжением, отравленной атмосферой. Не преступление совершается, потому что явился преступник, но — преступник возник, потому что должно было совершиться преступление. Жертвы нужны не убийце — они нужны городку, этому скопищу наушничающих и подглядывающих обывателей, для которых акт убийства есть проявление силы, а сила символизирует власть; трепеща, толпа поклоняется этой власти и испытывает единый мучительно-сладостный восторг поклонения.

Этот фильм — о провинциализме, не территориальном понятии, но социальном и нравственном, о "сне разума, порождающем чудовищ".

Этот фильм — о природе диктатуры, а значит, о природе власти безграничной и абсолютной, основанной на инстинктах и включающей в себя провинциализм как главнейшую из констант.

Наконец, этот фильм — о проблеме сильной личности как духовного и энергетического центра власти; о том заряженном поле, которое сильная личность генерирует вокруг себя и в котором взрастает порою ничтожное и темное, тем более низменное, чем ярче и мощнее была сама личность.

И еще этот фильм — о любви и надежде, единственных противоядиях от зла, жестокости и лжи.

Киноповесть "Змеиный источник", написанная на основе сценария фильма

ЗМЕИНЫЙ ИСТОЧНИК

Провинциальный кинодетектив

Посвящается моей жене Ирине —
самой заботливой и терпеливой женщине на свете

Автор выражает глубокую признательность
журналисту Юлии СЕМЕНОВОЙ
за участие в работе над этой книгой

Была ночь, — совсем еще летняя, свежая, напоенная влажными ароматами листвы и слабыми, пахнущими прелыми водорослями речными испарениями; вдалеке щелкала поздняя лесная птица, выводила странноватые, немелодичные, но завораживающие трели.

В ресторанчике на берегу, у самого песчаного пляжа, гремела музыка, раздавались взрывы хохота и что-то громко кричал подвыпивший мужской басок. А на ресторанных задворках, в матерых, мясистых лопухах, прижав затылком к перекрученному корню старой ивы и залепив ладонью рот, душили девушку в ярком желтом платьице и с легкомысленными бантиками в прическе.

Рука убийцы крепко затянула ленту вокруг шеи и сдавила потуже; из горла жертвы вырвался булькающий предсмертный хрип и лицо исказилось мучительной судорогой. Несколько мгновений спустя все было кончено.

Тело недолго волокли по земле, стараясь придерживаться тени, отбрасываемой от невысокого покосившегося ресторанного заборчика. Голова убитой при этом беспомощно моталась из стороны в сторону и подпрыгивала на кочках с глухим стуком.

У самой воды убийце пришлось помедлить. Пальцы нежно коснулись щеки трупа и все еще подрагивающие от возбуждения горячие губы прижались к мертвеющим губам девушки.

Лишь потом тело полетело вниз с обрыва.

Оно шлепнулось о воду, как тяжелый куль с трухой, и пропало.

Его обнаружат позже, только и всего.

Если бы ночной сторож соседней стройки Иван Савельевич пять минут спустя выглянул в оконце своего ветхого фургончика, он увидал бы, как по пустырю от реки в сторону оврага пробежала невысокая фигура в модном клетчатом платье и растворилась в темноте. Но сторож храпел, бросив тяжелую голову на стол перед

пустыми винными бутылками, и ничего не видел.

МАНЬЯК ВОЗВРАЩАЕТСЯ?

Жители нашего города напуганы новым загадочным происшествием. Вечером третьего сентября из ресторана у песчаной косы бесследно исчезла телеграфистка городского узла связи Елена Лутошина, отмечавшая в кругу друзей и близких свое восемнадцатилетие. Сославшись на головокружение и духоту, она вышла из банкетного зала на крыльцо, чтобы подышать свежим воздухом и не вернулась. Официантка ресторанчика, последней видевшая Елену, утверждает, что именинница двигалась в сторону речного пляжа прочь от ресторанчика будто бы по чьему-то оклику. О дальнейшей судьбе Лутошиной ничего не известно.

Согласно информации, полученной нашим внештатным корреспондентом из неофициального источника, предполагается, что в городе вновь начал действовать таинственный преступник, который вот уже несколько лет наводит ужас на местных жителей. На его счету — четыре злодейских убийства и одно покушение. Жертвами маньяка, как известно, становятся девушки от семнадцати до двадцати пяти лет. Галина А., единственная, кому чудесным образом удалось вырваться живой из лап убийцы, до сих пор пребывает в состоянии тяжелого психического расстройства и не может назвать какие-либо его приметы.

К сожалению, на просьбу нашей редакции прокомментировать сложившуюся ситуацию официальные органы ответили категорическим отказом. При упоминании о возможном возобновлении деятельности маньяка-убийцы следователь городской прокуратуры П.Б.Пивоваров произнес лишь одну реплику: “Ерунда”. Надо полагать, П.Б.Пивоварову нечего беспокоиться, потому что он не девушка и ему уже далеко не восемнадцать и не двадцать пять.

Мы просим всех, кому небезразличны спокойствие нашего города и судьбы его прекрасных жительниц и кто обладает хоть какой-либо информацией о нынешнем местонахождении Елены Лутошиной, обращаться в редакцию. Анонимность гарантируется. Спасибо.

Наш корр.

(Статья в городской многотиражке)

1.
ПРИБЫТИЕ

Городок N. расположен в том самом живописном месте, где река, уже напитавшись соками мелких ручьев и прозрачных ключей, уже набравши бег и раздвинув берега, внезапно попадает в узкое пространство меж двумя холмами, издалека напоминающими обросших клочьями бурой шерсти и склонившихся над водопоем старых бизонов.

За серым меловым откосом течением намыло плоскую террасу; вокруг поднялся густой лес.

Сверху, если глядеть с обочины петляющей дороги, N. кажется бесплотным и почти игрушечным. Домишки с розовыми черепичными крышами один за одним карабкаются на косогор, чуть поодаль топорщатся редкие унылые коробки новостроек.

С дальних пастбищ поутру и с закатом наползают хмурые языки тумана; он стелется над крышами и над речной водой, будто диковинное покрывало, делая мир вокруг зыбким и призрачным. Лес испещрен рыжими подпалыми пятнами, и пастухи на склонах жгут опавшую листву. Воздух прохладен и терпок, каким он бывает только ранней, еще не успевшей сгуститься и охолодить мир своим прощальным дыханием осенью.

... Вечерело, когда на реке раздалось мерное покашливание, и старенький, с обшарпанной кормой и накренившейся капитанской будкой теплоходик показался из-за поворота и неспешно направился к утлой пристани.

Пристань приближалась, и уже были видны потемневшие от времени мостки, и до блеска начищенный колокол на кронштейне, и вдруг откуда ни возьмись на мостках возник маленький, в брезентовой робе и тяжелых резиновых сапогах человечек со смешно топорщащимся на луковой головке реденьким пучком волос и, солидно взъерошив волосы, ударил в колокол. Сочный низкий звук корабельных склянок растекся над рекой и тотчас истаял. Это могло означать только одно: путешествие подошло к концу, теплоходик прибыл к месту назначения.

При Дине был один только чемодан с темным лоснящимся боком и дамская сумочка через плечо. Мама пыталась настаивать: мол, нужно прихватить еще и

пакет с провизией, но Дина сказала категорическое "нет". Во-первых, поклажу тяжело тащить, а во-вторых, не на край света путь держим. Она взяла с собой лишь два бутерброда с сухой колбасой и полулитровую пластиковую бутылку минералки.

Теперь, радуясь собственной предусмотрительности, Дина брела по нешироким улочкам вдоль живописно покосившихся заборов, из-за которых простирали над головой ветви яблоневые деревья с успевшими налиться соками тяжелыми плодами. У обочины две огромные ленивые вороны неспеша поклевывали расколовшееся надвое сахарное яблоко. Они даже не подумали отлететь в сторону при Динином приближении и лишь неодобрительно поглядели на нее черными поблескивающими глазками. После большого и суматошного города такое птичье поведение было внове.

Дина озиралась по сторонам, веря и не веря. Наконец-то. Она здесь. Вот он, этот тихий и патриархальный мир. Вот они, домашние запахи из распахнутых окон. Вот они, эти деревянные тротуары.

Улыбка против воли блуждала по лицу. Ее переполняло ощущение довольства и покоя, — то самое ощущение, которое испытывает путник после долгого и трудного пути, после множества сомнений, после сочувствия десятка "доброжелателей", советующих одуматься, остановиться, не совершать опрометчивого шага. Но шаг совершен, и путь подходит к концу, и заветная цель уже близка, и есть уже осознание, что упорство и настойчивость, и борьба с рефлексией, и отчаянье идущего напролом не пропали даром. Какое счастье: она здесь — не смотря ни на что!..

— Вы опять здесь?! — возмутился ректор, увидав Дину под дверью своего кабинета. — Вы мне надоели! Что вам надо, в конце концов!..

— Подпишите заявление.

— Что за упрямство?! Я вам говорю — при институте вам будет лучше. Полезнее.

— Пожалуйста, подпишите заявление, — упрямо повторила Дина — уже в который раз. — Я хочу в школу.

Ректор топнул ногой, возмутился по поводу нынешних нравов в студенческой среде, пригрозил отсутствием стипендии и — подписал. Дина счастливо улыбнулась. Откуда было ему знать, этому пожилому отдуловатому человеку, в чем истинная цель ее путешествия в заштатный крохотный городишко, расположенный на живописном холме у широкой реки. Главное, она добилась своего.

...Отыскать здание школы не составило большого труда. Пожилая грузная женщина, вытряхивавшая из окна пыльный коврик, оглядела Дину с ног до головы

(подозрительным взглядом)

и указала нужное направление жестом. Уходя, Дина ощущала, как женщина сверлит ее в спину взглядом.

Яблони расступились, и из-за их кудрявых крон поднялась в небо могучая кирпичная стена с узкими бойницами окон и тяжелой лепниной по фасаду.

Свернув в проулок, Дина вскоре вышла к ограде, за которой простирался голый, мелом расчерченный на квадраты плац. У ворот болтались пожухшие гирлянды и флажки — меты не так давно отшумевшего праздника. Над пологим крыльцом красовался пестрый, в три человеческих роста плакат "Первого сентября — в родную школу!"; старательный

(хоть и бесталанный)

художник изобразил на фанерном щите девочку в аккуратном школьном передничке со стеклянными глазами и широкой улыбкой, воздымающую над головой распахнутый дневник; пятерки были выведены вызывающе красным.

На школьных ступенях неспеша возился паренек с метлой и в брезентовом фартуке.

Дина, волоча чемодан, прошла мимо, ткнулась в двери, — заперто.

— Ну и что? — недружелюбно покосился на нее дворник. Он был тощий, худосочный, похожий на цыпленка-переростка, и острый кадык ходил вверх-вниз по длинной шее.

— Мне директор нужен. Или кто-нибудь из начальства, — сказала Дина.

— Утром будут. — Дворник внимательно рассматривал незнакомку. Дина против воли повела плечами: кому приятно, когда вот так, не таясь, ничуть не стесняясь, как лошадь на скачках, тебя разглядывают с головы до пят. — А ты практикантка, что ли? — поинтересовался он. — Почему к занятиям опоздала?

Нет, кроме шуток, школьный дворник вел себя просто-таки вызывающе. Дина вспыхнула и отвернулась, едва сдержавшись.

Тем временем паренек, не дождавшись ответа, возвратился к прежнему занятию. Дина следила за траекторией подбирающейся к ногам метлы.

— Есть тут у вас гостиница? — наконец спросила она.

Однако дворник не удостоил ее и взглядом; как видно, решил изобразить занятость делами.

(Обиделся, что ли? Вот еще!)

Покачав головой, Дина подхватила поклажу и побрела к выходу. Она уже миновала ворота, когда за спиной раздался окрик:

— Эй!..

Дворник, подбоченясь, глядел на нее, оперевшись на метлу.

— Куда пошла? Тебе тут записка оставлена. С адресом.

Он протянул Дине сложенный вчетверо листок, выдранный из школьной разлинованной тетради. Размашистым почерком было начертано:

ЯВИТЬСЯ В ШКОЛУ В КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА К 8.00. ОСТАНОВИТЬСЯ НА НОЧЛЕГ: САДОВАЯ, 7.

— Не надо было тебе опаздывать, — сказал дворник с неожиданно сочувствующей интонацией. — Очень уж рассердилась Тамара Георгиевна. Очень.

2.

НЕ КУПАЙТЕСЬ В НЕЗНАКОМЫХ МЕСТАХ

— Садовая, семь?..

Старик пожевал губами, будто бы размышляя. Не надо быть тонким психологом, чтобы понять, что он просто тянул время, чтобы поподробнее рассмотреть собеседницу. Впрочем, старик и не таил истинной цели своего молчания.

Невысокого роста, седобородый, с маленькими глазками-буравчиками, припрятанными под редкими бровями, он мог бы показаться вполне добродушным типом, если бы не узкие синюшные губы, неприятно стянутые в ниточку. Старик был одет в ношеные спортивные брюки, поддерживаемые подтяжками, и не первой свежести майку. Он сидел у забора, напротив веранды своего ухоженного дома, к подлокотнику плетеного кресла была прислонена палка с массивным набалдашником.

По веранде и по двору кружили кошки, — много, штук восемь-десять, никак не меньше; помахивая длинными хвостами, они то и дело пялились на хозяина, словно сверяя, не пристало ли время приступить к иному занятию; то и дело одна из кошек небрежно вспрыгивала на колени старику и получала свою порцию хозяйской ласки; другие же ревниво мурлыкали вокруг.

Вот и теперь, — старик нежил огромного серого кота с желтыми круглыми глазами, и кот, казалось, глядел на непрошеную гостью так же подозрительно и оценивающе, как и хозяин.

— Садовая, семь, — это рядом, — кашлянув, наконец сообщил старик. — А кто нужен?

— Рядом, — где?

Вновь выдержав паузу — на сей раз лишь для того, чтобы немного потомить собеседницу, — он коротко кивнул на противоположный двор.

Улыбнувшись в знак благодарности, Дина перешла через дорогу и уже успела постучать в калитку, когда старик сварливо поправил:

— Я же сказал: наискосок! — и для убедительности указал палкой.

Выразительно взглянув на кошачьего предводителя, Дина подхватила чемодан и направилась к соседнему двору.

Калитка отворилась, едва девушка коснулась ее рукой. Мелодично звякнул колокольчик.

Тотчас в окне отдернулась занавеска и показалось круглое женское лицо, при виде Дины немедленно принявшее недовольное и донельзя озабоченное выражение.

— Вы к кому? Стойте на месте!

Растерянная подобным приемом, Дина застыла посереди двора. Дворик был не большой и не маленький, — довольно-таки просторный дворик, сплошь завешенный влажным бельем. Бельевые веревки крестили пространство вдоль и поперек, тянулись от яблони к яблоне, а затем — к завалившемуся набок сарайчику, а от него — к забору.

(Просто не двор, а прачечная)

— успела подумать Дина, когда из недр дома раздался грохот, и на крыльцо выкатилась кругленькая, низенькая, в аккуратненьких седоватых буклях хозяйка и, отирая руки о передник, решительным шагом направилась к гостье, перегораживая вход.

— Меня направили к вам из школы... на квартиру, — поспешно сообщила Дина, не дожидаясь, покуда хозяйка выставит ее за калитку.

— Паспорт при себе?

Гостья покорно извлекла из сумочки паспорт, а к паспорту еще и записку приложила — для убедительности.

Женщина принялась внимательно изучать документ, сверяя лицо на фотографии с оригиналом. Глазки ее, маленькие, но выглядевшие неправдоподобно крупными и выпуклыми за толстыми линзами очков, казалось, были приклеены к пухлому морщинистому личику.

— Мне говорила Тамара Георгиевна... — пробормотала женщина, как видно, успокоенная первыми результатами проверки. — Вообще-то я давно на квартиру не беру...

— Может, кто-нибудь из соседей?

— Деньги небольшие, да и хлопотно, — продолжала та, словно не услыхав Дининого вопроса. — Но раз Тамара Георгиевна просила!..

Она развернула тетрадный листок, пробежала глазами по коротким строчкам и лицо вдруг расплылось в гуттаперчевой улыбке.

— Да вы проходите, что ж встали-то! — засуетилась она, и эти новые интонации были так непохожи на прежние. — Комната хорошая, светлая, беспокоить никто не будет. Гостями мы не увлекаемся, и вы, да?.. Значит, приехали к нам на практику? Это хорошо. Детей учить — полезное занятие. Я ведь тоже раньше в школе работала, до пенсии, так что мы коллеги. Правда, я — завхозом. Здрасьте, Семен Семенович, — кивнула хозяйка старику, который, теша кота, из-за забора продолжал наблюдать за происходящим на чужой территории. — Сосед наш, Семен Семенович, — вполголоса пояснила хозяйка Дине, — вредный такой, сил нет. Мне его кошки весь огород потоптали. Зин, а у нас постоялица новая, от Тамары Георгиевны, — крикнула она, проходя мимо окна, и из окна выглянуло другое лицо — точная копия хозяйкиного, только молодое, почти девчоночье. И улыбка была хозяйкина, и маленькие глазки, и растрескавшиеся полные губы, и белесые ресницы, и букольки на лбу — только не седенькие, а огненно-рыжие, редкостно рыжего цвета. — Это Зина, дочка моя, — пояснила хозяйка.

— Здрась-сь, — сказала Зина гостье, а потом перевела взгляд на мать и лицо тут же приняло плаксивое выражение.

— Мам, тошнит опять, — заныла Зина.

— Компоту попей. Ох, и морока же с этими беременными, — сокрушилась хозяйка, призывая Дину посочувствовать, и Дине не оставалось ничего другого, как согласно кивать.

Семен Семенович смотрел вслед, покуда Дина и хозяйка не скрылись в доме. Потом он поднялся с кресла и, прихватив палку, направился к своей веранде. Странное дело, палка была ему вроде и ни к чему. Когда на Семена Семеновича никто не смотрел, шаг его становился бодрым и уверенным. Впрочем, об этом знали одни только петляющие вокруг коты.

... Ужин был скучным и пресным. Марья Павловна (так звали хозяйку) без конца жаловалась, что вынуждена держать дом на своих плечах, а заодно и дочку с зятем, что поэтому ложится спать рано-ранехонько, но мучается бессонницей и совершенно не выносит шуму; что молодежь нынче пошла не та и учить ее уму-разуму все сложнее; что днями из ресторанчика на пляже пропала молодая деваха — местная телеграфистка; все говорят: опять маньяк объявился, а Марья Павловна думает: Ленка всех вокруг пальца обвела и сбежала с каким-нибудь хахалем. Попутно хозяйка сообщила, что яблоки на базаре дешевеют, а жизнь дорожает, что убийца выбирает в качестве жертвы всегда молоденьких, но она опасается, как бы тот не изменился в предпочтениях; что Лауренсия собирается уйти из фазенды дона Педро, потому что Адольсина ее совершенно извела... и проч., проч., проч.

— Сегодня новая серия, — говорила хозяйка, — я прям извелась вся, что там дальше будет. Вчера на самом интересном месте закончили, что у них за привычка — заканчивать на самом интересном месте!.. Вы про Лауренсию-то смотрите?.. — уточнила Марья Павловна, не уловив оживления новой постоялицы при упоминании о Лауренсии. У нее потрясенно вытянулось лицо, когда Дина отрицательно кивнула в ответ. — Ну, что вы?! Это же такая постановка!.. а как играют! Просто бесподобно. У нас весь город смотрит. Мне соседка сказала, что в конце фильма она повесится, а он застрелится. Жалко, правда? Я уже решила, что последнюю серию смотреть ни за что не буду, я же этого не выдержу, у меня сердце слабое. Но пока вот смотрю. У нас, правда, телевизор нецветной, новый купить некому!.. — и Марья Павловна осуждающе поглядела в сторону зятя, который сделал вид, что

не понял намека.

Зять объявился, когда все уже расселись в гостиной за круглым столом под низко нависавшим абажуром, похожим на пышный кремовый торт. Услыхав звяканье колокольчика, Зина подскочила с места и помчалась в сени, и оттуда, из сеней, донеслось ее довольное и капризное пошептывание: "Тошнит опять!"

— Зять мой, Алексей, — не без гордости представила Марья Павловна. — Он у нас в больнице служит, доктором. На почетной доске висит.

В комнату вошел улыбающийся молодой мужчина. Он был высок, строен и хорош собой — прямо-таки герой-любовник с глянцевой картинки. Наткнувшись взглядом на Дину, он наспех поздоровался и уселся за стол. Беременная жена, поглаживая живот, примостилась рядом и принялась вполголоса сообщать последние новости

(пошевелился, ударил ножкой. Семен Семенович сказал, что часто рожать вредно)

а Алексей прилежно и рассеянно слушал, пожевывая хрустящий лист салата, и лишь однажды коротко поглядел на постоялицу.

У него был пухлый влажный рот, выдающий чувственность и безволие, красиво очерченный подбородок и тонкие быстрые пальцы. Кудрявые темные волосы, отброшенные со лба, ниспадали почти до плеч

("Красавчик, дамский любимчик, лжец...")

— Не забудьте принять на ночь реланиум, — мягко напомнил он теще.

Зина смешно и трогательно держала его за большой палец правой руки, — взяв в кулачок, как трехлетний ребенок. Гостья внимательно разглядывала разноцветные конопушки на Зинином вздернутом носике и ее подрагивающие рыжие ресницы.

— Спасибо, все было очень вкусно, — произнесла наконец Дина, приложив к губам щедро накрахмаленную матерчатую салфетку.

— Так как, Лаурენсию смотреть не будете? — с надеждой переспросила хозяйка, и видно было, что очень огорчилась, получив отрицательный ответ. — Постель постлана.

Оказавшись в небольшой, но вполне уютной комнатке

(коврик с лебедями на стене, ночник на украшенной узорчатыми салфетками тумбочке, старинная кровать с надраенными медными шишечками, веселенькие занавесочки)

Дина перво-наперво выглянула в окно. Замечательный вариант — окнами комната выходила в яблоневый сад, старый, запущенный, с высокой некошеной травой. За садом, надо понимать, простирался овражек с журчащим ручьем, — тот самый овражек, который Дина пересекла, приближаясь к двору Марьи Павловны. Ускользнуть из дому незаметно от чужих глаз через сад не представляло труда. Вот и славно. Лучше не придумаешь.

За стенкой гундосил телевизор. Взвинченный голосок дамочки восклицал, что есть Бог на свете, раз посылает благодать такой светлой душе, как Лаурენсия.

Дина раскрыла чемодан и извлекла темный сарафан и кофту. Можно надеяться, что в таком одеянии среди ночи ей легко будет остаться незамеченной. Переодевшись, девушка опустилась на жалобно скрипнувшую кровать и задумалась

(что я делаю?)

внезапно, как укол, возник в мозгу один-единственный вопрос

(права ли я?)

Как ни странно, ответ, казавшийся совсем недавно столь очевидным, теперь вовсе не устраивал ее.

В эту минуту Дина ощущала нечто похожее на угрызения совести. На мгновение ей даже захотелось отмотать время назад и перенестись к себе, в маленькую уютную комнату, стены которой увешаны журнальными репродукциями Микеланджело и Леонардо да Винчи. Издалека все казалось проще и очевиднее. Быть может, зря она решилась на то, чтобы сделать первый, самый важный шаг. Быть может, женский удел — ждать?..

Тем временем в гостиной разыгрывались нешуточные страсти. На экране старенького телевизора жгучая глазастая красотка, заламывая руки, умоляла почтенного старикана со стеком открыть ей пусть самую страшную, но правду. Старикан жевал губами и не решался. Марья Павловна и Зина сидели за уже убранным круглым столом, оцепенев от напряжения.

— Будь мужественна, Лаурენсия, — тянул жилы старикан. — Страшную новость принес я тебе.

— Не щадите меня, дон Педро! — рыдала красотка. — Слишком многое я снесла в этой жизни, чтобы быть обманутой и на сей раз. Неужели вы думаете, что я

недостойна руки Хосе Руиса?..

— Помилуй Бог! Я знал Хосе Руиса еще кудрявым мальчиком, он рос в моем доме, как родной сын. В тот тяжелый час, когда несчастная Карменсита умирала у меня на руках, я дал клятву, что Хосе Руис ни в чем никогда не будет нуждаться. Надеюсь, там, на небесах, Карменсита на меня не в обиде. Однако...

— Говорите, говорите, дон Педро, я умоляю вас!

— Дело в том, что Адольсина — не просто подруга Хосе Руиса. Узнай же, Лауренсия, что Адольсина...

— Не-е-е-ет! — завопила красотка, заводя вверх зрачки.

— Она — его жена!

Марья Павловна и Зина одновременно подпрыгнули на стульях, и из глаз доверчивой хозяйки в три ручья брызнули слезы.

— Ой! — простонала она, сморкаясь в смятый платок, покуда экранная Лауренсия на глазах у служанки и почтенного дона Педро картинно хлопнулась в обморок, — ой-ей-ей! Прикрой ей дверь, пусть отдыхает, — и махнула рукой в сторону Дининой комнатки.

Зина бросилась затворять дверь в коридорчик.

То была совершенно напрасная предосторожность: в эту самую минуту новая постоялица, обмирая, жарко припадала к губам Зининого мужа Алексея в долгом поцелуе.

Вокруг пели цикады, старая ива плескалась ветвями в прозрачной речной воде. Неподалеку раздавались взрывы смеха и приблатненный хрипловатый голос выводил ресторанный мотивчик. А пляж был пуст.

— Любимый, — шептала Дина, — Алешенька мой!..

— Боже мой, родная, — говорил Алексей, прижимая ее к груди, — как я рад тебя видеть. Вот уж никак не ожидал застать тебя в собственном доме, да еще в компании с тещей!..

— Я не виновата, меня из школы направили. Я еще неделю назад должна была приехать. Разве ты не получил мою телеграмму?.. Странно.

— Ничего. Завтра подыщем другое жилье.

— Зачем? Мне повезло, ты рядом.

— Ага, и теща — ушки на макушке, — усмехнулся Алексей. Дина не дала договорить. Обхватив руками его голову, она вновь приникла губами к его губам. После долгой разлуки любовники бывают ненасытны.

— Ты скучал по мне?

— Да.

— Очень?

— Очень-очень, — его руки жадно шарили по ее телу, сминая одежды. — Но все-таки это был опрометчивый шаг с твоей стороны. Не стоило приезжать, Диночка. Я же обещал — как только появится возможность, вырвусь, приеду.

— Ты обещаешь уже полгода, — грустно произнесла Дина. — Если бы ты знал, как это тяжело — бесконечное ожидание. Мне уже казалось, я начинаю сходить от него с ума. Мне плохо без тебя, Алешенька. Я просто умирала... Когда я узнала, что можно сюда приехать на практику, это был настоящий праздник. Но в последний момент все переиграли, я до ректора дошла, чтобы к тебе попасть... а ты не рад.

Алексей счастливо рассмеялся и крепче обнял ее.

— Да я рад, рад! — шепотом воскликнул он. — Ты разве не видишь, как я рад? Мне теперь ничего не страшно.

— Ты похудел, — озабоченно произнесла Дина.

— Ничего. Устал просто. Как-то сразу много всего навалилось. Работа, дом...

— И жена. А она симпатичная.

— Да? — фальшиво усмехнулся Алексей, раздосадованный новым неприятным поворотом разговора. Он попытался вновь поцеловать Дину

(быть может, для того, чтобы не дать ей продолжить фразу)

но девушка мягко уклонилась и закончила мысль:

— Почему ты не написал, что она беременна?

— Разве это имеет значение?

— А разве нет?

— Ну-у, — по-детски протянул Алексей и лицо его осветила виноватая и чуть капризная улыбка, — мы, что, сердимся?..

Возникла пауза. Из тех, тягомотных, когда одному собеседнику никак не удается сгладить неловкость, а другому не хочется ее усугублять, дабы не

рассориться окончательно. Невдалеке, звякнув струнами, вновь завелся ресторанный ансамбль.

— Искупаюсь, пожалуй, — наконец нарушила молчание Дина.

— Сейчас? — удивился Алексей.

— А что?

— Тебя могут заметить...

Дина пожала плечами: мол, подумаешь, — и спутник забеспокоился. Он слишком хорошо знал ее характер

(ведь сделает, назло сделает, чтобы привлечь всеобщее внимание)

и понимал, что отговаривать ее в эту минуту — пустая затея, чреватая новыми осложнениями.

— Идешь со мной? — игриво поинтересовалась девушка.

— Диночка, — Алексей все еще надеялся, что шутливая угроза не перерастет в действие, — ну, не надо. Здесь дурное течение... тебя может унести...

— Что ж, — пожала плечами Дина. — Я утону у тебя на глазах, и ты будешь виноват, и тебя замучают угрызения совести. Я буду холодная и мертвая.

— Диночка, не надо!..

Но она уже сбросила темный сарафан, и блузку, и обернулась к нему вопросительно

(может, все-таки решишься?)

показывая свое тонкое тело, и матовую кожу, и соблазнительные мягкие окружности грудей с темными, точно нарисованными сосками.

— Я тебя очень прошу, Диночка...

Не дослушав, она грациозно потянулась и неспешно побрела по отмели. Полная луна светила ей в лицо. В этом призрачном свете хрупкая девичья фигурка казалась почти бесплотной: млечно-белая на синей ребристой простыне реки.

Алексей метался в тени ивы, не смея позвать ее, чтобы не услышали другие; вытащил сигарету, закурил, но тут же бросил.

Конечно, ее могли увидеть, и не только увидеть, но и, как следует, рассмотреть: ее длинную ногу, которую она подымала вертикально вверх, когда уходила под воду, ее красиво посаженную голову с тяжелым слитком волос, ее руки, призывно махавшие Алексею и точно нарочно старавшиеся привлечь внимание сторонних глаз.

— Здесь мелко! — вдруг завопила Дина и, будто русалка, по пояс взлетела посередине реки.

— Тиш-ше! — прошипел Алексей, но, разумеется, она не расслышала — или же не пожелала расслышать.

Она двигалась по отмели в такт музыке, медленно поводя плечами и выставляя напоказ высокую грудь. Вокруг плавно кружили водовороты. Это купание, между прочим, и впрямь было небезопасным. В позапрошлом году на этом самом месте, на глазах у загоравших, в пучину утащило пятилетнего малыша; напрасно отчаявшийся отец нырял у отмели в надежде отнять у реки ее добычу. Худенькое тельце выбросило на берег несколько дней спустя, много ниже по течению.

А еще, Алексей помнил, здесь утонули трое подвыпивших парней, надумавших среди ночи поудить рыбу. Лодка перевернулась; все трое пошли на дно, как камни. Правда, это было давно, во времена Алексеева детства.

Стоя на берегу, Алексей теперь досадовал, что не успел опрокинуть всю эту информацию на строптивую подругу; быть может, услыхав все это, Дина повела бы себя обдуманней и не стала дразнить его.

А она его дразнила, это точно.

— Рыба!.. — раздался над рекой звонкий голос, — Алеша, рыба!

От неожиданности и возмущения он едва не вывалился из своего убежища.

Тем временем Дина, наклонившись над гладью реки, принялась шарить руками по илистому дну. Она то и дело исподтишка поглядывала в сторону старой ивы, где прятался спутник, и потому пропустила момент, когда к самому лицу ее неуклонно поднялось белое.

У глаз, почти вплотную, она увидала набухшую, в сизых трупных пятнах массу, полуоткрытое веко и чуть пониже — страшный, мученический оскал улыбки. Запутавшийся в волосах огромный черный рак воинственно замахнулся клешней.

Издав придушенный всхлип и еще не вполне понимая, что происходит, Дина метнулась к берегу; она слышала, как скрипели стиснутые зубы, — стиснутые до боли, отзывавшейся в висках; она чувствовала молчаливое сопротивление реки и выбрасывала вперед свое тело, отталкиваясь от воды руками.

Она работала ногами, как мотор, не позволяя никаких эмоций, не давая себе

времени опомниться: но ногу что-то стиснуло

(то ли водоросль, то ли оборка чужого платья)

— и от мысли, что движется она не одна, что, стоит лишь обернуться, и можно разглядеть, как вспухший труп рывками плывет следом, Дина отчаянно, утробно взвыла.

Когда она рухнула на песок, перед ресторанчиком на высоком пляжном берегу уже показались люди; завидя их, подавшийся было к подруге Алексей отпрянул назад и забился в самую ивовую тень.

Со стороны, пожалуй, это было нелепое и комическое зрелище: ползущая по песку обнаженная девушка, отчаянно и безуспешно пытающаяся сбить с ноги налипшую тряпку. Если бы не крик.

Несколько мужчин подхватили бьющуюся в истерике Дину и держали, покуда она вырывалась и безумными глазами отыскивала фигуру в ветвях прибрежной ивы.

— Але!.. Алеш-ш.., — захлебываясь, звала она.

— "Скорую" вызовите! — взвизгнула официантка.

Широкоплечий, с бычьи выставленной вперед головой вгляделся в тускло поблескивающую реку и, разом протрезвев, произнес:

— Ешь-поберешь!..

3.
КАК СТАТЬ УБИЙЦЕЙ

Следователь был невысок ростом, с короткими кукольными пальцами и круглым лицом, то и дело вспыхивавшим нежным, переходящим на залысины румянцем. Склонившись над клеткой, он тыкал мизинцем в кормушку, однако канарейка, для которой и был устроен весь этот спектакль, как прежде, сидела на жердочке и только косила в его сторону сердитым глазом.

— Тирлим! Тирлим! — восклицал следователь медовым голоском. В конце концов это надоело и, раздраженно сплюнув, следователь швырнул в птицу щепотку пшена и обрушился в жалобно скрипнувшее кресло. — Ты подумай: голодовку объявить вздумала! — пожаловался следователь Дине, — второй день надо мной измывается, а! Ладно. Вернемся, как говорится, к нашим баранам. На чем мы остановились?

Дина пожала плечами.

— Все. Пляж пустой был. Ничего такого.

— И не боялись: одна, ночью, в набежавшую волну, так сказать? — интимно поинтересовался собеседник.

— Не из пугливых.

— ... Да еще в чужом городе, а?

Дина молчала. После ночного приключения ей было не до шуток. Сначала ее отпаивали валерианой в зале пляжного ресторанчика; столпившиеся вокруг официантки и подвыпившие посетители глядели на нее сочувствующе и заинтересованно. Она вдруг поймала себя на мысли, что направленные на нее взгляды вовсе не так безобидны и есть в них что-то унизительное. Так рассматривают посетители зоологического сада экзотическое животное, отделенное от мира железной решеткой.

Потом в ресторанчике объявился милицейский чин; он долго и с удовольствием раскладывал на столике писчие принадлежности, распахнув перед Диной обшарпанную папку, а затем принялся заполнять протокол. То и дело чин подымал на Дину холодные прозрачные глаза, и ей вновь становилось не по себе.

Она уже вполне овладела собой и достаточно уверенно отвечала, что в одиночку решила прогуляться под луной и искупаться во все еще по-летнему теплой реке. Разумеется, она была одна, — а с кем же еще ей быть?..

Милиционер неспеша заполнял пустые графы протокола, и Дине чудилось, будто он знает ее тайну.

Алексей же в ресторанчике так и не появился.

Потом милиционер на тарахтящем мотоцикле с коляской довез Дину до двора Марьи Павловны и самолично разбудил хозяйку. Марья Павловна появилась на крыльце заспанная и перепуганная; увидав милицейскую форму, она переполошилась пуще прежнего. Динин провожатый стал пространно объяснять, что ничего не случилось, просто новая постоялица, купаясь в реке, наткнулась на труп телеграфистки. Марья Павловна взвизгнула и от избытка чувств привалилась к дверному косяку.

Воспользовавшись суматохой, Дина скользнула к себе и заперлась. Разумеется, она понимала, что предстоит неприятный разговор, но решила

оттянуть его до утра.

Однако и утром общение с хозяйкой не состоялось. Дину разбудил мерный стук в дверь. Милиционер — не тот, прежний, а новый, усатый и сердитый — объявил, что девушку требует к себе следователь для дальнейшего разбирательства. Наскоро одевшись, Дина покинула жилище, тихо радуясь подобному обороту событий. Марья Павловна мрачно глядела ей вслед.

Провожатый повел Дину по уже знакомым узким улочкам с покосившимися заборами. Отчего-то сейчас эти улочки не казались столь уютными, как прежде. Быть может, потому, что на сей раз каждый встречный норовил обернуться и смерить девушку настороженным взглядом. Дина делала вид, что не замечает этого, однако против воли передергивала плечами.

Милиционер молчал.

Зато следователь оказался говорлив сверх всякой меры. Он сыпал ничего не значащими словечками, хихикал собственным неудачным шуткам и без конца потирал руки. Три часа бесконечных муторных расспросов: что да почему?

Дина тяжело вздохнула. Следователь прищурился — и вдруг залился мелким рассыпчатым смешком.

— Так значит, одна? Значит, ничего не знаете? Значит, просто решили искупаться?

— Именно.

— Отважные девушки пошли, — восхитился следователь, — откудова только такие берутся!.. Ну, скажите честно, по-хорошему...

— Господи, сколько ж можно! — не выдержала Дина.

Взгляд следователя внезапно приобрел неприятный стальной оттенок.

— При каких обстоятельствах вы познакомились? — резко произнес он.

— Что?

— Когда и где познакомились, спрашиваю.

— Послушайте... я не понимаю, — растерялась Дина. От неожиданности она не смогла скрыть свое замешательство

(откуда он может знать об Алексее?)

Следователь усмехнулся.

С шумом выдвинув столешницу, он извлек пачку глянцевых фотографий.

— Елена Лутошина, — прокомментировал следователь, положив первый снимок перед допрашиваемой, — узнаете?

Узнать в этом тонком миловидном девичьем лице вчерашнюю разбухшую массу с жутким оскалом и беловатым затекшим зрачком было затруднительно, но Дина кивнула.

На второй фотографии она увидела праздничную компанию за накрытым столом; в центре восседала улыбающаяся Лутошина, и молодцеватый мужчина, торжественно подняв бокал, произносил обращенный к ней тост.

— Снимки сделаны третьего сентября в банкетном зале ресторана... того самого, у пляжа, — сообщил следователь. — Елена отмечала свое восемнадцатилетие. Вам приходилось, где-то как-то, бывать в этом заведении?

— Я же сказала: я впервые в вашем городе, — пробормотала Дина.

— Ага, — отчего-то обрадованно кивнул следователь, и продолжил раскладывание пасьянса. — Тот же вечер, третье сентября: именинница танцует тур вальса с отцом. Тост на брудершафт, где-то как-то. В компании с друзьями. Никого не узнаете?

Дина едва удержалась от восклицания. По счастью, теперь она уже была готова ко всяческим неожиданностям, и потому смогла спрятать изумление и растерянность. На фотографии был изображен уютный ресторанный уголок, китайские фонарики свисали с потолка, к распахнутым глянцевым ладоням старого фикуса. Под фикусом разместилась небольшая группа молодых людей; естественно, они корчили рожи и незаметно подставляли друг дружке рожки, сложенные из указательного и среднего пальцев. Среди них выделялись Елена Лутошина в своем желтом ярком платье и молодой улыбающийся мужчина, приятельски приобнимавший именинницу. Это был Алексей.

Дина отрицательно покачала головой.

— Превосходненько, — сказал следователь таким тоном, будто иного ответа он и не ожидал. — Елена Лутошина больше не фотографировалась. Но, понимаешь, какая штука: в объектив иногда попадают, где-то как-то, незапланированные вещи. Бывает, а?

Выдержав блистательную актерскую паузу, он медленно положил перед Диной, точно козырного туза, фотографию торжественного швейцара со вставной челюстью.

Дина недоуменно уставилась на снимок.

— Это кто? — спросила наконец она.

Следователь расплылся в довольной улыбке, просто-таки масляной улыбочке, и, схватив со стола черный фломастер, жирной чертой обвел две смутные фигуры на заднем плане.

— Гораздо интереснее, — заявил он, — КТО ЭТО!

В парк, надо думать, к реке, уводила узкая дорожка с тусклым фонарем в глубине. На дорожке виднелась фигура в желтом платье — бесспорно, это была Лутошина; задумчиво склонив голову набок, она слушала собеседницу. Сама же собеседница — девушка в приталенном клетчатом платье, полуразмытая в движении — довольно настойчивым жестом, придерживая за локоть, казалось, пыталась увлечь именинницу в сторону ресторанных задворок, к крутому речному обрыву. Вполне мирная картинка, — если не учитывать, что с той минуты Лутошину никто не видел в живых.

Впрочем, Дину теперь поразило не это.

— Ну-с, — в голосе следователя зазвенели высокие победительные нотки, — и вы по-прежнему продолжаете утверждать, что никогда здесь не бывали, где-то как-то?

Дина обалдело уставилась на собственное отражение в дверце забитого бумагами и папками книжного шкафа, не веря глазам. Какие могут быть сомнения! — на снимке фигурировал ни кто иной как она сама, точь-в-точь, и аккуратно забранная прическа, и лиловая лента в волосах, и клетчатое, скромное и строгое на вид, почти ученическое

(но для знающих толк в моде людей весьма модное и дорогое)

платье.

Дина нервно разгладила на коленях уличающий клетчатый подол.

— Вот! — рявкнул следователь, выкладывая перед девушкой новые и новые снимки, укрупняющие странную пару на ночной парковой дорожке. — Вот, вот и вот! Какие еще нужны доводы, барышня?

— Фотомонтаж, — ляпнула Дина первое, что пришло на ум.

— Фотомонтаж, — усмехнулся собеседник. — Фотомонтаж!

Пожалуй, теперь, увидав замешательство жертвы, следователь окончательно расслабился. Теперь-то она никуда не денется. Попалась.

У него был вид сытого котяры, решившего в свое удовольствие поиграть попавшей в лапы птичкой, прежде чем разгрызть головку. Заведя руки за спину, он несколько раз гоголем прошелся взад-вперед по кабинету, и лишь затем с видом заправского иллюзиониста распахнул дверь и приказал:

— Входи!

Скрипнули половицы, и первое, что увидела Дина, были старые стоптанные штиблеты, обутые на босу ногу. Переваливаясь с пятки на носок, эти штиблеты показались на пороге и в нерешительности остановились.

Дина вдруг ощутила сосущее чувство под ложечкой.

— Вы знаете этого человека? — строго спросил следователь. — Виделись когда-нибудь?

Да, виделись: он томился у окна в коридоре и долго провожал Дину взглядом, покуда она в сопровождении милиционера направлялась к кабинету следователя. Парень лет двадцати пяти — двадцати семи, белобрысый, с начинающей редеть шевелюрой, стянутой в легкомысленный хвостик на затылке, со стареньким фотоаппаратом на лямке через плечо, он из-под насупленных бровей пялился на девушку. В тот момент Дине, и без того раздосадованной последними событиями, внезапно остро захотелось развернуться и сказать ему в лицо что-то такое, что навсегда бы отбило охоту бесстыдно рассматривать незнакомых людей; однако она промолчала и лишь недобро стрельнула глазами в его сторону. Хам.

— Превосходненько, — мурлыкнул следователь и обратился к вошедшему:

— А ты — ты ее видел?

Прежде чем ответить, парень несколько мгновений молчал, уставясь Дине глаза в глаза. А потом отвел взгляд и сбивчиво пробормотал:

— Н-ну... на фотографии.

— На фотографии, которую ты сделал на крыльце пляжного ресторана вечером третьего сентября, — уточнил следователь, — так? Смотри внимательно: она это или не она?

— Не помню. Выпил я тогда... извините.

(Странно, подумала Дина, такой проницательный взгляд. Он никак не вяжется с нелепой интонацией юродивого)

— Ты же фотограф, Андрей, — не унимался следователь. — Ты последним снимал потерпевшую в тот вечер. У тебя, где-то как-то, должна быть отличная профессиональная память. Ты просто-таки обязан вспомнить!

— Обязан, — покорно согласился тот. — Но - не вспоминаю.

Следователь фыркнул и пошел багровыми пятнами. От возмущения он несколько секунд беспомощно хлопал ртом, но затем, как видно, осознав, что от бестолкового фотографа более ничего не добиться, резко развернулся к Дине и обрушился на нее со всей накопившейся досадой и злостью:

— А ты чего замолчала, а? Была там? Да-или-нет, да-или-нет, говори!!!

Сквозняком садануло оконную раму, — так, что нестройно и жалобно звякнули стекла, занавесь вздулась и двери распахнулись. Груды бумаг со стола взвились в воздух, и хозяин кабинета, беспомощно размахивая руками, принялся ловить их, как ретивый голубятник пытается укротить не в меру расшалившихся питомцев-голубей.

Этот момент надолго отпечатается в памяти Дины.

В белых вьюжащихся протоколах и объяснительных записках вдруг возникла темная стройная фигура. Тамара Георгиевна высилась на пороге, будто сильная норовистая лошадь, хищно раздувая ноздри; руки ее, тяжелые, с широкими ладонями и острыми перламутровыми ногтями, бездвижно свисали вдоль бедер. Одета она была в синий строгий костюм и кипенно-белую блузу; воротничок плотно обхватывал шею.

Что-то дикое, яростное и не допускающее пререканий, заставляющее безвольно опустить перед ней голову, таилось в ее осанке да еще в том, как не шевелясь она обводила глазами присутствующих.

Черты лица деформировал резкий “педагогический” макияж, выделявший жесткость взгляда и подчеркивающий разлет бровей, — просто-таки не лицо, а древнеяпонская маска. Высокая прическа, открытые виски. Тонкие губы были решительно сжаты. Дина успела подумать, что женщина, пожалуй, красива, — пускай и какой-то особенной, извращенной красотой, однако, несомненно, приковывавшей внимание, — и в ту же секунду вздрогнула, потому что взгляд из-под бровей остановился именно на ней.

— Почему не в школе? — отрывисто произнесла женщина, и Дина невольно оглянулась, не вполне веря, что вопрос адресован именно ей.

Наконец она промямлила:

— Я?

— Почему не на уроках, спрашиваю. Тебе передали мое приказание? Ты получила записку?

— Тамара Георгиевна, — неожиданно попытался прийти на помощь (как показалось Дине) следователь, — тут такое дело, понимаете ли... у нас есть основания полагать...

— Короче.

— Я думаю, эта девушка причастна к убийству телеграфистки Елены Лутошиной, — будто ужаленный, выпалил следователь и уставился на гостью.

Дина судорожно глотнула воздух. Тамара же Георгиевна осталась невозмутимой, — впрочем, как и фотограф Андрей.

— Здрасьте, моя бабушка, — усмехнулась женщина, смерив следователя ироническим взглядом.

— У нас и доказательства имеются! — поспешил прибавить тот, вновь пойдя багровыми пятнами. — Вот!

Сграбастав со стола злополучные фотографии, он протянул их визитерше. Та снисходительно пролистнула одну за одной, мрачно хмыкнула.

— Ну и что?

— Она была в ресторане в день убийства!

— И Андрей был, — верно, Андрей? И вот доктор наш, я вижу. Меня Леночка тоже приглашала. Дальше?

Следователь обескураженно почесал лысоватую макушку.

— Нон мульта, сэд мультум! — внезапно прозвучало из-за спины Тамары Георгиевны, и Дина с удивлением обнаружила, что в кабинет женщина вошла не одна. Из-за спины ее выглянуло сутулое низкорослое существо с папочкой подмышкой; возрастом до тридцати, но казавшееся гораздо старше из-за подслеповатых очечков да обозначившейся плеши. Дина поймала на себе его испытующий взгляд и против воли поежилась.

— А? — растерялся следователь и вновь зарделся.

Плешивый снисходительно усмехнулся.

— В немногих словах, но много по содержанию. Латынь, — строго пояснил он, вновь взглянув на Дину.

— Я вас не заметил, Андрон Анатольевич, — попытался замять неловкость следователь. — Добрый день.

Тот кивнул, а Тамара Георгиевна по-хозяйски распорядилась:

— Вот что. Она пойдет со мной. Это - моя практикантка. Моя, слышишь, Петя. Если у тебя к ней вопросы, ты в первую очередь должен был известить об этом меня.

— Я тут, где-то как-то, тоже не в игрушки играю, — обиделся следователь.

Тамара Георгиевна холодно-вопросительно воздела бровь, и он стушевался.

— Отныне все показания — в моем присутствии. Я за нее отвечаю. Ты понял, Петя?

Зависло молчание, внезапно разрешившееся отчаянной трелью канарейки.

Женщина усмехнулась и закончила:

— И покорми птичку!

4.

ПЯТНО НА РУБАШКЕ

В коридорах милиции царила привычная суета. Тетки с кошелками, сомнительного вида типы с помятыми небритыми физиономиями, озабоченные секретарши в милицейской форме сновали туда-сюда, сталкиваясь меж собой и вяло переругиваясь. Однако при приближении Тамары Георгиевны суета затихала сама собой, публика почтительно расступалась и здоровалась.

Тамара Георгиевна кивала и, не останавливаясь, продолжала путь.

Дина видела перед собой ее широкую спину. Андрон Анатольевич

(впрочем, какой он Анатольевич? — да ему, несмотря на плешь и старания выглядеть по-взрослому, едва-едва за двадцать, решила Дина)

крепко удерживая подмышкой папочку, семенил следом.

— Впервые имею удовольствие знакомиться с подчиненной в стенах милиции, — резко нарушила молчание Тамара Георгиевна, не оборачиваясь и не замедляя хода. — Мало того, что на неделю к занятиям опоздала? Кто позволил шляться по ночам невесть где?

— С какой стати вы разговариваете со мной в подобном тоне? — огрызнулась Дина.

— Охо, — подал голос Андрон, прихлопнув ладонью по папочке, — недурно.

Тамара Георгиевна развернулась и уставилась на девушку сквозь очки. Против воли Дина поежилась. Ну и взгляд.

— Девушка, как видно, забывает, кто есть я и что есть она, — ледяным тоном произнесла директор школы.

— Инкрэдибилэ дикту, — поспешно поддакнул спутник и специально для Дины перевел: — Невероятно.

— Сегодня мне заниматься тобой недосуг, — объявила Тамара Георгиевна. — И без того полдня коту под хвост. Завтра в восемь ноль-ноль — в моем кабинете. Надеюсь, больше не придется вытаскивать тебя из милиции, — презрительно прибавила она.

— Обедать? — спросил Андрон.

— Надо к Леночке покойной заглянуть, — произнесла директриса, взглянув Дине в самые зрачки, — и венок заказать хорошо бы.

Дина молча провожала глазами удаляющуюся парочку. Подручный, мелкими шажками обогнав патронессу, выскочил на крыльцо и распахнул перед ней дверцу стареньких “жигулей”. Тамара Георгиевна величественно опустилась на сидение; мотор взревел и машина вскоре исчезла за углом, оставив после себя лишь облачко пыли.

Ну и дела.

Растерянно покусывая губу, Дина побрела по пустынной городской площади.

Еще вчера все было хорошо. Еще вчера она была полна надежд и планов. Она ждала встречи с Алексеем в полной уверенности, что время тревог и мучительного ожидания позади, и теперь их обоих ожидает только радость.

Однако то, что произошло накануне ночью и то, что случилось теперь в кабинете следователя, не лезло ни в какие ворота.

Перед глазами девушки вставала увеличенная фотография, на которой была изображена растерянная телеграфистка Елена Лутошина, которую уводила в неизвестном направлении фигура в клетчатом платье, и Дину охватывала

тошнотворная слабость и испуг.

Конечно, все это полная ерунда, – однако факт оставался фактом: на снимке фигурировал кто-то, неоспоримым образом на нее похожий. Ситуация, прямо скажем, пренеприятнейшая. Как из нее выкручиваться, Дина не имела ни малейшего представления.

– Редкая удача: нам по пути! – вдруг услыхала девушка над ухом знакомый голос. – Вам в какую сторону?

Дина обернулась, и обнаружила за спиной улыбающуюся физиономию этого застенчивого блондинчика, фотографа. Вот наказ! – мы и в чем ни бывало, он являлся на нее с радостным видом, будто повстречал давнюю хорошую приятельницу.

– В противоположную! – рявкнула Дина и шарахнулась в проулок, однако фотограф и не думал оставлять ее в покое.

– Что ж, прогуляемся, – усмехнулся он, вприпрыжку двигаясь за ней. – Обожаю гулять по городу с красивыми девушками.

– Отстань, а.

– Ты, что, сердишься на меня? Я же тебя, можно сказать, только что от смерти спас. А если бы я во всем сознался?

Фотограф, разумеется, молол какую-то чепуху, однако Дине от его слов становилось еще более тошно.

Она даже не могла отрезаться, она мечтала лишь о том, чтобы поскорее избавиться от неприятного спутника.

– Между прочим, ты моя должница, – ничтоже сумняшеся, объявил тем временем он. – Единственную приличную рубаху угробила. У меня зарплата маленькая, мне теперь такую рубашку ни в жизнь не купить!

– То ты хочешь со мной расплатиться? – поинтересовалась Дина. – Что еще за рубаха?

– Ну, как же! – оживился фотограф, обрадованный ее реакцией и еще тем, что она наконец обратила на него внимание. – Я ведь только теперь понял, что ты нарочно вышеснула на меня вино... там, за ресторанчике, когда я тебя танцевать пригласил.

Несколько мгновений Дина молча глядела на ухмыляющегося парня.

– У тебя с головой все в порядке? – поинтересовалась наконец она.

– С головой, надеюсь, пока да, – бодро ответствовал тот, – а вот с рубахой беда.

Он распахнул свой поношенный пиджачишко; Дина обомлела. На кипенно-белой ткани красовалось застиранное, но отчетливое розовое пятно.

– Узнаешь свой автограф? – осклабился фотограф. – Тогда залил рассказывай, как дело было!

Отвернувшись его, Дина со всех ног бросилась прочь. Она не помнила, сколько бежала по пыльным пустынным улочкам и как оказалась у старой покосившейся будки таксофона.

Сжимая трубку, она дрожащей рукой, едва попадая в дисковые отверстия, набрала номер.

– Алло, больница?.. Доктора Алексея Григорьевича пригласите, пожалуйста. – Она не могла совладать с собой. Внутри растекался холод. – Алеша? – закричала она, услышав родное "да, слушаю". – Алеша, меня обвиняют в убийстве!..

Фотограф Андрей издалека мрачно наблюдал за этой сценой.

5.
ЗНАКОМСТВО

Она до краев заполнила ванну горячей водой, а затем несколько минут глядела в запотевшее от пара зеркало. Каштановые кудри струшились по плечам... ненавистные каштановые кудри. Схватив ножницы, она принялась кромсать волосы у самых корней.

Тяжелые пряди с шорохом валились к ногам.

Дина успокоилась лишь тогда, когда увидала в зеркале не себя, а какое-то постороннее существо, похожее на пациентку тифозного диспансера.

Глаза горели тусклым горячечным светом.

Она разделась и осторожно ступила в воду. Заранее освобожденная от обертки бритва лежала на краю ванны.

Все в порядке.

Больше ничего не будет.

Только жаль маму. Для мамы это станет тяжелым ударом.

Но мама поймет. Мама простит.

Много лет назад, когда Дина была еще ребенком, мама тоже попыталась совершить подобный шаг. Папа, добрый замечательный папа с красивой улыбкой на мужественном лице, собрал вещи, поцеловал Дину в обе щеки и ушел к другой женщине.

Дина не понимала, как это может быть: взять и уйти. Навсегда. От нее и от мамы.

Мама молчала. Мама не плакала. В тот вечер она, взяв Дину за руку, отправилась гулять в городской парк, как ни в чем ни бывало. Соседки, расположившиеся на скамье у подъезда, при появлении мамы и Дины разом смолкли и долго провожали их взглядами.

В парке мама смеялась и вместе с Диной кружилась на карусели. Было воскресенье. Из громкоговорителя лилась нежная мелодия и голос знаменитой артистки выводил припев: "Миллион, миллион, миллион алых роз!.."

А ночью мама отравилась.

На ночном столике Дина увидала груду весело шуршащих таблеточных оберток. Мама лежала, запрокинув голову, и губы ее были синими.

Дина принялась теребить мамину руку, и вдруг почувствовала, что теплая мамина рука теперь холодна, как лед.

Она заплакала и побежала к соседке напротив. Заспанная и перепуганная соседка, открывшая на звонок, долго не могла сообразить, в чем дело. Потом она вбежала в квартиру, увидела маму с синими губами и стала звонить в "Скорую".

Приехали люди в белых халатах с серьезными озабоченными лицами, и никто не замечал Дину, а все толпились вокруг кровати, где лежала мама, и переговаривались короткими непонятными фразами

(названиями лекарств?)

Дина слышала звяканье шприца о металл. Она видела, как острая игла входит под кожу, в то самое место, где кожа на руке, у изгиба локтя, была самая тонкая и где пульсировала синяя извилистая жилка.

— Она умерла? — беспрестанно спрашивала соседка, прижимая Динину голову к своей груди и суетливо взъерошивая Дине волосы, — она умерла, скажите.

Мама выжила.

Однако, когда она вернулась из больницы много дней спустя, Дина не сразу узнала ее.

Красивая, юная, белолицая, такая улыбчивая и счастливая, теперь мама была похожа на высохшую старуху с коричневой кожей и желтыми, в розовых прожилках, мутными глазами. Голова мамы мелко тряслась, а на висках было белым-бело.

Она не сразу узнала Дину.

— Мамочка... это я, мамочка! — сказала девочка и заплакала.

— Не плачь, — строго велела мама. — Никогда не плачь. Будь сильной.

Вот и теперь — Дина не плакала.

Она спокойно и методично провела лезвием бритвы по вене

(по тому самому месту, в которое когда-то врачи втыкали иглу, делая спасительный укол маме)

и увидела, как тонкие розовые змейки заструились в воде. Откинув назад голову, Дина ждала. Как профессиональный биолог (хоть и будущий), она знала, что силы будут оставлять ее постепенно, что сначала тело охватит истома, а потом закружится голова и сладкий сон-забытье унесет ее... навсегда.

Мелодрама, скажете вы. Ну и пусть. Если любовь закончилась, закончена и жизнь.

Кирилл крепко взял ее за руку и, заглянув в глаза, мрачно произнес:

— Пойми. Мы взрослые люди. Я больше не люблю. Разве нужны еще какие-то слова?

— Нет, — сказала Дина.

— Вот и славно. Мне было с тобой хорошо. Тебе ведь тоже было хорошо, верно?

— Да, — сказала Дина.

— Тогда расстанемся, не причиняя друг другу боли. Идет?

Самое трудное, когда тебя бросают, — сохранить достоинство. Или — хотя бы видимость достоинства.

Дина шла по коридору института, и ей казалось, что все (и преподаватели, и студенты) иронически пялятся ей вослед. Она старалась как можно более прямо держать спину.

Все знали, что Кирилл бросил ее. Все знали, что Кирилл променял ее — и на

что!.. Не каждый удержится, когда в качестве свадебного подарка ему предлагают квартиру, иномарку, роскошную дачу и круглогодичный отдых на лучших курортах.

Кирилл... трогательный Кирилл, большой ребенок.

(Дина, я люблю тебя за то, что ты такая!.. Мне так спокойно с тобой. Я люблю тебя за твои волосы. У тебя дивные волосы. Пообещай, что ты никогда не будешь стричься... что ты никогда не сострижешь эти волосы!.. Пообещай, иначе я уйду от тебя, вот увидишь!..)

Разве можно было осуждать его хоть за что-то? За капризы, за дурное настроение, за по-детски надутые губы, если что-то происходило против его воли и желания?.. Разве можно его осуждать за этот поступок? Разве, положа руку на сердце, Дина не подозревала где-то в глубине души, что так все и окончится?..

— Ты не тех выбираешь, — сказала мама. — Позволь мужчине заботиться о себе. А у тебя все наоборот.

— Это мое дело, мама.

— У тебя вся жизнь будет сломана. Посмотри на меня.

— Мама. Советовать — легче всего. Почему же ты, если такая умная и прозорливая, не смогла справиться со своими проблемами?.. Ну, не надо, не плачь. Прости, мама. Я — скверная дочь. Прости меня.

Мама плакала у нее на руках, а Дина думала о своем.

(НИКОГДА НЕ ПЛАЧЬ)

(если нет сил плакать, то нет сил жить)

(да и зачем?)

Дина думала о горячей ванне и бритве.

... Она открыла глаза, и не сразу поняла, где находится. Вокруг было белое. Чистое, слепящее глаз.

(Рай? Самоубийцам вход сюда заказан)

— Наконец-то!.. — этот голос прозвучал как сквозь вату, тихий, мягкий.

И тотчас на фоне белого возникло лицо.

— Как ты себя чувствуешь? Хочешь пить?

Он был красив и молод. Темные кудри. Кирилл?

— Меня зовут Алексей Григорьевич. Я — почти что ваша сиделка. Точнее, врач-стажер. Я вас спасаю от глупости. Это ведь глупость — резать себе вены в таком солнечном возрасте, разве нет?

Он улыбнулся. Он был похож на Кирилла.

— Уйдите, — сказала Дина.

6.
ЛЮБОВНИКИ-1

— Я люблю, я люблю тебя! — шептал Алексей, скользя губами по ее губам.

Отчаянно, будто в последний раз, она прижималась к нему всем телом, оплетала его руками.

— Я люблю тебя!..

— Но все-таки ты должна уехать...

— Одна? Нет.

Он поглядел на нее нежно и растерянно. Она знала, что он испытывает в эту минуту: ему и страшно оттого, что в любой момент тайна ее приезда может быть раскрыта, и мучительно при мысли, что Дина уедет одна, без него, покинув его тут, в этой дыре, безо всякой надежды вырваться отсюда. Алексей пытался скрыть свои чувства, и от этого выглядел еще более трогательно и беззащитно.

— Ты не понимаешь, — прошептал он. — Ты не понимаешь, насколько все серьезно...

Вскочив с дивана, он направился в прихожую. Дина невольно залюбовалась его мускулистой стройной фигурой. Сильные руки, поджарый живот. Фотомодель, да и только.

— Я тебе сейчас расскажу!.. — прокричал Алексей из коридорчика.

Дина покачала головой и рассеянно огляделась.

Повсюду был холостяцкий беспорядок; на кухне, звонко барабаня по раковине, капала вода.

Здесь было неуютно, однако, судя по всему, Алексей в квартирке приятеля чувствовал себя по-свойски. Разве что добираться сюда пришлось со всеми мыслимыми мерами предосторожности, поодиночке. Первым, низко опустив голову и подняв плечи, в подъезд облупившейся двухэтажки скользнул Алексей. Дина выждала назначенные четыре минуты и направилась следом.

Ее мучила поспешность и скрытность запретного свидания; по ее ощущению, все это отдавало провинциальной пошлостью и превращало любовный роман в маловразумительную интрижку. Однако Алексей, казалось, вел себя так, словно все разворачивается по плану и иначе быть не может.

Скрепя сердце, Дина смирилась.

Оставшись наедине с любовником, она забыла про тревоги последнего времени и целиком отдалась нахлынувшему чувству. Она лишь в двух словах успела рассказать о посещении кабинета следователя и о странной директрисе школы, так неожиданно и уверенно вызволившей ее из милиции. Алексей помрачнел, и Дине не оставалось ничего другого, как прижаться к его губам своими горячими губами. Они потеряли счет времени.

Теперь же ощущение реальности возвращалось, и от этого на душе становилось тоскливо.

— Послушай, Алешенька, — произнесла Дина, покуда герой ее романа возился в коридоре в карманах модного пиджака, — я уже успокоилась. Конечно, история неприятная, кто не испугается поначалу!.. Но ведь это просто идиотское недоразумение. Неужели кто-то всерьез может заподозрить меня в убийстве?!.. — она невольно рассмеялась при этой мысли, хотя смех, надо признаться, получился не слишком убедительным. — Все будет в порядке.

— Ты не понимаешь! — закричал Алексей, появляясь на пороге комнаты. — Вот, посмотри.

Он выудил из бумажника несколько смятых газетных вырезок и расправил в руках.

"РАЗЫСКИВАЕТСЯ ДЕВУШКА", гласил заголовок той вырезки, которая лежала сверху.

— Что это?

— "В минувшую среду ушла из дому и не вернулась Людмила Бондаренко, двадцати двух лет", — прочел Алексей. — "Была одета..." Так. Дальше. — Он открыл другую вырезку. — "Жители нашего города напуганы новой загадочной смертью. Татьяна Зотова была задушена неподалеку от Змеиного источника позапрошлой ночью..."

— Я не понимаю, — пробормотала Дина, не заметив, что своими словами лишь подтвердила слова Алексея.

— "Ирина Шевелева, — будто не услыхав девушку, продолжал тот, — двадцатичетырехлетняя продавщица универмага, бесследно исчезла...". Ее потом нашли, — сообщил Алексей. — На пустыре... с удавкой на шее. А вот недавняя заметка: "Минувшим воскресным вечером из пляжного ресторана пропала телеграфистка местного узла связи Елена Лутошина. О ее дальнейшей судьбе ничего не известно". Догадываешься, о ком речь?

Подняв глаза от вырезок, Дина в замешательстве поглядела на любовника.

— Алешенька, зачем ты носишь с собой эти вырезки?

Теперь настал черед смутиться Алексею.

— А что?.. — пробормотал он, пряча взгляд. — Что в этом такого?

— Я предпочла бы, чтоб в твоем бумажнике хранились мои письма... наши фотографии. Я же прислала тебе фотографии, те, где мы вдвоем. Где они?

Алексей молчал. Дина осторожно коснулась его руки.

— Ты, что, потерял их?

— Нет, ну что ты!.. — воскликнул он с деланной бодростью, а потом стушевался и пробормотал: — То есть... их украли.

— Кто украл? — голос Дины задрожал.

— Почем я знаю!..

Она отвернулась, не желая, чтобы он увидел ее растерянное, жалкое лицо.

Он потерял фотографии.

В общем, мелочь, конечно.

Но на этих фотографиях было запечатлено начало их романа. Счастливые, они гуляли по огромному городу, и тут, откуда ни возьмись, перед ними возник мальчишка-фотограф и закричал: "Внимание, снимаю!"

— Я не люблю фотографироваться на улице, — запротестовал Алексей, но Дина взмолилась:

— Пожалуйста!.. со мной!

Алексею не оставалось ничего другого как согласиться. Такими они и запечатлелись на снимках: улыбающимися, счастливыми, чуть смущенными от осознания своего безбрежного счастья.

— Я развожусь, — сообщил ей тогда Алексей, — мне больше нечего делать в

этом городке. Жена?.. а что жена! Ей нет до меня дела. В сущности, мы никогда не любили друг друга. Просто так сложились обстоятельства, нам пришлось пожениться. Наконец-то мы освободимся друг от друга. Дина, я люблю тебя!..

— ... Ну, прости!.. прости, — говорил теперь он, — прости, я плохой!.. я ужасный... и великий... и несчастный, потому что если ты меня разлюбишь, я умру.

Прижав голову к ее груди, он шептал всякие шутливые глупости, как нашкодивший ребенок, вымаливающий прощения у мамочки, уже зная, что непременно получит это прощение и оттого безмятежный и счастливый.

— Ну, скажи, что ты меня простила! — он поднял невинные глаза, заглядывая ей в лицо, и Дине не оставалось ничего другого как улыбнуться. Она и вправду не могла долго сердиться на него. — А теперь, — приободрился Алексей, увидав, что гроза миновала, — а теперь пообещай мне, что уедешь.

— Нет, — решительно покачала головой девушка, — нет, и не проси, Алешенька. Мне не от кого бежать. Я ни перед кем не виновата. Ведь не думаешь же ты...

— Я — не думаю, родная, — перебил Алексей. - Но вот они — они вправе так думать. Ты уже хотя бы тем подозрительна, что чужая... и тебя видели в ресторанчике тем вечером...

— Алеша! — не на шутку рассердилась Дина. — Не говори глупостей! Меня не могли там видеть, и ты это прекрасно знаешь. Между прочим, а что там делал ты?

— Я? — растерялся он. — Заглянул на минутку. А что?

— Ты был знаком с этой девушкой... Лутошиной?

— Мы здесь все друг с другом знакомы. Маленький город — это как большая деревня...

— Если ты был в ресторанчике, то вряд ли мог не увидеть меня, разве не так? Если бы я там была, неужели бы ты меня не заметил?..

Алексей поднял на Дину полные отчаянья глаза. Дина невольно содрогнулась. Она впервые видела своего любимого таким растерянным и подавленным.

Он попытался растянуть губы в улыбке, но получилось что-то жалкое, похожее на гримасу боли.

— Здесь творится неописуемое, — пробормотал он. — Понимаешь, все стреножены страхом. Убийца бродит по улицам, — его действительно никто не видел. А вот Таню, Люду, Иру... их потом видели... после смерти.

— Ч-что?! — воскликнула Дина, но Алексей уже предостерегающе прижал к губам указательный палец:

— Тс-с! Тихо.

Он прислушивался, наморщив лоб и напрягшись всем телом. Наконец раздался тихий неясный звук. Кто-то пытался протолкнуть ключ в скважину входной двери.

— Кто это? — шепотом спросила Дина.

— Понятия не имею, — бледнея, проговорил Алексей. — У него дежурство до утра. Погоди, сейчас посмотрю.

Легко соскользнув с кровати, он на цыпочках направился в прихожую. Однако дойти не успел.

— Витя-а! — донесся из-за двери требовательный женский голос, и Алексей вдруг согнулся, будто от удара, скукожился, и лицо его приняло паническое выражение.

— Мамаша его! — задохнулся он. — Ей только попадись на язык, — сожрет!..

— Витя-а, это я, открывай!..

— Одевайся... скорее! — распорядился Алексей, пытаясь попасть ногой в брючину. Он ищуще огляделся по сторонам и метнулся к окну. Осторожно отогнув занавеску, выглянул наружу. — Отлично. Уходить будем огородами, — фальшиво пошутил он.

Дина не торопясь натягивала платье.

— Диночка! — взмолился Алексей, — ты же можешь побыстрее одеваться, правда?

Она пожала плечами.

Между тем в дверь отчаянно колотились.

— Витя-а, ты спишь? Открой сейчас же!

— Что же ты копаешься? — едва сдерживая досаду, пробормотал Алексей. — Дина! Я тебя прошу!..

В подъезде, между тем, прибыло; громко спорили соседи, обсуждая, что могло случиться в запертой квартире.

Алексей осторожно высвободил из паза шпингалет и стал открывать окно,

стараясь не произвести ни единого звука. Увлеченный своим занятием, он не заметил, как покачнулась на подоконнике задетая рамой хрустальная вазочка.

Звук расколовшегося хрусталя в тишине приятелевой квартиры прозвучал, как удар грома.

— А-а-а! — взвыли за дверью, — помогите, грабют!

Забыв про осторожность, Алексей выпрыгнул наружу. Дина следом вспорхнула на подоконник, но не удержала равновесие и, беспомощно взмахнув руками, вывалилась наружу, — к счастью, в вовремя распахнутые объятия любовника.

В тот самый момент, когда чьи-то торопливые шаркающие шаги приближались из-за угла дома к окнам приятелевой квартиры, они успели метнуться в кусты.

За спиной раздался отчаянный вопль:

— Воры!

... Гремели взрывы и автоматные очереди, выла обезумевшая сирена. Пригнувшись, Алексей волок Дину сквозь заросли городского парка.

— Прибью, как суку! — неожиданно рявкнул хриплый бас над самой головой. В летнем кинотеатрике крутили захватывающий американский боевик.

— Е-мое, — счастливо выдохнул Алексей, припадая спиной к разлапистому платану. — Кажется, пронесло.

На него напал приступ беспричинного смеха. Он смеялся, запрокинув голову, сощурив глаза, и было в этом смехе и во всей его позе что-то трогательное и такое любимое, что у Дины против воли сжалось сердце. Она улыбнулась краешком губ.

— Убедилась? — проговорил Алексей, когда веселье потихоньку стало отступать, — убедилась: шагу ступить не дают! — Он вдруг посерьезнел, и глаза стали — как у бездомной собаки: прозрачные и жалостливые. — Уезжай, а?

Он произнес эти слова так, будто и сам не хотел верить, что она послушается и уедет, словно просил остаться

(большой ребенок)

Дина сжала его голову ладонями и поцеловала в лоб.

— Здравствуй, Алеша, — неожиданно раздалось за спиной. — У тебя новая девушка?

Вздрогнув, Алексей подался прочь от Дины.

На парковой дорожке в круге света стояла миловидная девушка с хвостиками в прическе. На губах блуждала странноватая

(чуть пришибленная, подумала Дина)

улыбка.

Девушка обращалась к Алексею, но взгляд ее был направлен на Дину, и во взгляде читался простодушный, хотя и отчасти ревнивый интерес.

Дина вопросительно посмотрела на спутника. Тот растерянно хлопал глазами: надо понимать, пытался придумать сколько-нибудь приемлемое объяснение более чем очевидному поведению незнакомки.

Дина резко развернулась и пошла прочь. Алексей нагнал ее и развернул на себя:

— Погоди! — закричал он с отчаяньем в голосе, — Диночка, ты неправильно поняла. Это ж Галка из больницы, санитарка. Мы работаем вместе...

— Я с весны в морге, — радостно уточнила Галка.

— Ее прошлой осенью кто-то пытался задушить, — продолжал Алексей, еще более раздосадованный очередным вмешательством санитарки, — она и чокнулась после этого. Ты, что, не веришь мне? Ты мне не веришь?! Ну-ка, дай зеркало!

Не дожидаясь разрешения, он распахнул динину дамскую сумочку и, порывшись в ней, выудил карманное зеркальце. Подхватив Дину под локоть, он почти насильно подвел девушку к Галке и демонстративно пихнул зеркальце той под нос.

Произошло неожиданное: Галка, едва бросив взгляд на отражение, захрипела; черты лица исказились, а губы затряслись.

Миловидное личико вдруг изуродовала чудовищная гримаса ужаса,

и Дина вдруг подумала, что санитарка вот-вот хлопнется в обморок.

Перемена, произошедшая с Галкой, была столь стремительна, что потребовалось несколько секунд, прежде чем Дина сообразила, что к чему, и выбила зеркальце из руки любовника. Зеркало с мелодичным звоном ударилось оземь и раскололось. Между тем Галка, судорожно всхлипнув, повернулась и ссутулившись удалилась прочь по дорожке, будто побитая собачонка.

Алексей нервически рассмеялся.

— Убедилась: собственного отражения боится!.. — растерянно пробормотал он, когда смех стих.

Он был смущен.
Дина смотрела на него, не в силах скрыть разочарования.
— Что? — спросил Алексей. — Что ты так смотришь на меня?
Она покачала головой.
— "Люблю, — одними губами прошептала она, — жить без тебя не могу..." Так, кажется, ты говорил?.. — Губы ее покривились в горькой улыбке. — "Ради тебя — хоть на плаху, хоть к позорному столбу!.." Алешенька, милый! Думаешь, я сюда на практику приехала, за оценкой?.. Я за тобой приехала, слышишь, — за тобой! Потому что это я жить без тебя не могу, потому что ты — как воздух для меня. Хочешь, выйду и крикну всем, что я люблю тебя, что я умру без тебя, что я готова все отдать, лишь бы ты был счастлив и спокоен... хочешь?!.. — Дина осеклась, увидав полные ужаса глаза любовника прямо перед собой; усмехнулась. — Не бойся, Алешенька, не бойся. — Она провела рукой по его кудрявым волосам. — Я не сделаю ничего такого. Просто пошутила...
Он вспыхнул; по лицу прошла судорога.
Он, конечно, понял, что она распознала его испуг.
— Да! — с неожиданной страстью выдохнул он, — да, я боюсь!.. И не смотри на меня так, Дина, не смотри. Это ты — из другого мира, приехала себе и уехала, как ни в чем не бывало. А тут — свои законы, слышишь? Чертово место, как трясина, — попал и уже не выбраться. Я жить хочу, Дина!.. я жить хочу!!!
Он развернулся и с размаху продырявил кулаком фанерный плакат, призывающий население к трезвому образу жизни. Щепки так и брызнули во все стороны, а на костяшках пальцев выступила кровь.
Алексей удивленно, точно и сам не ожидал от себя подобного, уставился на пораненную руку и очнулся лишь тогда, когда Дина бережно промокнула царапины носовым платком.
— Успокойся, мой любимый, — тихо проговорила она, — успокойся. Все будет хорошо. Я уеду.
Он всхлипнул и прижался лицом к ее груди.
— Я уеду, — бесцветным голосом повторила Дина, — но лишь тогда, когда пойму, что ты действительно... слышишь, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО этого хочешь.
И в одиночестве удалилась по узкой аллее, высвечиваемая пятнами редких фонарей.

7.
КОШАЧИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ

Старик сидел на веранде в плетеном кресле, и падавший из окна тусклый сноп света высвечивал его резкий сутулый профиль. На коленях его уместились две огромные жирные кошки, — спиной друг к дружке. Они раскачивали пушистыми хвостами и громко урчали, давая понять, как приятны им внимание и ласка хозяина. При появлении Дины они одновременно повернули морды к тропинке, ведущей через мосток ко двору Марьи Павловны. Оживился и Семен Семенович, — обрадованно завертев головой, он схватил палку и, сбросив с колен кошачье племя, поспешно заковылял к забору.
— Вечерний моцион? — покашливая, поинтересовался Семен Семенович, и Дине не оставалось ничего другого как замедлить шаг и в конце концов остановиться. Старик тонко улыбнулся и кивнул: — Полезное мероприятие. В ваши годы и я был не прочь прогуляться под луной... но только не в одиночестве. Одной-то, небось, скучновато?
— Я люблю собраться с мыслями, — уклончиво отвечала Дина. — А ваш городок располагает к подобному занятию.
— Ага, выходит, вам понравилось наше захолустье? — обрадовался Семен Семенович.
— Уютно.
— За что этот город люблю: столько воды утекло, а он все не меняется.
— Спокойной ночи, — сказала Дина, предчувствуя, что разговор принимает затяжной характер.
— Спокойной ночи, — немедленно откликнулся старик, однако тут же прибавил: — И к Змеиному источнику сходили, надеюсь?
— Куда? — удивилась Дина.
Семен Семенович всплеснул руками, будто услыхал невообразимое.
— Ну, как же! — воскликнул он, — Змеиный источник. Исторический памятник. Это, знаете ли, место удивительное, можно сказать уникальное. Сюда великие

князья со всей Руси съезжались... даже Гришка Отрепьев, говорят, бывал, — доверительно сообщил Семен Семенович. — Священная вода! Помню, году эдак сороковом из Москвы специально заказ прислали. Во такую здоровущую бочку водой из источника залили до краев и, говорят, прямиком в Кремль отправили. Слыхали о таком факте?

Дина вновь отрицательно покачала головой.

— М-да, — сокрушился Семен Семенович, — не любит молодежь свою историю. Никому, можно сказать, никакого дела нет, как прошлые поколения жизнь проживали. А это, доложу я вам, драгоценная наука.

— Очень интересно, — сказала девушка. — Я не думала, что у вас в городе есть такие любопытные места. Надо будет обязательно сходить поглядеть. А где это?

— Как — где? — удивился старик, бросив на собеседницу короткий острый взгляд. — Да на реке, у пляжа.

— У пляжа?

— Именно. Разве не вы там вчера тело Ленки-телеграфистки нашли? — Он подался поближе, оперевшись костлявой грудью о штакетник. В голосе его зазвучали вкрадчивые заговорщицкие нотки. — Слыхал, знакомство с ней водили?.. будто бы из-за вас ее в омут-то...

Дина вздернулась, как от удара хлыстом.

— Спокойной ночи, — процедила она и не дожидаясь ответа направилась к калитки Марьи Павловны.

— Спокойной ночи! — прокричал вдогонку Семен Семенович. — Промеждупрочим, вас тут разыскивал кое-кто. Фотограф наш... как его?

Он услыхал, как каблучки практикантки из области быстро взбежали на крыльцо дома, и, усмехнувшись в усы, медленно побрел к своей веранде.

Семен Семенович был доволен. Он дождался-таки эту столичную штучку и наподдал ей жару

(по крайней мере, именно так сейчас думал старик)

Еще минувшей ночью он понял, что во дворе соседского дома происходит неладное. Выглянув в окно, он увидал коляску милицейского мотоцикла.

— Вот так дела-делишки, — удивился Семен Семенович вслух. — Неужто спекулянтку замели?

Спекулянткой про себя старик величал соседку Марью Павловну

(таких прохиндеек свет не видывал; в лучшие времена ее бы отправили, куда следует, и дело с концом)

нередко думал Семен Семенович, покачиваясь в кресле на веранде и наблюдая, как Марья Павловна хлопотливо раскладывает-проветривает на свежем воздухе шмотье, прежде чем направиться на городскую барахолку.

— Дали им волю, — осуждающе качал головой старик, почесывая за ухом у мурлычущего кота, — это как надо понимать: делай, что хочешь, и никакой тебе ответственности?!..

Подобный оборот никак не укладывался в понятия Семена Семеновича о жизни и о том, как должно быть и чего не должно быть никогда.

Бухгалтер по профессии и по призванию, он любил и умел считать; ничего на свете не было ему милее, нежели ровные аккуратные столбцы цифр, из которых наметанным глазом Семен Семенович мог, хоть среди ночи разбуди, выловить мельчайшую ошибку.

Он был точен и четок, как швейцарские часы, и полагал, что никогда не изменится.

Однако с приходом пенсионного возраста Семен Семенович вдруг почуял в себе иные, дотоле неведомые таланты.

Нет-нет, поначалу он дни и недели проводил в тоске и депрессии, и уже не надеялся, что когда-нибудь и на его улицу придет праздник.

Он потерял интерес к бурлению жизни, и сутками напролет дремал в своем стареньком кресле в окружении молчаливых кошек. Но тут произошло событие, которое все в корне переменило.

... Жаль, ах, как жаль, что редко кто заглядывал в обиталище Семена Семеновича; соседи ограничивались лишь поверхностными приветствиями, проходя мимо его забора.

Но если бы кто-нибудь поинтересовался; а за каким таким занятием, собственно, коротает вечера и дни отставной бухгалтер, он бы очень, ОЧЕНЬ УДИВИЛСЯ.

В дальней комнатке Семена Семеновича, на стене над ковриком, аккуратно

приплюснутые булавками, висели вырезки из местных газет, и с каждой вырезки глядело лицо очередной жертвы мамыкла-убийцы. Составленные в ряд портреты обнаруживали одно общее свойство: лица жертв были грустны и проэкзаменованы, словно бы несчастные девушки предчувствовали свою участь. Странным образом они чем-то походили друг на дружку.

8.
ПРИВИДЕНИЕ

— Боже мой, какая радость! Я просто вне себя от счастья! Ты заслужила, ты заслужила это, милая Лаурензия. Есть Бог на свете, раз он посылает благодать такой светлой душе!

— Спасибо, спасибо, дорогая Росита! Теперь, когда я наверняка знаю, что Хосе Руис любит меня, мне уже ничего не страшно, даже смерть.

— Кто говорит о смерти?! Ты должна жить! У тебя впереди только счастье! Ты же должна отказываться от своего счастья.

— Знала бы моя бедная матушка, когда умирала у меня на руках, что под доброй звездой родился она своей дочь. Надеюсь, там, на небесах, она теперь видит меня и радуется вместе со мной!

— Молись, милая Лаурензия, молись всем святым, которые оберегают тебя от соблазнов и горя!..

Так на экране плохонького телевизора шебетали две перезрелые красотки латинского вида, а Марья Павловна мрачно наблюдала за ходом их разговора.

У Марьи Павловны было дурное настроение.

Еще бы!

Не прошло и суток с той поры, как она милостиво впустила к себе в дом эту столичную штучку, — а на неё уже свалилось столько сюрпризов, не дай Бог никому.

Мышиная, и нересуды соседей, и косые взгляды на городском рынке, которыми одаривали Марью Павловну знакомые и незнакомые люди, — всего этого было предостаточно, чтобы надолго забыть хозяйку дома из колеи.

Выставив перед собой целую артиллерию аптечных склянок и то и дело подливая себе в рюмочку разбавленных валериановых капель, Марья Павловна готовилась к серьезному разговору.

Время шло, а постоялица все не было

(ну, накалея! Она, может, решила, что теперь можно выгорать все, что хочет? Не на ту напала!)

бурчала себе под нос Марья Павловна, прислушиваясь к доносящимся со двора звукам. Но все было тихо.

Наконец

(прямо скажем, время было достаточно позднее)

раздалось заманчивое колокольчика у калитки и по ступеням застучали каблучки.

Марья Павловна залпом опрокинула валериановый настой и с шумом отерла губы.

— Добрый вечер, — раздался за спиной довольно-таки робкий Динин голос.

Марья Павловна даже не соизволила обернуться. Она вздернулась, лишь когда увидала, что постоялица

(нет, ну я же говорила: такую накалею еще поискать)

как ни в чем не бывало направляется в гостевую комнатку.

— Так, значит, что делать-то будем? — агрессивно начала хозяйка, обильно покрывая губы. Дина застыла с недоуменно-виноватым выражением лица, а Марья Павловна продолжала: — Я вас предупреждала: у нас порядки раз-навсегда заведены. Тишину дайте, и чтоб без фокусов. А вы?! — Физиономия бывшей захворала нашлась буряковым цветом, а в голосе зазвенели истерические нотки. — Не успела поселиться — милиция с утра поранньше. Ночью весь дом перебудили, как вам нравится? Я весь день на нервах, прям сама не своя, уже "скорую" себе вызывать хотела. От соседей слышь не обернешься...

Зависла тягостная пауза: Дина молчала, отведя глаза в сторону, а Марья Павловна собиралась с силами для решительного марш-броска. Наконец она набрала побольше воздуха и подытожила:

— Значить, подыскивайте иную квартиру. Значит, не ужились.

Скрипнула дверь, и беременная Зина, будто впервые увидала, с интересом уставилась на постоялицу.

— Мам, тошнит опять, — с детским капризом в голосе проныла она.

— Какое счастье! — заключила с телеэкрана красотка Лауренсия.

... Оцепенелая, Дина повалилась на жалобно скрипнувшую кровать. Из-за двери доносился сварливый говорок Марьи Павловны; как видно, хозяйка продолжала изливать эмоции по поводу нахалки-постоялицы на голову Зины; Зина что-то слабо возражала в ответ, чем вызывала новый выплеск негодования мамаши.

(Что ж, это еще не самая худшая развязка)

обреченно вертелось в голове. Покидать сии благословенные стены пришлось бы в любом случае, — что может быть невыносимее, чем ежедневно и ежечасно видеть, как твой

(МОЙ!!!)

единственный и сокровенный человек ласково улыбается кому-то чужому и нелепому и каждый вечер, взяв за руку, уводит в супружескую спальню, плотно затворяя двери!..

("Не обольщайся, ты не единственная!..)

— А что, если мы прогуляемся? — спросил он, однажды отворив двери больничной палаты. — Просто так прошвырнемся по городу часок-другой?

Он был одет в роскошный, с иголочки, двубортный костюм, — просто манекен с обложки глянцевого журнала, и по лицу блуждала неповторимая, невинная и порочная одновременно, улыбка.

Все женщины в больничной палате как по команде поглядели на Дину, а затем перевели взгляды на Алексея и больше не сводили с него глаз.

— Иди, глупенькая, — шепнула Любочка с соседней койки, — я бы на твоем месте за таким хоть на край света пошла!

Дина покраснела.

Она лежала под драным одеялом, на пододеяльнике стоял крупный синий, размытый от времени больничный штамп.

— Я жду, — напомнил Алексей.

— Мне не в чем, — она не проговорила, а прошептала эти слова одними губами.

— Что?

— Мне не в чем.

Алексей с удивлением поглядел на нее, потом хлопнул себя ладонью по лбу и вышел вон, ни произнеся больше ни звука. Это было так неожиданно, что Дина не успела его остановить.

— Ну и дура, — сказала Любочка, отворачиваясь на другой бок.

Через пять минут он вернулся. Буквально через пять минут. В руках его был пакет с изображением мужественного ковбоя, а в пакете — потрясающее платье. Модное, клетчатое, с узким поясом по талии. Мечта.

— Ваш размер, — произнес Алексей.

Они гуляли по тенистому парку, по берегу заросшего осокой озера и говорили, говорили, говорили. У Дины сладко кружилась голова. Он больше не напоминал ей Кирилла. Он был выше, мудрее и значительнее. Кирилл не шел рядом с ним ни в какое сравнение.

Тогда-то их и запечатлел смешливый фотограф, восклицавший, что сейчас из фотоаппарата вылетит страус.

— Страусы не летают, — поправил недовольно Алексей.

Появление фотографа ему явно не понравилось.

— Я не люблю фотографироваться на улице, — сказал он Дине.

— Ну пожалуйста! — взмолилась она, — всего один разок... со мной!

— На что только не пойдешь ради любимой девушки! — рассмеялся Алексей.

Дина вздрогнула.

Он впервые назвал ее любимой, — это получилось так просто, так естественно, что, против ожидания, она не почувствовала неприязни к скороспелому ухажеру; ей вдруг показалось, что все так и должно быть, и это объятие, и поцелуй, ставший нескончаемо долгим и сладким.

Маме Алексей не понравился — сразу и категорически; но, умница, она сделала вид, что все замечательно, а он, в свою очередь, притворился, что ничего не понял.

Когда Дина наконец выписалась из больницы, Алексей стал приходить по вечерам к ним домой, — ежедневно, не пропуская ни единого дня; мама радушно накрывала на стол и незаметно исчезала в своем закутке.

Мама не знала, что красивый и улыбчивый кавалер ее дочери Алексей был женат, — а что бы сказала, если бы узнала?..

— Ты меня осуждаешь, мама? — спросила Дина, войдя однажды ночью в материнскую комнатку.

Мама поначалу притворилась спящей; однако Дина уселась на край кровати, давая понять, что не двинется с места, покуда не получит ответа.

Мама открыла глаза и с печальным вздохом поглядела на взрослую дочь.

— Он хороший, он самый лучший, — сказала Дина.

— Да, — сказала мама.

— У него самые нежные в мире руки. Ты веришь в любовь с первого взгляда?..

Мама отвела взор.

Дина вспыхнула.

— Только не надо напоминать про отца, не надо!.. Ведь ты же хочешь, чтобы я была счастлива?

— Да.

— Значит, ты должна полюбить его.

— Да, — вновь сказала мама после паузы.

Но она не полюбила. Казалось, будто она шестым чувством ощутила, что у Алексея есть какая-то тайна, и эта тайна со временем станет для дочери болью и мукой. Дина больше не обсуждала с матерью подобные темы, но понимала, что мать знает больше, чем говорит.

— Ты вернешься? — вдруг спросила она, когда Дина с радостным видом складывала в чемодан вещи. Это было в день отъезда к Алексею.

— В каком смысле? — удивилась Дина.

— В прямом, — сказала мама. — Ты только возвращайся, я тебя прошу. Пожалуйста.

У Дины больно сжалось сердце. Слова мамы еще раз напомнили, что два самых близких для нее человека остаются далекими и чужими друг для друга.

Нет, нет и нет! — Дина отказывалась признавать, что Алексей может не понравиться; она видела перед собой его тонкое, несчастное лицо, его большие печальные глаза, и сердце переполняла нежность.

Конечно, он любит ее!.. Он слаб, он запутался в тенетах судьбы, оказался пленником обстоятельств, — но он любит ее, и она должна помочь ему преодолеть слабость, бежать от постылой жены, пеленок, тещиных жалоб, косых взглядов соседей, от убогого провинциального бытия. Он талантливый врач, у него золотые

(тонкие, ласковые)

руки; в столице ему всюду будет открыта дорога. Пусть ей грозят, пусть обвиняют во всех смертных грехах, — она выстоит; когда у человека есть любовь, ему ничто не страшно!..

("Я думаю, эта девушка причастна к убийству Елены Лутошиной")

(Боже мой, Алешенька, ради тебя я выдержу и это!)

Ничего более нелепого и невероятного никому не могло бы взбрести в голову. Она — убийца! Бред... Бред!

Дина против воли усмехнулась, но тотчас поймала себя на мысли, что дело не так очевидно-беспочвенно, как представляется на первый взгляд.

Клетчатое платье. Дина в компании утопленницы

(оскал улыбки, трупные пятна. Рак в волосах)

Ужасное зрелище. Плюс утреннее продолжение — фотография. Ни за что не поверила бы, если б не видела собственными глазами: глянцевый снимок... застиранное винное пятно на рубашке. Незнакомая девушка с растерянным выражением лица, — и рядом она, Дина, уговаривающая отойти прочь от ресторана

(об этом очевидно свидетельствовали жесты девушки в клетчатом платье)

Об этом она читала в старых детективах да еще, быть может, видела в кино: роковые совпадения, которые делают виновным абсолютно невиновного человека. Герой принужден бежать, спасаться, прятаться от грозных стражей закона и в одиночку раздобывать доказательства своей незапятнанности.

Кто-то был в ресторанчике в тот вечер, когда погибла телеграфистка Елена Лутошина, — кто-то, кого никто не успел толком разглядеть

(иначе, будьте уверены, следователь непременно притащил бы на очную ставку груду свидетелей, которые тыкали бы в Дину пальцами и наперебой говорили, что видели, видели, видели ее!..)

но кто был невероятным образом похож на нее, на Дину.

Девушка в клетчатом платье. Кто же она?

Имеет ли какое-то отношение к убийству, — или же тоже лишь случайная фигура в цепи зловещих обстоятельств, такая же жертва ситуации, как и она сама, Дина?..

За окном стояла глубокая ночь. Полная луна висела в небе над кудрявыми кронами яблонь и несколько мокрых звезд тускло мерцали в вышине.

Утомленная событиями минувшего дня, Дина сидела, оперев локти о подоконник, и рассеянно глядела в темное пространство перед собой.

Все-таки, что ни говори, в неспешной провинциальной жизни есть свое очарование. Как не понять тургеневских девушек, которые уезжали прочь от столичного коловращения в тихие фамильные имения, к журчащим в лопухах ручьям, к скамейкам в тенистой тишине сада, к ночному пению соловьев и вздохам об утекающей, как вода сквозь пальцы, молодой поре жизни.

Если бы Алексей не был столь осторожен, он наверняка бы почувствовал сиюминутное желание Дины прийти к ней сейчас, в это же мгновение, обнять и выслушать нежные девические упреки в невнимании и нелюбви, — именно те упреки, какие и может позволить себе только та девушка, которая уверена, что обласкана вниманием и любима.

Дине вдруг неудержимо захотелось распахнуть окно (так она и поступила), — и полной грудью вдохнуть прохладный ночной воздух, насыщенный испарениями трав и туманами. Она не отодвинулась, когда кривая яблоня, шелестя, провела по лицу влажными ладонями листвы. А в столице за карнизом — одни только хлопающие грязными крыльями голуби.

Наверняка можно тихонечко выскользнуть наружу

(подумала Дина)

выманить из кровати Алексея

(рыжая веснушчатая Зина, пожалуй, уже наверняка видит девятый сон)

и прогуляться по округе — пройтись вдоль оврага за мостком, гулять, гулять до самого рассвета, до утренней росы, и взахлеб целоваться, как школьники, позабыв обо всем на свете.

Она невольно усмехнулась шальным мыслям и подумала, что такое могла бы позволить себе лет восемь назад, но никак не теперь, — а как хотелось бы!

(Кто здесь?)

Дина с удивлением огляделась. Сад был пустынен; наклоненные до самой земли под тяжестью созревших плодов, висели яблоневые ветви; невдалеке в овражке шелестел ручей. Сонно стрекотали цикады.

Было тихо и покойно; однако Дина кожей ощущала поблизости чье-то присутствие.

Она уже хотела тихонько затворить окно, чтобы не привлекать внимания и не вызывать лишних пересудов, когда увидала у дальней калитки, за деревьями, вспорхнувшее желтоватое пятно

(рубашка Алексея?)

и тотчас услыхала шелест травы. Приглядевшись, Дина различила в полутьме длинный подол

(платье)

и разочарованно вздохнула.

Увы, это был не он; и кто бы это ни был — Зина или ее болтливая мамаша, — с ними теперь, в сию минуту мучительно не хотелось вести разговоры, выяснять отношения, выслушивать упреки, делать скорбное повинное лицо. Обе они до смерти успели надоесть за истекшие сутки. Какая злая ирония судьбы

(совпадение? Чей-то умысел?)

что изо всех городских жилищ именно сюда она, Дина, должна была попасть на постой!..

Бесшумно, дабы не привлекать внимания, Дина принялась затворять строптивую оконную раму; стекло предательски звякнуло, и девушка бросила невольный взгляд в сторону прогуливавшейся по саду фигуры.

Сердце заныло; Дина внезапно ощутила вяжущую, неприятную пустоту внутри.

Это была не Зина. И не словоохотливая хозяйка. Полночная гостья стояла прямо против окна, на узкой лужайке, сплошь пятнистой от смутной яблоневой тени; лица ее было не различить, зато в полутьме отчетливо прочитывалась застывшая на губах улыбка. Она медленно, как в полусне, покачивала головой; с платья капала вода.

(???СОН???)

Деревенея, Дина подалась от окна, и незнакомка, точно заметив это движение, осуждающе пожала плечами и не торопясь повернула обратно. Она дважды оглянулась, прежде чем, миновав калитку, скрыться в темноте.

(Узнала! Узнала!!!)

("... ИХ ВИДЕЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ!!!")

Ошеломленная, Дина несколько мгновений оставалась без движения. Ужас парализовал ее мозг, лишил способности двигаться и соображать. Она не смогла бы ответить, сколько времени провела вот так, без движения, уставившись глазами в глубину полночного сада.

(ЭТО БЫЛА ОНА! ЭТО БЫЛА УТОПЛЕННИЦА!!!)

Потом Дина рванулась с места, с шумом захлопнула окно, задраила на все шпингалеты; забилась в дальний угол комнаты, сжав в руках старую кочергу. Она ждала.

Больше она ничего не помнила.

Она проснулась лишь тогда, когда в глаза ударил солнечный свет.

9.
ДУЭЛЬ

По утрам городок жил особенно наполненной событиями жизнью.

Во-первых, к пристани то и дело причаливали туристические теплоходики и ватаги говорливых зевак, шумя, сгружались на берег, торговались с тетками, наперебой предлагавшими заезжим гостям лежалый товар

(матрешки, хохлома и прочий хлам)

Во-вторых... Впрочем, "во-вторых"-то как раз ничего и не было. Разве что звенел в школе звонок, собирая со всей округи подрастающее поколение.

Причал и школа — это были самые оживленные точки городка.

Итак, к причалу подошел теплоход; над рекой разнесся колокольный удар рынды, и торговки, размахивая платками и стуча матрешками, бросились на охоту за шальными туристскими денежками.

Мимо промчалась машина. Школьный секретарь Андрон, блеснув стеклами очков, усмехнулся всей этой суете.

Сегодня у Андрона было хорошее настроение. Он выполнил важное директорское поручение и потому ощущал прилив сил и энергии.

На заднем сидении машины маялись два здоровенных бугая-десятиклассника; их Андрон брал себе в помощь, когда необходимо было совершать какую-либо физическую работу.

(Сила есть — ума не надо)

мягко говорил Андрон, наблюдая, как бугаи перетаскивали с места на место тяжелые школьные шкафы, груды учебников, драили директорский кабинет. Самому же секретарю оставалось лишь вовремя снабжать их конкретными указаниями.

Огромный траурный венок покоился на коленях десятиклассников. Этот венок Андрон выбрал самолично из нескольких десятков. Еловые ветви были унизаны яркими бумажными цветами, отчего венок неожиданным образом становился похож на рождественский именинный торт — разве что свечей не хватало.

Местный художник на черном крепе вывел золотыми буквами:

ДОРОГОЙ ЛЕНОЧКЕ ОТ РОДНОЙ ШКОЛЫ

Андрон наверняка знал, что другого такого венка на похоронах не будет.

Он уже привык к идеальному выполнению своей миссии, — а миссия заключалась в том, чтобы раздобывать для директрисы и от лица директрисы школы Тамары Георгиевны все самое лучшее. Только самое лучшее.

Машина сделала крутой поворот

(— Осторожнее! — капризным тоном предостерег Андрон водителя)

и въехала на школьный плац.

Дворник почтительно приостановился и приложил метлу к бедру, как винтовку, когда Андрон со своей свитой направлялся к парадному подъезду.

В гулких школьных коридорах раздавались учительские голоса. Уроки шли полным ходом.

А в директорской приемной томилась Дина. Усталая и бледная, как молочный сыр, с темными кругами под глазами, она сидела в углу на краешке стула и ждала.

— Подождите немного, Тамара Георгиевна сейчас вас примет, — сказал Андрон с утра и ушел.

Он отсутствовал что-то около трех часов и успел возвратиться с пышным траурным венком, наполнившим приемную терпким запахом хвои, — но дверь директорского кабинета по-прежнему оставалась закрытой. Дина могла бы подумать, что в кабинете вообще никого нет, однако то и дело она слышала доносившиеся из-за двери тихие голоса. Когда ожидание стало совсем уж невыносимым и даже оскорбительным, Дина решилась постучаться, но тотчас

услыхала властный окрик:

— Занята!

и вынуждена была возвратиться на прежнее место.

Так властно и резко произнести единственное слово

("Занята!")

мог только один человек, и этим человеком была Тамара Георгиевна.

В кабинете тем временем происходил примечательный диалог.

— ... Вредная такая, — заискивающе тараторила Марья Павловна, теребя краешек платка и из-за очков поглядывая на директрису преданным взглядом. — Ее, как порядочную, приютили, накормили, — а она туда же!.. Прошлой ночью шаталась невесть где и в историю успела вляпаться. Милиция ведь из-за нее приходила и все расспрашивали, будто я преступница какая, как вам нравится, будто я в чем дурном виноватая! — Марья Павловна сделала паузу, выжидая, не отреагирует ли должным образом на ее слова Тамара Георгиевна, но директриса молчала, и, занервничав пуще прежнего, алексеева теща продолжала: — И нынче спать не давала, как вам нравится!

Тамара Георгиевна удивленно воздела бровь:

— По саду?

— Ну да, — приободрилась Марья Павловна. — Я ведь с ней накануне уж так нанервничалась, уж так испереживалась, прям ужас какой-то. Никак заснуть не могла. Теперь, наверно, из-за нее бессонница начнется. И вот, значит, лежу я, лежу, мучаюсь, — и вдруг слышу: будто бы в окошко — стук! Ну, думаю, не было печали — черти накачали. Повезло с жиличкой. Мало мне из-за нее неприятностей. То по ночам куролесит, а то теперь яблоки воровать будет. Выглянула я на улицу, и что вы думаете: точно, по саду бродит кто-то, как вам нравится!..

Марья Павловна всплеснула руками и уставилась на собеседницу в надежде, что та поддержит ее искреннее возмущение.

Но лицо директрисы оставалось непроницаемым. Тамара Георгиевна молчала несколько мгновений, прежде чем произнесла:

— Думаете, она?

— Т-то есть... как это? — растерялась Марья Павловна. Мысль о том, что кто-то другой мог проникнуть в ее владения, до сей минуты никак не приходила ей в голову. — Кто ж еще! — затараторила хозяйка, — конечно, она. Я ее, Тамарочка Георгиевна, можно сказать, насквозь вижу. Вредная такая!..

— Спасибо, дорогая моя, — после паузы проговорила директриса.

— Ой, правда? — просияла Марья Павловна. — Значит, я правильно поступила, что ее из дому выставила, эту столичную штучку? Значит, вы на меня не сердитесь? Ой, спасибочки! Ой, как хорошо!

— Я ценю ваши старания.

— Тамарочка Георгиевна, вы... вы такая! — захлебнулась хозяйка от избытка чувств, пятясь к парадному выходу, но Тамара Георгиевна жестом удержала ее и указала на неприметную дверцу в углу кабинета.

— Для особых друзей и путь особый, — напомнила она.

— Ой, забыла! — хрюкнула Марья Павловна, и уже с порога, чтоб директриса наверняка не таила на нее обиды, повторила: — А то ведь такая вредная!..

Тамара Георгиевна кивнула и захлопнула дверь, а потом приставила к ней низенький школьный стульчик, отчего дверца почти полностью слилась со стеной. Марье Павловне оставалось пробраться по узенькому, плохо освещенному коридору через полуподвал и покинуть здание с тыльной стороны.

Эта дверь предназначалась для тех, кто, минуя шумные и многолюдные в перемену школьные коридоры, должен был незаметно попасть в кабинет директора. Окружающим было вовсе не обязательно знать, кто и какими путями доставляет Тамаре Георгиевне информацию обо всех событиях в городе.

Эта информация стекалась будто бы ***н и о т к у д а***, и в нужный момент директор могла щегольнуть поразительной, пугающей осведомленностью.

Тамара Георгиевна прошлась по кабинету, разминая плечи. Это был ***правильный*** кабинет, она собственноручно обустраивала его; здесь было тоскливо и неуютно посетителям, которые чувствовали себя будто бы на Лобном месте, и вольготно — хозяйке.

Широкие окна в солнечном направлении, занавешенные полупрозрачными

(через них отлично видно происходящее снаружи, но не видно происходящее внутри)

"французскими" занавесками. Стеллажи с книгами; секретарь Андрон ежедневно стирал с них осевшую пыль. Массивный стол с дорогим подарочным письменным

прибором, тускло поблескивающим медными шишечками. Лампа под абажуром.

Красная, с зеленой каймой ковровая дорожка, начинаясь от парадной двери, вела к посетительскому приставному столику.

Не доставало — Тамара Георгиевна чувствовала это — живой зелени; зелень всегда свидетельствует о добром нраве и благорасположении хозяина кабинета; директор давно намеревалась протянуть по стенам плети какого-нибудь плюща или, скажем, традесканции, да руки не доходили, а перепоручать ответственное предприятие Андрону она не хотела. Он бы не справился, — хотя как секретарь Андрон ее вполне устраивает.

Окончив разминку, Тамара Георгиевна заняла привычное место и, приподняв трубку телефона, постучала по рычажкам. Парадная дверь тотчас отворилась, и на начальничий ковер вырулил Андрон, вкрадчивый и угодливый, как всегда. Что-то раздражающее и в то же самое время импонирующее директору скрывалось в этой его повадке.

— Привез?

— Ага.

— Где?

Подхватив венок, Андрон подволок его к начальничьему столу с самым что ни на есть торжественным видом.

— Вот, — сообщил Андрон, — сказали: для вас — самый лучший!

Тамара Георгиевна окинула взглядом пышные искусственные цветы, коснулась по-бумажному шуршащих лепестков и будто невзначай поинтересовалась:

— Сидит?

— Ага. Куда денется. — Андрону не надо было объяснять, что речь идет о столичной практикантке.

— Настойчивая девочка, — усмехнулась Тамара Георгиевна.

— Вчера ее видели в парке, — с невинным видом проинформировал секретарь. — Ну, вы понимаете, с кем... Вы вновь попали в десятку.

Черная туча наползла на лицо Тамары Георгиевны.

— Оч-чень настойчивая, — сквозь зубы проговорила она.

— Интересно, куда смотрит наша Марья Павловна? — подбросил было мыслишку Андрон, но директор с неожиданной резкостью и даже злостью перебила:

— Всему свое время!

Это звучало как:

НЕ ЛЕЗЬ НЕ В СВОИ ДЕЛА

Андрон смиренно сдвинул брови домиком и вздохнул.

— Что еще? — спросила Тамара Георгиевна, видя, как он мнется у двери.

— Может, примете? — пробормотал секретарь. — Все-таки уже четвертый час маринуем...

Какое-то время Тамара Георгиевна не реагировала; было впечатление, словно она вовсе не расслышала фразы Андрона, хотя тот, зная привычки патронессы, был убежден, что она лишь оттягивает время ответа; наконец директриса встряхнула головой и совершила едва заметное, сосредоточенное движение.

Андрон просиял, а затем, распахнув двери, торжественно провозгласил:

— Входите!

... Они сидели друг против друга, словно выжидали — кто же первый решится заговорить.

Дина мрачно разглядывала руку директрисы; пальцы покручивали черную, с золотыми кольцами авторучку, постукивали ею о поверхность стола, и в неторопливых их движениях была едва заметная, но читаемая вальяжность и надменность, а еще презрение по отношению к визитерше.

Подняв глаза, Дина увидела, что Тамара Георгиевна в упор, не стесняясь, рассматривает ее; глаза холодно поблескивали за стеклами очков.

Пауза становилась невыносимой, однако директор вовсе не собиралась нарушать ее. Она неспеша достала сигарету, прикурила, пустив вверх узкую струю дыма.

— Я здесь с восьми утра, — не выдержала наконец Дина.

— С восьми тринадцати, — нежным голоском поправила Тамара Георгиевна. — Работы много. Надеюсь, ты на меня не в обиде?

— Я не в обиде, — хмуро отозвалась Дина.

— Замечательно. — Взгляд директора будто только сейчас упал на чемодан. — Как? — удивилась Тамара Георгиевна, вскинув брови, — ты разве не устроена?

Дина закусила губу.

Директор понимающе улыбнулась, и улыбка эта была слаще сахара.

— Марья Павловна не любит неприятности, — она развела руками. — Что ж, ее можно понять. Ты теперь у нас популярная личность... — вот только кому нужна такая популярность!

— Я ничего не сделала, вы же понимаете! — выпалила Дина.

— Откуда мне знать? — Глядя на директрису, можно было бы решить, что она и вправду искренне изумлена, если бы не холодный прищур серых глаз.

— Разве я похожа на убийцу?

Тамара Георгиевна беспечно рассмеялась.

— Здрасьте, моя бабушка! Глупый вопрос. — Она глубоко затянулась и, кивнув в сторону телефонного аппарата, доверительно сообщила: — Между прочим, мне опять из милиции звонили, тобой интересовались. Я уж и не знаю, что им говорить...

— Я не виновата! — воскликнула Дина. — Это какое-то чудовищное недоразумение. Поверьте...

— Хватит об этом! — неожиданно ледяным тоном перебила директор. — Кому надо, разберутся.

Словно бы давая понять, что тема закрыта, она приподняла телефонную трубку и постучала по рычажкам. Тут же, словно караулил у двери, на пороге возник Андрон.

— Кабинет за медпунктом еще пустует? — властно поинтересовалась Тамара Георгиевна, казалось, уже зная ответ. — Найди койку, тумбочку какую-нибудь. В школе ее поселим, — и, вновь обращаясь к Дине, прибавила: — Тебе будет удобно, и не надо впутываться в сомнительные истории. ИТАК, — громогласно произнесла она, не давая времени возразить, — пора вспомнить о цели твоего приезда.

(О КОТОРОЙ? — невольно усмехнулась про себя Дина)

Я воду лить не буду: про традиции педколлектива и все такое прочее. Вчера одни традиции были — сегодня другие, вчера одному учили — нынче прямо противоположному. Однако полгорода все-таки вышло из этих стен, — это факт!

(Пауза, пристальный взгляд, дымящаяся сигарета)

Мой секретарь Андрон, к примеру, — он круглым отличником был, гордость школы, на всех олимпиадах первые места брал, в областной газете о нем писали: вундеркинд! Так что школу не позорь! — грозно заключила Тамара Георгиевна. Дина невольно поежилась от дрожащих низких нот в голосе директора, а та продолжала:

— Помогать тебе не стану, — нет времени, да и желания. А вот наблюдать, какова ты в деле, буду, и не спущу ни малейшей оплошности. Ясно говорю?

— Уж куда яснее, — криво усмехнулась Дина.

— Задача номер один, — научиться держать в руках класс. Их там тридцать человек, у каждого характерец будь здоров! Начнешь цацкаться по отдельности — на голову сядут, ножки свесят да еще плеваться сверху начнут. А собьешь в одну кучу — значит, одолеешь. Вопрос взаимоотношений учителя и учеников суть вопрос подчинения, а стало быть, вопрос власти. Подчини их, подомни под себя, заставь бояться — и ты победила!

— Какие вы занимательные вещи говорите, — усмехнулась Дина. — Вас бы к нам на кафедру педагогики.

Но Тамара Георгиевна на ее иронию отреагировала неожиданно спокойно:

— Здесь — своя кафедра и свой закон. Придется считаться с ним, если не хочешь захлебнуться в первый же день. Объединяя, властвуй! Именно так, вопреки привычному представлению о природе власти. Видишь ли, толпой управлять легче, чем отдельным человеком. Толпа внушаема. Ее легче подчинить общему интересу.

— Я не хочу никого подчинять! — неожиданно звонким — как стекло — и высоким (от волнения) голосом выпалила Дина. Она вдруг почувствовала, что против воли поддается на искусительно мягкие и вкрадчивые интонации директора, и сама испугалась этому.

Тамара Георгиевна, будто не веря, уставилась на практикантку. Несколько мгновений она разглядывала девушку с интересом, а затем и едва ли не с сочувствием.

— Тогда тебя раздавят, — наконец произнесла она.

— Любовь и уважение можно заслужить иначе, — пробормотала Дина, внезапно ощутив, что вторглась в совершенно иную и очевидно запретную для этих стен тему.

Сняв очки, директор раздельно проговорила:

— Любовь, девочка моя, — это неуемная жажда обладания. Отбрось романтическую мишуру, и ты увидишь, что в любви человек прежде всего стремится

властвовать над своим объектом. Если, конечно, речь о любви.

Дине стало страшно. Этот страх возник внезапно и властно. Он, казалось, оледенил все внутри. Дина глядела в сузившиеся зрачки собеседницы и чувствовала себя жалким маленьким кроликом перед старым, умудренным опытом, мудрым и хищным удавом. Ей хотелось встать и крикнуть что-нибудь отчаянное, взбалмошное, резкое, что разбило бы броню этой женщины напротив и нарушило бы установившееся соотношение вещей. Чтобы директор вдруг стала меньше, а она, Дина, больше, и чтобы вкрадчивый голос Тамары Георгиевны не оказывал на нее такого завораживающего воздействия. Но Дина с тоской вынуждена была признаться себе, что силы неравны, и лишь делом она может опровергнуть неправедные постулаты собеседницы.

А та, между тем, стряхнув с себя наваждение и переменившись в голосе, вдруг ударила плашмя ладонью по столу и словно сама себя оборвала:

— Довольно болтовни! Свои тезисы о любви и уважении можешь проверить на седьмом "А". Предупреждаю сразу: крепкий орешек. Поглядим, окажется ли он тебе по зубам.

— Поглядим! — с вызовом откликнулась Дина.

10.
УЛЫБКА ТРУПА

Городское кладбище размещалось в стороне от дорог, за березовой рощей.

На косогоре стояла белая, покосившаяся от времени церквушка с тусклым куполом. На колокольне покачивался тяжелый колокол. Впрочем, он никогда не звонил, — в тридцатые годы особым распоряжением столичных властей у колокола срезали язык, да так с той поры и не навесили новый.

Отпевания усопших, равно как и прочие церковные мероприятия, в помещении храма были запрещены ввиду аварийного состояния сводов. Поэтому козлы с гробами размещали у входа в церковь, аккурат под иконкой Богоматери, и здесь служили службу. Потом по узким дорожкам гроб на руках спускали к месту захоронения и предавали земле.

Однако мать Елены Лутошиной Дарья Тимофеевна от совершения церковных обрядов отказалась наотрез.

— Некрещеные мы, — сказала она распорядителю похорон низким охрипшим голосом, — и неверующие. Кто у меня дочь отнял, если не Бог?

Распорядитель не стал спорить.

Гроб с телом утопленницы выгрузили из катафалка и перенесли к могильной яме, за старую покривленную осину. Зеваки — а они сбежались сюда со всего города — стояли чуть поодаль. Скорбное зрелище, знаете ли, — зрелище вдвойне.

— Жалко, — со вздохом прошептала женщина в темной косынке, притомленная долгой и бессвязной речью какого-то приезжего чина. — Такая молодая девочка, и надо же!..

— Говорят, милиция убийцу поймала, — вполголоса сообщила соседка, маленькая, верткая, со сморщенным беличьим лицом и бегающими глазками, — будто бы убийца — из школы практикантка. Детей, слышь меня, учит!

— Не может быть.

— Сама слышала. А Тамара-то, директорша, такая умная, а куда смотрит?..

Внезапно она осеклась и выдавила жалкую улыбочку.

Тамара Георгиевна, стоявшая шагах в двадцати, у правого фланга почетных приглашенных, медленно, не дрогнув плечами, повернула голову и в упор посмотрела на болтушек. Точно слышала.

— Здрась-сь.., — промямлила женщина в косынке, часто закивав, и опасливо отодвинулась от сплетницы-соседки. Ей вовсе не улыбалось испортить отношения с директрисой.

Траурный митинг, между тем, продолжался. Сменивший выступавшего начальник телеграфа, немолодой полноватый человек с одышкой, оттирал пот с широкой лысины и, путаясь в словах, повторял, что Елена Лутошина отличалась трудолюбием и аккуратностью

("Я был тесно знаком с покойницей с первого ее дня... с которого... с которого она пришла телеграфисткой на работу", — начал свою речь начальник телеграфа. Тамара Георгиевна при этом криво усмехнулась. Все знали, что из множества грехов директор школы едва ли не главным почитает косноязычие)

если говорить честно, глава местного узла связи едва был знаком с подчиненной, однако ситуация требовала высокого штиля, и начальник призвал на

помощь все воображение и пафос. Он даже процитировал классика

("Ничто не вечно под луной")

правда, сделал это совершенно некстати.

На похоронах, как уже говорилось, присутствовали приезжие столичные чины; они прибыли в городок специально для того, чтобы уверить скорбящих родственников и всю местную общественность, что убийца будет найден и наказан. Само появление столь важных и занятых лиц на печальном мероприятии как бы служило ручательством того, что высшее руководство не спит и возмездие непременно совершится.

Каждый сжимал в руке заранее распечатанную бумажку с текстом речи, и у каждого в тексте бесконечно повторялись одни и те же заверения.

Митинг затягивался. Музыканты, тускло поблескивая медью, хранили печальное выражение лица; позади маялись могильщики, едва справляясь с зевотой. Задние ряды собравшихся заметно скучали, с нетерпением дожидаясь смены декораций.

Фотограф Андрей — в наглухо застегнутом, как подобает для подобных церемоний, пиджачке — на цыпочках крестил пятачок у могильной ямы, снимая растерянных родственников и мать, без конца поправлявшую в гробу складки покрывала, словно происходившее вокруг ни в малой степени не касалось ее (впрочем, так оно и было на самом деле).

Елена Лутошина лежала со строгим и отрешенным лицом; волосы были аккуратно забраны назад. Накануне издалека специально был доставлен дряхлый старик-бальзамировщик, — он полдня провел в холодном, пропахшем лекарствами и плесенью помещении морга, чтобы стереть с лица усопшей страшный застывший оскал улыбки и скрыть лиловые трупные пятна. Он громко цокал языком и качал головой, и у окружающих уже возникли опасения, что все старания старичка бесплодны, и гроб придется выносить с наглухо заколоченной крышкой, но бальзамировщик прошамкал: "Это дело чести!" — и в конце концов добился-таки своего.

— Не прикасаться к ней, не прикасаться ни в коем разе, — строго-настрого наказал он на прощанье.

Вот почему начальника телеграфа подхватили под руки и отвели прочь, когда он наконец поставил точку и, вновь оттерев со лба пот и промокнув платком губы, собирался было приложиться ко лбу покойной; начальник не оказывал сопротивления.

— Слово предоставляется директору школы Тамаре Георгиевне, — объявил распорядитель. — Тамара Георгиевна с первого класса воспитывала Елену и была для нее не только главным наставником, но и близким другом.

Все знали, что слова распорядителя являются грубой ложью, но никто не удивился. Напротив, — шепотки в задних рядах смолкли, шеи вытянулись; каждый приготовился слушать речь школьной патронессы.

— Я не собиралась говорить, — тихим голосом произнесла Тамара Георгиевна, подымаясь на холм сырой земли, — но и молчать тоже не в силах. Не представляю, как пережить эту потерю. Сердце кровью обливается. Леночка была моя ученица. МОЯ ЛЮБИМАЯ УЧЕНИЦА, — со значением прибавила она, обведя глазами толпу, и все согласно-преданно закивали. — В одночасье я лишилась дочери. Это жестоко. Это невыносимо больно. Мы будем помнить тебя, Леночка. Мы будем тосковать о тебе. От родной школы, от нашего дружного коллектива, который так внезапно и страшно осиротел, от меня лично прими, моя девочка...

(!!!ОСКАЛ УЛЫБКИ!!!)

Директор не успела завершить ударную фразу.

Случилось нечто невообразимое, немыслимое; ураган и землетрясение, произошедшие бы одновременно в этот самый момент, казалось, не могли бы сильнее потрясти ряды собравшихся на кладбище, а с ними — и весь городок N.

Строго говоря, виной всему была нелепая оплошность, — но разве кто-нибудь принимает в расчет оплошности, когда происходит ТАКОЕ.

С началом речи Тамары Георгиевны зеваки невольно подались вперед. Школьный дворник, воспользовавшись этим обстоятельством, протиснулся к самому гробу. Он-то и оказался на пути Андрона, подволакивавшего к изголовью усопшей пышный траурный венок. Венок задел край гроба; козлы пошатнулись.

Тело покойной дрогнуло, — и внезапно застывшее лицо ее, теряя прежнее холодное и отрешенное выражение, стало ощериваться в чудовищной гримасе. Один за одним лопнули наложенные старичком-бальзамировщиком швы, и на разодранных до пористого мяса губах возникло язвительное

(улыбка?)

Все произошло так быстро, что никто ничего не успел понять.

— Ох! — сказал дворник, а мать утопленницы слабо взмахнула рукой, будто пыталась развеять наваждение.

В следующее мгновение кто-то гортанно, низко закричал; тощая родственница Лутошиной с млечно-белым лицом, заведя вверх зрачки, плашмя рухнула у могильной ямы.

В толпе произошло смятенное движение. Те, кто был спереди, отпрянули, задние же ряды напирали, силясь угадать причину суматохи. Приезжие чины втянули головы в плечи и пятясь потянулись к выходу. Поднялся визг. Андрей поспешно фотографировал, не успевая переводить затвор аппарата; в визире он видел искаженные лица людей и страшный, мертвый оскал покойницы.

Взахлеб рыдающую мать оторвали от гроба; могильщики принялись заколачивать крышку. Музыканты нестройно вступили, и тромбонист ревел, словно обезумевший зверь.

— Спокойствие, граждане, только спокойствие! — растерянно выкрикивал распорядитель, размахивая руками и будто позабыв, что находится не на гулянии. — Соблюдайте порядок.

На какое-то время никто не обращал внимания на Тамару Георгиевну, а она стояла у края могилы с застывшими в горле словами, и окаменевшее лицо ее было бело.

11.
ДОСЬЕ НА МАНЬЯКА

К вечеру городишко N. Гудел; только и ходили разговоры, что о необыкновенном происшествии на похоронах Елены Лутошиной.

Семена пали на унавоженную почву; улыбка трупа повергла в смятение даже самых отъявленных скептиков.

Те из горожан, кто был посуевернее, крестились и поминали нечистую силу. Быть беде, — трепеща, повторяли они, — убийца не человек, это зверь с дьявольской меткой, и время его не кончилось; он возвращается вновь.

Еще не опустились сумерки, когда улицы обезлюдели; на пустые тротуары с гулким стуком падали и раскалывались перезревшие яблоки. Над высокой колокольней с жадными криками носились вороньи стаи. Редкие прохожие, непроизвольно нахохлив плечи, торопились по домам.

*   *   *

“На ваш запрос от восьмого сентября сего года сообщаем, что в воскресенье, третьего сентября, занятия в педагогическом институте не проводились. Достоверно определить местонахождение в указанный день студентки биологического факультета Сергеевой Дины Владимировны не представляется возможным.

Краткая характеристика Сергеевой Дины Владимировны:

настойчивая, целеустремленная, в коллективе всегда стремится быть лидером. В связи с этим имеются определенные осложнения с преподавателями института, и прежде всего — с куратором студенческой группы.

На учете в милиции не состояла.

Незамужняя.

Аккуратна. Независима. Чистоплотна...”

Следователь нервно грыз карандаш.

В который раз, запершись в кабинете, он перечитывал материалы дела об убийстве Елены Лутошиной и вертел в руках фотографию Дины.

Что мы имеем? — размышлял следователь.

Третьего сентября она не была в институте. Где она провела этот день, а главное — вечер? Дома у телевизора? Кто это может подтвердить? Мать подозреваемой? Если понадобится, она подтвердит, что третьего сентября ее дорогая доченька туда и обратно слетала на Луну без космической ракеты, следователь в этом не сомневался.

Могла ли Сергеева Дина Владимировна оказаться в городке незаметно для окружающих?

Ничего не мешало ей сесть в автомобиль и уже через несколько часов быстрой езды оказаться в пляжном ресторанчике; затем, выманив из банкетного зала ни о чем не подозревающую жертву и расправившись с ней, тем же способом возвратиться восвояси, не вызвав подозрений.

Логично? — вполне!

Предположим, что события развивались именно подобным образом, рассуждал следователь, — но насовы же, в таком случае, мотивы преступления?

Он вынужден был признать, что в активе следствия нет ни единого факта, удостоверяющего, что подозреваемая Сергеева и потерпевшая Лутошина были знакомы, — за исключением единственной фотографии.

Однако, как это ни прискорбно, вряд ли найдется хоть сколько-нибудь серьезный эксперт, который отважится утверждать, что на снимке запечатлена именно практикантка из медицинутуры, — это следователь понимал лучше, чем кто-либо.

Фотография зернистая, изображение нерезкое; а вдруг это всего лишь поразительное сходство?.. случайность и не более того?..

Э, нет, — возражал сам себе следователь. Подобные случайности исключены. На фотографии изображена Дина Сергеева или кто-то, кто изо всех сил стремился, чтобы его приняли за Сергееву.

Логично? — вполне!

Прическа, платье, лента в волосах, — все свидетельствовало, что внешний вид подозреваемой имитировался со знанием дела (разумеется, если это не она сама).

Кем? Вот вопрос. И зачем?

Разглядывая фотографию Дины, следователь пытался объяснить себе, отчего подозреваемая, ежели она и есть убийца, не позаботилась обеспечить себе сколько-нибудь убедительное алиби? Зачем оставлялась в людном месте и будто нарочно мачила на глазах посетителей? Как — желая остаться неузнанной — умудрилась попасть в объектив фотокамеры в вызывающе клетчатом платье, которое после всего еще и надела на допрос?..

Возможно ли, чтобы она была столь беспечна и убеждена в собственной неуязвимости, что чихать хотела на предосторожности?

Или — столь умна, что спрогнозировала: такое нагромождение улик непременно поставит их под сомнение?

Или — ?..

Это-то последнее ?.. — самое главное, самое болезненное — следователь пытался гнать от себя прочь, иначе все умозаключения рассыпались, как игрушечный карточный домик.

Однако, как ни крути, словно в заходоганном лабиринте, он опять и опять возвращался к тому ?.., приходил в ярость, злился на себя и на весь мир, — но ничего не мог поделать.

?.. стояло перед ним, как вселенский укор, как камень преткновения, как свидетельство его слабости и бессилия перед лицом чего-то грозного и величественного.

Допустим, с тоской предполагал следователь, почесывая редеющую макушку, потерпевшая Елена Лутошина и подозреваемая Дина Сергеева все-таки были знакомы, — и достаточно близко

(достаточно для того, чтобы вторая могла вожжелать смерти первой и даже примести свой преступный замысел в исполнение, уточнял про себя следователь)

допустим, у студентки педагогического вуза действительно имелись тайные и серьезные основания кровно ненавидеть телеграфистку захолустного узла связи или же просто заинтересованность в ее гибели.

Допустим.

Однако как

— КАК?!?

объяснить связь между убийством Елены Лутошиной и предшествовавшими этому убийствами троих девушек якуше с неудавшимся покушением?

Закрыть глаза и сделать вид, что никакой связи не существует?

— Тьфу! — раздражался следователь на собственную профессиональную порядочность.

Она, эта самая порядочность, не давала ему спать спокойно и нашептывала на ухо

...

В городке все убеждены, что исчезновения девушек есть звенья в единой цепи преступлений.

Следователь и рад бы возразить, — но увы! Почерк душителя во всех пяти случаях был абсолютно идентичен.

Шея Людмилы Бондаренко, первой среди жертв, была туго стянута прочным

поясом от женского платья. Когда труп был обнаружен (поначалу местные кумушки решили, что пропавшая девушка вовсе не пропала, а сбежала из городка с хахалем; лишь спустя неделю на тело случайно наткнулись малолетки-школяры; неизвестный отволок труп девушки в ближний лесок и небрежно зарыл в прошлогоднюю листву); так вот, когда труп все-таки был обнаружен, он уже начал разлагаться; тяжелый удушливый смрад стоял на несколько метров вокруг. Следователь хорошо помнил вспухшую перетянутую шею и иссиня-багровые складки кожи.

Пытаясь хоть как-то объяснить причины убийства, следствие зашло в тупик: было совершенно очевидно, что Бондаренко не подверглась грабежу (на ней оставались золотые серьги и цепочка с дорогостоящим кулоном; по утверждению отца покойной, бесследно исчезло лишь тонкое дешевенькое колечко, подарок давнего ухажера); врагов у Людмилы в городке не было.

Решили, что убийство — дело рук заезжего "гастролера" и уже закрыли дело, как (спустя месяцев шесть-семь) галдящие туристы, только что сошедшие с борта экскурсионного теплохода, наткнулись неподалеку от Змеиного источника на новый труп.

Татьяна Зотова была убита накануне ночью; собственно, родственники даже не успели хватиться ее. Едва взглянув на распростертое в бурьяне тело, следователь почувствовал озноб. Можно было успокаивать себя, говорить, что это совпадение, — однако оставалось совершенно очевидным, что убийство Зотовой практически полностью копирует убийство Бондаренко. Обе жертвы были примерно одного возраста, обе не подверглись грабежу и сексуальному насилию. Обе были задушены. На шее Зотовой виднелась намертво затянутая удавка.

В городке поднялась паника. Следователь, как мог, успокаивал население с помощью средств массовой информации; впрочем, сволочи-газетчики, опубликовывая его интервью, непременно присобачивали свои десять-пятнадцать строк, в пух и прах разбивающие официальные доводы.

МАНЬЯК-УБИЙЦА! — твердили они, — В ГОРОДЕ ДЕЙСТВУЕТ НЕУЛОВИМЫЙ МАНЬЯК-УБИЙЦА!!!

На людях следователь лишь усмехался, слыша такие речи; однако за закрытыми дверьми ему было не до смеха.

Две улики — удавка и поясок от женского платья — были слишком ненадежной помощью в деле поимки опасного преступника.

Поэтому следователь почти обрадовался, когда узнал о новом нападении неизвестного: жертва осталась жива, и появилась надежда узнать от нее приметы убийцы.

Радость оказалась преждевременной. Санитарка городской больницы Галина Лунина не смогла ответить ни на один из вопросов. Она глядела на следователя больными непонимающими глазами, и в глазах отражались подавленность и плохо скрытый ужас. После происшедшего санитарка явно тронулась умом и стала, как огня, бояться всего — и, в первую очередь, собственного отражения.

Все это не поддавалось какому-либо объяснению.

(НИКАКОГО МАНЬЯКА НЕТ!!!)

твердил следователь, как заведенный, это все ерунда и чушь. В качестве аргумента своей правоты он использовал вдруг ставшие поступать в милицию заявления от горожан. В заявлениях те один за другим повторяли полный абсурд: якобы они собственными глазами видели... то Людмилу Бондаренко, то Татьяну Зотову.

— Вы верите в детские сказки? — грозно вопрошал следователь очередного доносителя. — Я спрашиваю: что за ерундень вы мне принесли? Лично я в явление привидений не верю. Лечитесь, где-то как-то, если вас преследуют галлюцинации!..

Он уже внушил себе, что происходящие в городке события есть лишь случайность, и лишь массовый психоз среди населения придает им черты системы, когда пропала Ирина Шевелева.

Следователь отчетливо помнил, как холодок пробежал вдоль позвоночника, едва с утра он прочел очередную сводку (утро было прекрасное, солнечное, настроение было отличное, и — на тебе!)

Пропавшей было чуть-чуть за двадцать, она была миловидна и незамужем. Иными словами: Шевелева целиком и полностью подпадала под портрет предпочтений того, кого, по утверждениям самого следователя, в природе не существовало.

С тоской следователь принялся подбивать имеющиеся в распоряжении факты, и, складываясь один к другому, они неопровержимо свидетельствовали: байки местных

газетчиков про то, что в городе действует сумасшедший маньяк-убийца, вовсе даже и не байки, а самая что ни на есть суровая правда

(от которой следователь зеленел и покрывался липким потом. Он ненавидел каждого, кто хоть шутя произносил при нем: МАНЬЯК-УБИЙЦА)

Поэтому он уже не отбивался и не раздражался, когда через пару деньков на стол легло заявление, где черным по белому говорилось: Ирина Шевелева была замечена гуляющей ночью на пустыре, но она немедленно скрылась в темноте, едва ее попытались нагнать.

(Ищите труп)

подумал следователь, читая заявление, и верно — на следующий день тело Шевелевой было найдено, причем эксперт-криминалист, специально прибывший для этой цели из области, уверенно заявил, что пострадавшая была убита неделю назад.

Кто же тогда прогуливался по пустырю? — спрашивал себя следователь и не находил ответа.

С упорством, вызывающим уважение, он в сотый раз допрашивал родственников и знакомых погибших девушек. Он пытался понять, чем они были связаны между собой и кто мог питать вражду к каждой.

И все пожимали плечами. Врагов у убитых не было. По крайней мере, о них было не известно.

Что мы имеем? — со скрежетом зубовным повторял следователь, покусывая кончик карандаша.

Несколько жертв, ни единой зацепки. Грустно.

И вдруг: удача! Местный фотограф принес снимок вновь пропавшей девушки, телеграфистки местного узла связи, — но не одной. Стоявшая рядом с Лутошиной незнакомая девушка явно пыталась увлечь телеграфистку за собой в темноту. Наконец-то в активе следствия появилась серьезная улика. Хотя родственники надеялись, что Елена Лутошина все-таки объявится после своего внезапного исчезновения из пляжного ресторанчика, следователь был убежден, что, как и в прошлый раз, искать надо труп.

Так оно и случилось. Но — вот дела! — вместе с трупом объявилась и подозреваемая. О таком можно мечтать только во сне.

В первое мгновение следователь был вне себя от восторга, однако восторг вскоре уступил место жестоким сомнениям. Следователь гнал их прочь от себя, но от этого сомнения лишь увеличивались в размерах, в конце концов заслонив собою все доводы "за".

ОНА — УБИЙЦА!!!

говорил себе следователь, но внутренний голос тотчас возражал:

???ОЙ ЛИ???

Хиленькая, хоть и с упрямым характером девочка неполных двадцати трех лет и есть кровожадный монстр, хитрющий и неуловимый, который вот уже несколько лет наводит ужас на жителей города N.?!

ДА НЕ СПЯТИЛ ЛИ ТЫ, П.Б.ПИВОВАРОВ?!?!

Карандаш хрустнул, и следователь досадливо принялся сплевывать раскрошившийся во рту грифель.

— Чушь! — вслух произнес он. — Полнейшая ерунда и чушь!.. — Подумав несколько мгновений, он прибавил себе под нос: — А может, и нет.

На фотографии Дины Сергеевой он вывел жирный знак вопроса.

* * *

Не один следователь рассматривал в эту минуту изображение столичной гостьи.

Мужские руки перебирали пачку фотографий, освещенных в темноте красной лампой.

Дина, волокущая чемодан к школе.

Дина, разговаривающая с дворником и получающая из его рук записку.

Дина, сопровождаемая милиционером к следователю.

Дина, отчаянно кричащая в трубку телефона-автомата.

Дина, беседующая с Семеном Семеновичем.

Дина, лежащая на кровати в комнатке Марьи Павловны.

В ванночке с фотореактивами проявлялся еще один снимок.

На нем была запечатлена Дина с искаженным от ужаса лицом, затворяющая оконную раму, — тот самый момент, когда в саду в тени яблонь возник призрак утопленницы.

Выудив из ванночки снимок, фотограф Андрей внимательно рассматривал изображение, и выражение лица его было при этом неприятно-сосредоточенным, почти злым.

12.
СВАТОВСТВО

Комнатка была голая и неуютная; в воздухе витал стерильный невыветривающийся запах лекарств.

Всю обстановку составляли:

а) кровать с провисшей панцирной сеткой, на которой, как видно, прыгало, как на батуте, не одно поколение школяров;

б) учрежденческий книжный шкаф;

в) огромная старая коробка;

г) трехстворчатое, с полустершейся амальгамой зеркало

и, наконец,

д) крашеная в нудный белый цвет этажерка.

Под потолком болталась пыльная голая лампочка.

Несколько часов Дина терла, скребла и мыла, пытаясь привести все это скудное имущество в хоть сколько-нибудь пристойное состояние.

Она уже успела распаковать чемодан и навешивала на окно занавеску, когда вдруг услыхала за спиной выспреннее:

— Белиссимо!

Это был ни кто иной как школьный секретарь.

— Омнио мео мекум порто, — продекламировал он, а затем доверительно произнес: — Все свое ношу с собой.

— Латынь, — усмехнулась Дина.

— Ага! — Андрон был явно рад тому, что общий язык найден с самого начала разговора.

Дина спустилась с подоконника на пол и, обернув юбку, хмуро уставилась на нежданного гостя.

В модном пиджаке с накладными плечами, делавшими фигуру шире и гармоничнее, с гладко зачесанными на косой пробор набриолиненными волосами, прикрывающими светящуюся на темени плешь и выгодно обрамляющими лоб, Андрон приобрел некоторую статность и значительность.

Он и держался-то увереннней; почти пропала заискивающая сутулость, и ноги упирались в пол, как на изображениях античных гераклов. Он словно знал о производимом сейчас ином, нежели обычно, впечатлении и медлил, давая возможность собеседнице насладиться зрелищем.

В левой руке Андрон сжимал перевитый розовой лентой заморский ананас, в правой — огромную разноцветную коробку с тортом.

Нет, стопроцентно: комильфо да и только.

— С новосельицем! — сказал он, когда почувствовал, что пауза явно затягивается, и Дина, скорее всего, не предложит ему “располагаться, как дома”. Он вздохнул и направился к стоявшей в центре комнаты огромной коробке, которую девушка уже успела приспособить под импровизированный обеденный стол. Коробка была аккуратно застелена сверху салфетками, и поверх стояли чашка и банка с водой.

- Биз дат, куацито дат, — сказал Андрон, тщательно размещая на коробке свои дары, а в банку с водой опуская одинокую розочку. — До ут дэс. Даю, чтобы и ты мне дала.

— Ага, — кивнула Дина.

Оглядев стол с дарами, гость вдруг скорчил загадочную гримасу и с видом заправского факира извлек из-за пазухи бутылку шампанского, прокомментировав сей жест красноречивым высказыванием:

— Ин вино веритас! Истина — в вине.

Комичность ситуации усиливалась и тем, что с первым же движением Андрона вся его напускная стать развеялась, как дым, и перед глазами Дины вновь возникло нелепое маловразумительное существо, по-утиному прижимающее к бокам острые локоточки.

Правда, сам школьный секретарь этого не ощущал. Надо думать, он считал, что производит поистине неотразимое впечатление. Он принялся козыряться с бутылочной пробкой, но пробка не давалась и никак не хотела выстреливать.

Раздражившись, секретарь наконец отставил бутылку в сторону и поглядел на

Дину.

— Этот вечер мы проведем вдвоем, — объявил Андрон, приближаясь к девушке.

— Нам есть о чем поговорить.

— Вот как? — она иронично сжестила руки на груди. — Что ж, я слушаю.

— Может, для начала предложите сесть? Я хотел бы посидеть с вами вдвоем и поговорить о вечном. — Он произнесло слово, явно заметно привлекательная.

Против воли Дина задержалась взглядом на его губах. Нижняя была сочная, припухлая, с глубокой поперечной складкой посередине; верхняя же — тонкая, бледная, полуприкрывающая редкие мелкие зубы.

Они казались несовпадающими, точно принадлежащими разным лицам.

Такие губы, читала где-то Дина, выдают сложность и противоречивость натуры.

Теперь она выяснила еще одно их качество: они заворажают.

С трудом Дина отвела глаза в сторону.

— Извините.., у меня был трудный день, — сказала она. — Я очень устала.

— Да? — неожиданно грустно произнес Андрон. — Я вам не нравлюсь! Да-да, не отнирайтесь. — Он сделал еще один шаг вперед, и Дине не оставалось ничего другого как отступить к самой стене. Прищурившись и погасив силу голоса, школьный учитель сообщил: — Вот вы мне нравитесь. Я много думал о вас. У вас такие серьезные глаза. И нежные. В них хочется глядеть близко-близко. Дайте руку, — не дожидаясь позволения, Андрон яроворно схватил Дину за локоть и притянул кисть к себе. — Эти пальцы надо целовать... целовать ночь напролет!

Дина оторопело наблюдала, как он собирает в трубочку губы для поцелуя. Он уже склонился над ее ладонью, когда она резко и зло вырвала руку.

— Не смейте к ним! Уходите.

— Говори мне "ты", говори мне "ты"! — точно в горячке, твердил Андрон, надвигаясь на нее выпяченной грудью. Дина видела стеклянную слюну, запузырившуюся на нижней — сочной — губе.

— Пошел вон! — оставив церемонии, закричала она.

— Да... да! — он уже находился в полушаге, и она отчетливо различила у самого своего лица зеленые, с каплями прожилками глаза и болезненно расширенные зрачки.

Она почувствовала, как дрожащие пальцы коснулись и судорожно стали шарить по бедрам; она запрокинула голову, чтобы уйти от спертого, жаркого дыхания.

Он не был ей

(противен?)

(для этого нужно воспринимать всерьез)

он был жалок и смешон. Его беспомощная неуклюжесть вызывала брезгливость и сострадание одновременно. Его и отголкнуть-то было невозможно, потому что отталкивание — это действие в ответ на реальную опасность, а как же он мог быть опасен, этот отчаянно-неуклюже-полужалкий, задержавшийся в подростковом возрасте и пытающийся теперь внешними средствами изобразить из себя суперменa!...

— Пришел, увидел, победил!!! — внезапно вмешался он с отчаянной решимостью и всосался своими мокрыми губами в губы Дины, а ладонями уперся в груди (таким, вероятно, жестом неопершившиеся мальчики стремятся показать миру свою мужественность).

Дина извернулась и что есть мочи отшвырнула его прочь от себя.

Андрон нелепо взмахнул руками в воздухе и медленно

(как в замедленной киносъемке)

повалился на спину. Он рухнул на импровизированный стол-коробку, на все эти ананасы, торты и шампанское, свои шикарные подарки, и коробка под тяжестью тела гулко хлопнула и сложилась; и Андрон только что и успел сйкнуть и по-балетному взбрыкнуть ножками.

Раздался гулкий звук, и от сотрясения пробка вылетела из бутылки, и веселая струя шампанского снопом брызнула вверх.

(Совершенно против желания)

лицо Дины исказилось — сначала от растерянности, а потом и от нелепости происходящего, и, увидав, как пена шампанского пузырится на мокром несчастном лице школьного секретаря, она громко, во весь голос расхохоталась.

Ей душил смех, и она ничего не могла с собой поделать. Она понимала, что ведет себя непристойно и даже оскорбительно

(плешивый уродец с нахлабными плечами, доморощенный крошка цахес,

комический кавалер из оперетки)

(МУЖЧИНЫ НЕ ПРОЩАЮТ)

что правильней было бы изобразить суровую непреклонность и ледяное недоумение

(он решил сыграть с нею в любовь, — С НЕЮ, здесь, у голой стены, завалив на визжащую панцирную кровать?!?!)

но она хохотала до икоты, так, что из глаз брызнули слезы.

Андрон окаменел. Сузившимися холодными зрачками он из-под развалин коробки-стола следил за реакцией Дины.

— Ой, — задыхалась она, — ой, простите... ой, извините, пожалуйста!..

(БЕДОЛАЖЕЧКА! А ТЫ УМЕЕШЬ ЭТО ДЕЛАТЬ? КОГДА-НИБУДЬ ПРОБОВАЛ, А?)

(умереть... от смеха)

Она стучала кулачками, скрючившись у стены, просто-таки сползая вниз от хохота; она не видела, как на лбу школьного секретаря узловатыми буграми вздулись вены и на висках мелкими бисеринками проступил пот.

— Ничего, ничего, — просипел он, выкарабкиваясь из коробки наружу. — Я тоже посмеюсь, как ты, когда он тебя бросит. Наиграется и бросит, как собачонку.

Дина осеклась и смолкла; смех растаял, точно его одним резким движением выдернули из груди.

Тонкая улыбка покривила губы Андрона.

— Святая простота. Протри глаза: я ничем не хуже ЕГО. Со мной тоже считаются... кто понимает. У меня тоже есть вес в этом мире. Говоришь, неудачник? Ха. Это он — жалкий неудачник и ничтожество. Он лжец. Ты не нужна ему.

— О ком это вы? — растерянно пролепетала Дина, но Андрон будто не услыхал вопроса и продолжал, как ни в чем не бывало:

— Не обольщайся. Ты не единственная. Я слишком хорошо знаю его. Он учился на несколько классов старше, и все девчонки в школе, дуры вроде тебя, были без памяти в него влюблены. Надо сказать, он пользовался этим обстоятельством весьма искусно, — усмехнулся он. — Да, я его отлично знаю! — повторил Андрон, наступая. — Красавчик, дамский любимчик, кобель с физиономией святоши!.. Мы играли вместе в школьном драмкружке. Ему всегда доставались лучшие роли, потому что он притворялся, как жил. Никто не мог угадать, что же на самом деле у него на душе. Он ворковал, что любит тебя больше жизни?.. что отправится за тобой хоть на край света?.. Ха! Это старо. Он нашептывал такое всем своим подружкам, но в конечном итоге не он, а они бегали за ним и скулили, как брошенные собачонки. Он бросит и тебя, когда наиграется.

— Я не верю тебе.

— Веришь. Ты знаешь, что я говорю правду.

— Уходи, — закричала Дина.

— Ничего-ничего, — кивнул Андрон, промакивая носовым платком залитое шампанским лицо. — Я не гордый. Я тебя подберу. Только сначала посмеюсь, как ты, а потом подберу. — Он посмотрел ей в глаза внимательно и цепко и с удовольствием добавил: — Как собачонку!

Перешагнув через останки стола и едва не наступив в вывалившийся на пол кремовый торт, Андрон направился к выходу. Уже на пороге он обернулся и присвистнул, будто и вправду подзывал заблудившуюся дворняжку:

— Дина-Дина-Дина!

Она не успела ответить — он хлопнул дверью.

Дина стояла у стены, кусая губы, чтобы не завопить от боли и обиды. Она ждала, покуда стихнут, растворятся в тишине школьного коридора насмешливые шаркающие шажки незваного гостя.

О ком он говорил?.. кого имел в виду?

("... кобель с физиономией святоши")

кого так ядовито и безжалостно клеймил?

Имя не прозвучало... однако портрет! — портрет был воссоздан зло и точно.

(КОБЕЛИНА С ЛИЦОМ ПРАВЕДНИКА)

так, вспомнила Дина, окрестила Алексея ее лучшая подруга; стоило только представить их друг другу при знакомстве, как у Лариски заострился подбородок и она стала цедить слова сквозь зубы нараспев, — это было свидетельством высшей степени неприятия. Дина раскалялась от манерничанья подруги и втайне удивлялась, неужели столько времени могла допускать, чтобы Лариска выступала камертоном и главным судией в самых ее сокровенных делах

("Ты еще настрадаешься с ним", — говорила она о Кирилле. Она была права. Однако)

про Алексея Дина не желала это слушать.

(Кобелина с лицом праведника)

Не восприняв должным образом Алексея, Лариска тем самым, не подозревая, бросила вызов ей самой, Дине; Дина, не раздумывая, вычеркнула подругу из своей жизни.

(— Раскрой же глаза, очнись!.. Погляди, как он смотрит на всех встречных баб!

— Неправда, Лариса, он не развратник. Ты его не знаешь!

— Тоже мне, бином Ньютона. Он томный тридцатилетний мальчик, и в сорок лет таким останется, и в пятьдесят. Из тех, кто обожает нравится всем подряд и шарахается, как от чумы, от всего серьезного... КОБЕЛИНА С ЛИЦОМ ПРАВЕДНИКА... а это хуже, чем развратник. Развратники, по крайней мере, ведут себя откровенно...

— Молчи, Лариса. Если ты мне подруга, молчи! Мы скоро поженимся.

— Диночка... девочка. Он не из тех, кто женится. Он из тех, кто не забывает.)

Дина вздрогнула и замотала головой, как от зубной маеты. Невозможно, чтобы она так обманывалась; она так тонко различает скрытые интонации, так точно читает по лицу, по движению глаз. Наклонясь над ней ночью, он шептал, что любит, — и в этом коротком слове, в двойном едва заметном движении губ была такая бездна обертонов и смыслов

("... он нашептывал такое всем своим подружкам")

НЕТ!!! Охваченная внезапной решимостью, Дина расправила плечи и метнулась к чемодану. Она опрокинула чемодан на кровать, разом вытряхнув все содержимое, и извлекла из-под кофт и блузок клетчатое любимое платье. Его любимое.

Разберемся, сказала она себе.

13.

НЕУЕМНАЯ ЖАЖДА ОБЛАДАНИЯ (ЛЮБОВНИКИ-2)

— Алексей Григорьевич, вас к телефону! — кокетливо сообщила на весь холл крашеная под красное дерево медсестра, поигрывая в руках телефонной трубкой. — Между прочим, женский голос.

Алексей потянулся и упруго поднялся со старенького кожаного диванчика под раскидистой комнатной пальмой, обычного места отдыха и посиделок медперсонала больницы.

Здесь, в приемном покое, он чувствовал себя, как рыба в облюбованной заводи. В прочих корпусах и отделениях раздавались стоны, хирурги резали живое мясо, палаты провонялись запахом несвежих бинтов и гниения, — а приемный покой всегда оставался тих и уютен. По надраенному до блеска полу кругами дефилировали свеженькие улыбчивые санитарки, — беленькие, в хрустящих накрахмаленных халатиках, выразительно расслаивающихся на груди

(Рабочее место есть оазис светлых платонических чувств)

смиренно повторял про себя Алексей, оценивая бедра новеньких медсестер

(медсестриц, как называл их он)

Каждая, не догадываясь о том, получала соответственное классификации прозвище. Крашеная под красное дерево Танечка, счастливая обладательница тонкой талии и нескончаемых ног, звалась

(смерть импотенции)

у нее была скверная привычка круглосуточно толочь во рту жевательную резинку с крепким мятным запахом и при улыбке залеплять ею испорченные передние зубы.

Танечка давно строила глазки молодому красивому доктору, но Алексей держался молодцом. Во-первых

(только по-настоящему большие актеры обладают даром тянуть подобающую паузу)

а во-вторых, он предпочитал выбирать сам, а не быть выбранным.

— И за что вас только бабы любят? — томно поинтересовалась Танечка, передавая Алексею телефонную трубку. — Не понимаю...

Благосклонно улыбнувшись, Алексей по-хозяйски примостился на краешке стола и поднес трубку к уху:

— Алло? — Улыбка вдруг поползла с лица, как сухая кожура. — Да, — мрачно

проговорил он, понижая голос, — ну? Мы же договаривались: не звонить. И что? Так срочно?.. Не обещаю.

Он смолк; мембрана безостановочно жужжала. Алексей становился темнее тучи. "Смерть импотенции" деликатно изобразила полнейшее равнодушие и, размеренно двигая челюстями, принялась листать журнал регистрации.

— Ладно, — стиснув зубы, процедил наконец Алексей. — Как освобожусь, да.

Он швырнул трубку на рычаги с такой злостью, что едва не расколол корпус аппарата; Танечка так и подпрыгнула на своем вращающемся стульчике и даже на несколько секунд прекратила жевать.

Алексей фальшиво улыбнулся и развел руками:

— Дела заели. Пардон!

... Немного погодя, стараясь оставаться неузнанным, он быстрым шагом вошел в подъезд знакомой двухэтажки.

Он открыл дверь своим ключом и постоял в прихожей, не зажигая света. Из ванной доносился шум душевых струй.

— Кто там? — спросил женский голос, неузнаваемый в плеске воды. — Проходи, я сейчас.

В квартирке приятеля царил прежний беспорядок. Не разуваясь, Алексей заглянул в комнату и щелкнул клавишей телевизора. Экран тотчас посветлел, и по нему туда-сюда резво запрыгали загорелые девушки с рекламой шоколадок. Они плескались в прозрачной глянцевой волне, обнимались с дельфинами и назойливо демонстрировали всем свои ослепительные зубы

(ходячие эректоры)

немедленно определил про себя Алексей и крутанул ручку, сплюснув изображение по горизонтали. В деформированном виде жизнерадостные красотки стали больше походить на скачущие бочата с ножками

(теща + Зинка)

(ОТВЕДАЙТЕ НАШЕ ЛАКОМСТВО, И ВЫ УЗНАЕТЕ, ЧТО ТАКОЕ РАЙ НА ЗЕМЛЕ)

Досадливо крякнув, Алексей переключился на другой канал. Лауренсия, томная заплаканная Лауренсия глянула на него с экрана своими черными, навыкате глазами.

— Ах, дон Педро, — со вздохом сказала она, заламывая руки, — вы не знаете, что такое муки настоящей любви! — и заплакала крупными глицериновыми каплями.

— Играешься? — раздалось за спиной.

Вздрогнув, Алексей обернулся.

— Напугала...

Тамара Георгиевна снисходительно улыбнулась и, поглубже закутавшись в необъятных размеров банную простынь, стала скользящим шагом надвигаться на молодого доктора.

— Какой-то ты нервный стал в последнее время, — низким ворожащим голосом произнесла она.

— Замотался. Работы много.

— Ага... работы, — насмешливым эхом повторила Тамара Георгиевна.

Без строгого макияжа и привычной прически лицо ее обрело неожиданную притягательность; оно казалось новым и неузнаваемо молодым. Отброшенные назад и разметавшиеся по плечам волосы открывали высокий бледный лоб. Взгляд, обыкновенно такой колючий и неприступный, теперь был влажен и мягок; и впервые в нем засквозило женское, ревниво-потаенное. Так смотрят мудрые стареющие любовницы на своих ветреных фаворитов.

— Еле вырвался, — продолжал Алексей, одергивая пиджак. — Ну?.. Ты хотела меня видеть?

— Соскучилась, — она вдруг сделала резкий шаг и почти упала ему на руки; он вынужден был открыть ей объятия. Она по-женски страстно и доверчиво прижалась к его груди.

— Не шути, Тамара, — пробормотал он, кусая губы, — у меня действительно нет времени.

— Тамара? — она подняла на него вопросительно-беззащитный взгляд. — А помнишь, раньше ты называл меня Тома... Томочка. С чего бы такая официальность?.. — Она ждала ответа, но Алексей молчал, растягивая губы в фальшивую улыбку. — Ну, что: так и будешь стоять столбом? — пропела Тамара Георгиевна, делая вид, что не замечает холодности любовника, — не поцелуешь?

Алексей напрягся; она, прикрыв глаза, протянула ему навстречу бледные подрагивающие губы. Он быстро чмокнул ее в щеку и отпрянул.

Вздрогнув, Тамара Георгиевна поглядела на него полным недоумения и обиды

взглядом; впрочем, она тут же взяла себя в руки и беспечно рассмеялась.

Оттолкнувшись от его груди полными руками, она неспешно двинулась к расстеленной кровати и плавно взобралась на нее с ногами.

— Что ж, — проговорила Тамара Георгиевна, — что ж... Говорят, любовь проходит. Все проходит. На днях видела твою благоверную: Боже, как она раздалась, как она подурнела!.. Ужас.

Алексей рассмеялся искусственным смешком.

— Не ты ли нас поженила, дорогая моя! — воскликнул он, желая замять неловкость с несостоявшимся поцелуем и потому подсаживаясь перед диваном на корточки. Такая поза, он знал, располагает женщин к доверительности, но не провоцирует на интимность.

Однако Тамара Георгиевна вовсе не собиралась делать вид, что не заметила отказа любовника.

— Естественно, я, — холодно откликнулась она. — Ты ведь проговорился однажды, что терпеть не можешь рыжих девок, вот я тебе и подыскала. Чтоб жизнь медом не казалась.

— О! Так ты у меня ревнивица, — еще раз попытался свести разговор к шутке Алексей.

— Я — собственница. Каждая женщина — собственница; если, конечно, она настоящая женщина. — Тамара Георгиевна мягким жестом взяла с прикроватной тумбы портсигар и размяла в пальцах длинную сигарету. Прикурила. — Да, — негромко произнесла она, — тут слух пошел... Ты, вроде, уезжать от нас надумал?..

— Ну, — неопределенно промычал Алексей, невольно поежившись.

Она глядела из-за матовой пелены сигаретного дыма, — внимательно и мрачно. "*Ну*" ее не устраивало; она ждала полного ответа.

— Понимаешь, — сказал Алексей, проходясь по комнате; Тамара Георгиевна не отрываясь сопровождала его немигающим взглядом. — Иногда приходит охота к перемене мест. Как в стихах.

— Понимаю, — кивнула она. — Никуда ты не уедешь.

— Вот как! Почему?

— Я так хочу.

— Что-что?

Она низко наклонила голову и уперла в него свой тяжелый, исподлобья, взгляд, от которого он всегда цепенел, терялся и не мог выговорить ни слова.

— Я. ТАК. ХОЧУ!!! — раздельно проговорила Тамара Георгиевна.

— Уеду! — запальчиво возразил Алексей. — Я уеду!

Его вдруг охватила необыкновенная решимость; минуту назад он и помышлять не мог об окончательном отъезде из городка; эта мысль казалась невозможной, едва ли не преступной крамолой, — и вот теперь, после ее короткой, но такой беспощадной фразы, все его существо рвалось в бой, требовало полета и освобождения.

Он с пронзительной ясностью осознал, чего так страстно и беззаветно жаждал все эти годы, и что было неосуществимо, как утопия.

Прочь сомнения! Прочь!!! Ему есть, куда бежать, — и есть, с кем

(!Дина!)

она подарена судьбой, как единственная возможность искупления; ухватившись за ее надежную руку, он способен разорвать путы постылого существования, вырваться на простор, в иные пространства, навсегда оставить в прошлом провинциальную скуку, беспросветно серые будни, отчаянье и эту хищную женщину напротив

(жадную, жалкую женщину, которую он любил, и которая, изо всех сил пытаясь скрыть это, любит его и по сей день)

(Я НЕНАВИЖУ ЕЕ ЗА ЕЕ ЛЮБОВЬ! Я ПРЕЗИРАЮ ЕЕ ЗА ЕЕ ЛЮБОВЬ!!!)

он способен лишиться страха и безысходности, наваливавшихся на него по ночам, как могильная плита

(!!!ДИНА!!!)

— вот надежда, свет и спасение.

В эту минуту Алексей готов был уверовать, что ее любовь и впрямь может влить в него силы и азарт к сопротивлению; ему мучительно, до сердечной боли захотелось прижаться к ее груди и вновь, как некогда, до мозга костей ощутить себя могучим, уверенным в себе, непобедимым.

Он счастливо улыбнулся:

— Я УЕДУ. ЕЩЕ КАК УЕДУ!!!

Тамара Георгиевна выдержала паузу. Она смотрела на него ледяным взглядом, а на губах играла прежняя ласковая улыбка. От этого взгляда кровь стыла в жилах.

— Вот как ты заговорил, мой миленький, — негромко произнесла она. — Уж не влюбился ли ты в эту пташку залетную?

При упоминании о Дине (а Алексей ни на секунду не сомневался, что Тамара Георгиевна имеет в виду именно ее) у него закружилась голова, а во рту появился отвратительный медный привкус.

Она знает... Она все знает.

(ОТКУДА... ОТКУДА, ЧЕРТ ПОБЕРИ, ЭТОЙ ***СУКЕ*** ВСЕ ИЗВЕСТНО?!?!?!)

— Здрасте, моя бабушка! — проговорила Тамара Георгиевна, увидав ответ в его глазах. — Амор, значит. Любовь до гроба. Вот так дела! А что, если узнает наша прелестная Офелия о четырнадцатилетней девочке Ниночке и о подпольном аборте?.. Будет ли она по-прежнему без ума от своего сексуального доктора... растлителя малолетних?!

— Прошло столько времени, — пробормотал Алексей, отступая к стене.

— А как насчет несчастных девушек, жертв маньяка-убийцы? — мрачно продолжала атаку Тамара Георгиевна. — Они ведь все были твоими любовницами, не так ли?..

— Хватит! — прорычал он, уже не владея собой. — Зачем звала? Что тебе нужно?!

Она на мгновение застыла, как пантера перед прыжком, как ваятельница, наслаждающаяся делом рук своих, прежде чем нанести последний, решающий штрих и завершить творение.

— ЧТО ТЕБЕ НУЖНО?!?! — он был похож на раненое животное, яростное и готовое к ответному нападению.

— Снимай штаны, — вдруг тихо произнесла она, и губы покривились от страсти.

— Ч-что? — не поверил своим ушам он.

— ШТАНЫ СНИМАЙ. БОЛЬШЕ ТЫ НИ НА ЧТО НЕ ГОДЕН, ГОЛУБЧИК!

Несколько секунд он жадно глотал ртом воздух. Никто, НИКОГДА не наносил ему в жизни большего оскорбления. Он слышал, как звонко и пьяняще зазвенело в ушах от близости развязки. Он покачнулся; он еще пытался отогнать от себя прочь навязчивую мысль, но руки уже сами знали, чувствовали, как поступать; скрючившиеся пальцы ныли от сладкого предвкушения. Низко пригнув голову, как атакующий буйвол, он двинулся на Тамару Георгиевну. Она даже не пошевелилась.

— Ты слаб, деточка, — проговорила она негромко, — ты слаб, и трус, к тому же. Ты не посмеешь меня тронуть и пальцем. Ты мой... слышишь, МОЙ, И НИКОМУ НЕ ДОСТАНЕШЬСЯ, ПОКА Я САМА ЭТОГО НЕ ЗАХОЧУ!!! Так и передай это своей потаскухе...

Он протянул к ней руки; пальцы сомкнулись на шее. Тамара Георгиевна не сопротивлялась; тяжело ухмыляясь, она смотрела в налитые кровью глаза Алексея. Ей было жутко и весело одновременно; ее будоражил вид красивых черт лица любовника, искажаемых ненавистью и безумием.

— Т-ты... не посмеешшш-шь... — вновь прохрипела она, уже понимая, что впервые ошиблась в своих прогнозах. Подумать только: он ПОДНЯЛ НА НЕЕ РУКУ!!!

Тамара Георгиевна ощутила, как опора уходит из-под ног и все плывет перед глазами. Голова вдруг стала свинцовой, а тело неподдающимся. Тамара Георгиевна слышала судорожное, спертое дыхание Алексея, — и внезапно, содрогнувшись, осознала, что сейчас он ДЕЙСТВИТЕЛЬНО

убьет ее.

УБЬЕТ ЕЕ!!!

Это было невероятно, невозможно, — и все-таки происходило наяву.

Совершив нечеловеческое усилие, она обеими руками взяла его голову, стиснула в ладонях и стала наклонять к себе — ближе... еще ближе. Она вложила в это движение весь гнев и страсть оскорбленного достоинства; единственный раз в жизни она проигрывала — И КОМУ?!..

Она вложила в это движение всю свою любовь.

Уже теряя сознание, она впилась в его рот губами — жарко, властно, отчаянно. Близость смерти, жажда его тела и победы, — все смешалось в этом поцелуе; и Тамара Георгиевна вдруг ощутила, как новое, неизведанное дотоле наслаждение овладевает всем ее существом.

Она до боли стискивала виски любовника и даже почувствовала нечто вроде досады и разочарования, когда хватка железных пальцев на шее стала ослабевать

и ступни ее коснулись холодного пола.

Она жадно прижалась к нему в последней надежде, и Алексей вдруг затрепыхался пойманной в силки птицей, будто съеживаясь от поцелуя. Он рванулся всем телом — она удержала, не давая возможности оторвать губы от своих. Она стискивала его в объятиях, как дикая кошка держит вожделенную добычу; и лишь когда Алексей окончательно раскис, она позволила ему оттолкнуться и отлететь к стене.

Задыхаясь, он глядел на нее полными ужаса и отвращения глазами, а она удовлетворенно, чувственно облизывалась, словно желала до последней капли распробовать вкус победы.

— Все равно тебе не справиться со мной! — отчаянно выкрикнул Алексей. — Все равно я тебя брошу... с-сука!..

Она угрюмо провожала его взглядом, покуда он опрометью выбегал из приятелевой квартирки, а потом долго смотрела вслед, пытаясь справиться с тяжелым, хриплым дыханием.

14.
ЖМЕИНЫЙ ИШТОШНИК

Поджатые губки:

— Между прочим, рабочий день уже закончился. Ушел. Нет его. Приходите завтра.

— А куда он направлялся, не знаете? Домой? — Дина сначала произнесла вопрос, а потом уж сообразила, что задавать его было делом опрометчивым, слишком уж двусмысленно и интимно он прозвучал; Дина почувствовала, что против воли на щеках проступил румянец.

Крашеная под красное дерево медсестра по-прежнему вела себя подчеркнуто сухо:

— Девушка, он мне не отчитывается. А я и не спрашиваю.

Она вывела языком из-за десны кокон жевательной резинки и принялась энергично двигать челюстью, меняя пришелицу недружелюбным взглядом.

— Извините, — сказала Дина.

Вечерело. По больничному двору бродили сутулые скучающие пациенты в пижамах и мятых халатах. Сухонький старичок с эспаньолкой, размахивая ручкой, объяснял молодому товарищу по несчастью, в чем заключена прелесть облупившейся скульптурной группы, размещенной посереди поросшего бурьяном газона. Товарищ по несчастью не слушал, но исправно кивал. Он с интересом уставился на Дину, вышедшую на крыльцо приемного покоя. Дина сделала вид, что не поняла, и поспешно прошла мимо.

Она не видела, как из-за угла показалась санитарка с туго стянутой на голове косынкой и ревнивым взглядом глядела ей вслед. Санитарка была незримой свидетельницей диалога в приемном покое, — она стояла снаружи у окна и осторожно заглядывала внутрь. Она удовлетворенно улыбнулась, когда крашеная жующая медсестра дала Дине от ворот поворот.

Теперь же санитарке очень хотелось нагнать Дину и сказать ей еще что-нибудь такое обидное, но она не знала, что именно, и потому оставалась стоять на месте.

— Так тебе и надо, — в конце концов прошептала санитарка и неспеша направилась к небольшому одноэтажному зданию в глубине больничного парка, у самой дальней ограды, — к моргу.

Это была Галя.

... Тем временем Дина брела по длинной тоскливой улице, глядя себе под ноги и придумывая, каким бы способом выманить из дому Алексея. Без сомнения, ей нельзя показываться на глаза Марье Павловне или ее рыжеволосой дочери, — ничего доброго такая встреча не сулит. В детстве, Дина помнила, в подобных ситуациях мог бы помочь случайный пацаненок, пойманный за руку прямо на улице и науськанный вызвать из квартиры, минуя родителей, любимую подружку. Однако здесь случайные пацанята не попадались; такое впечатление, что едва только начинало смеркаться, всех малолеток загоняли домой и запирали на ключ. Впрочем, взрослые прохожие здесь тоже попадались редко; раз, два — и обчелся.

Внезапно из-за поворота раздались возбужденные голоса, смех. Это было так необычно для городка, что Дина против воли направилась на шум и вскоре оказалась на небольшой площади, на которой толпились люди в легкомысленных одеждах.

Центром их интереса была небольшая скульптурка, изображающая грустно склонившуюся над водой девушку. Мраморное лицо девушки было покрыто патиной, а от левой руки остался один лишь жалкий обломок. Девушка восседала на груде битого камня, поросшего влажным мхом, и из-под камней в небольшую узорную чашу сочилась вода.

Кривоногий старичок в бейсболке и пляжных шортах с пальмами щелкал фотоаппаратом, группка молодых туристов весело переговаривалась меж собой, а впереди стоял важный экскурсовод (выпирающий животик, седые волосы стянуты на затылке в хвостик, короткие ручки, мурлыкающий голос) и, тыча пальцем в скульптуру, с важным видом декламировал:

— Мы ш вами окажались в замешательном меште. Это наштоящая жемчужина в оправе нашего города, главная мештная доштопримешательношть, — Жмеиный иштошник.

Услыхав знакомое название, Дина невольно замедлила шаг и в конце концов приблизилась к экскурсионной группе. Заметив появление нового лица, экскурсовод приободрился и заговорил с еще большим вдохновением.

— Жмеиный иштошник, — витийствовал он, — являетша одним иж шимволов ждешних мешт. Венчает его шкульптура обнаженной девушки работы неижвештного ваятеля. Легенда глашит, — продолжал экскурсовод, со значением взглядывая в сторону Дины, — что бежутешный шкульптор ижваял ни кого иного как швою вожлюбленную, которая утопилаш от нешшаштной любви в шумяших водах иштошника. Иждавна шиталошь, што вода Жмеиного иштошника обладает шудодейштвенной шилой. Ишпивший ее как бы пошвяшаетша во влашть. Так што, уважаемые гошпода, вам предоштавляетша редкоштный шанс. Девушка, — окликнул экскурсовод Дину, — приобшайтешь, прошу!

Дина вздрогнула и заторопилась прочь, ничего не ответив, пока экскурсанты вертели головами, стараясь понять, к кому же обращены эти слова.

Но ее уже и след простыл.

(ЗМЕИНЫЙ ИСТОЧНИК... ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК!)

вертелись в голове не так давно слышанные слова

(Разве не вы Ленку-телеграфистку нашли?.. Говорят, знакомство с ней водили)

Дина вновь чувствовала себя чужой и ненужной в этом месте, в этом городе. С какой радостью, с каким облегчением она собрала бы сейчас чемодан и купила билет на теплоходик, который увез бы ее далеко-далеко отсюда!.. Но Алексей — как бросить его здесь, оставить одного, безо всякой надежды на спасение.

Он нуждается в ней, она НУЖНА ему, — Дина твердо знала это.

Тем более, думала Дина, поговорить с Алексеем необходимо, и срочно. Поговорить, чтобы разрушить тот образ

(ЛЖЕЦ С ФИЗИОНОМИЕЙ СВЯТОШИ)

который нарисовал перед ней так некстати объявившийся в маленькой унылой комнатке школьный секретарь.

Нет, нет... конечно, нет!!! — Алексей не такой. Разве мог бы самовлюбленный притвора быть столь бережным, деликатным, когда ей, как никому, нужны были теплота и поддержка!..

Дина видела перед глазами его робкую улыбку и склоненный полупрофиль.

— Человек волен поступать с собой, как вздумается, — тихо проговорил Алексей, когда они, гуляя по вечернему городу, присели за столик уличного кафе. Дина покраснела. — Я думаю, несчастливая любовь — основание для самого отчаянного поступка. Но ведь вот какая штука: кто может зарекаться, что после несчастливой любви не придет любовь счастливая? Разве есть смысл лишать себя ее и всего того, что могло быть потом, из-за сиюминутного порыва?..

Он говорил искренне, Дина чувствовала это. Чем больше она приглядывалась к врачу-стажеру из приемного отделения, тем больше находила отличий от Кирилла, — хотя, на первый взгляд, они показались ей очень похожи.

Алексей был спокойнее, в нем не было той лихорадочной суетливости и отчаянного желания понравиться любой ценой, которые всегда отличали Кирилла и (стыдно признаться) составляли часть его очарования.

Алексей был мудрее и печальнее. В разговоре обычно веселый и беззаботный, он вдруг смолкал и, казалось, переставал слышать и видеть все вокруг, уносясь в какие-то иные пространства.

В такие минуты Дина не прерывала его внезапного уединения, а только наблюдала за подрагиванием его губ и полуприкрытыми веками; во всем его облике внезапно проступали болезненное смятение и даже мука; и Алексей становился

Дине ближе и дороже.

Он был честен перед ней. Он, не таясь, рассказал, что дома его ждет молодая жена; он не любил ее.

— Зачем же надо было жениться? — уязвленная, спросила Дина.

Алексей лишь грустно усмехнулся в ответ. За его усмешкой тоже чудилась тайна; Дина понимала, что, должно быть, он немало пережил и перестрадал в свои неполные тридцать лет. Сильный и благополучный внешне, в душе он оставался робким и трогательным ребенком; в тот момент, когда Дина отчетливо осознала это, для нее перестало существовать все вокруг. Даже Кирилл. Дина влюбилась отчаянно и безоглядно, и сама была обескуражена.

— Мы должны быть вместе, — сказал Алексей.

— Это невозможно.

— Почему?

— Ты женат.

— Звучит, как приговор.

— Это и есть приговор.

— Дина, — сказал Алексей, прижимая к губам ее ладонь, — неужели ты сделаешь это?.. неужели ты сможешь лишить меня единственной надежды на счастье?

— Алеша, ты заговорил, как герой из кинофильма.

— Я и есть герой из кинофильма. Самый несчастный герой на свете. И только в твоих силах сделать меня счастливым.

Глаза его лукаво поблескивали. "Самый несчастный герой" был счастлив, Дина видела это. Она уже не думала ни о чем другом.

Они договорились, что Алексею нужен месяц — всего один месяц, чтобы распрощаться с прежней жизнью, раздать старые долги, поставить точки над "i" и вернуться. Вернуться навсегда.

Дина провожала его, зная, что через тридцать дней они встретятся. Он улыбался и махал с палубы теплоходика. Теплоходик зафырчал и отчалил. Дина стояла на пристани, пока он не скрылся из виду.

И все.

Прошло тридцать дней, и еще тридцать, и еще — а его все не было. Дина ждала. А потом поняла, что ждать больше нет сил. И она должна на что-то решиться сама.

Внезапно точно электрический разряд пронизал ее с головы до ног; Дина остановилась, как вкопанная, и лишь потом поняла, почему

("... томный тридцатилетний мальчик... ОН СМОТРИТ НА ВСЕХ ВСТРЕЧНЫХ БАБ!")

Она его ищет, — а вот он, здесь, и еще моложе, еще неотразимее и ослепительнее, чем всегда. По-лебединому выгнутая из отворота свитера длинная шея. Скошенные, мягко очерченные скулы. Мужественный подбородок. Полуразмытая родинка у мочки уха. Щемяще родное таилось в его облике, в совершенном продолговатом овале лица, хрупко опущенных уголках губ... — ЕСЛИ БЫ НЕ ВЗГЛЯД. Фотографический снимок, Дина слышала, способен обнажить в человеке глубоко сокрытые, запертые в тайниках души сущности; и это сокрытое иногда может перетасовать, перевернуть все былые представления о его характере и личности.

Дина вглядывалась в бездонные, с поволокой глаза, — и нехорошее, холодящее чувство подымалось в груди.

Любите меня

(КАК САМ СЕБЯ ЛЮБЛЮ)

точно нашептывал серый взгляд этих глаз.

Стряхнув оцепенение, Дина осмотрелась. Ее вынесло к центральному перекрестку; перед ней поблескивала наклонная витрина фотоателье с выставленными на всеобщее обозрение виньетками и групповыми композициями; пестрели какие-то случайные незначительные лица, и лицо Алексея, даже несмотря на чужие, ищущие преклонения и восторга глаза, было словно природный бриллиант среди стразов и поддельных драгоценных камней.

Долго бы еще стояла она и смотрела на огромную фотографию своего возлюбленного в собрании чьих-то чужих фотографий, если бы боковым зрением вдруг не увидала за полупрозрачной материей, в глубине помещения, какое-то короткое движение.

Дина присмотрелась — и ахнула.

Кто-то в упор ФОТОГРАФИРОВАЛ ЕЕ!

Понадобилось мгновение, чтобы осознать: этот фотограф, который внаглую лжесвидетельствовал против нее в кабинете следователя, — он продолжает следить

за ней! Неслыханно.

Резко развернувшись на каблуках, Дина метнулась ко входу.

15.

УБИЙСТВО КАК СИМВОЛ ВЛАСТИ

Фотограф — это и вправду был он — в замешательстве шагнул ей навстречу.

— Какая редкая удача!.. — воскликнул он фальшивым голосом, преграждая Дине дорогу.

— Ну-ка, верни пленку, — не терпящим возражения тоном приказала Дина.

— Это шутка? — изумился фотограф, но на всякий случай завел за спину руку с фотоаппаратом.

— Верни пленку, я сказала!..

Разъяренная, Дина наступала на хозяина фотоателье, и он вынужден был пятиться к завешенным тяжелой светонепроницаемой шторой дверям фотолаборатории. Он не столько не смог, сколько просто не успел удержать ее. Он споткнулся — она толкнула его... и вдвоем они ввалились в темное, скудно освещенное красным фонарем помещение. Дина охнула и застыла.

— Вот оно что, — пробормотала она, озираясь, будто в полусне, — вот оно что, оказывается...

На стенах, пришпиленные огромными кнопками, и на столах, и на растянутых во всю длину фотолаборатории веревках висели огромные листы фотографий, и на каждой была изображена она сама, Дина. Это было самое настоящее досье ее пребывания в городке — включая краткие разговоры с Семеном Семеновичем, подход к школе, выглядывание ночью из раскрытого окна дома Марьи Павловны.

Ошеломленная, Дина хлопала ртом, а фотограф мрачно глядел на нее, и брови были сдвинуты на переносице.

— Значит, маньяк интересуется девушками до двадцати пяти лет, — наконец произнесла Дина. — Очень интересно. Что ж. Нам будет о чем поговорить в милиции.

Она решительно направилась к выходу, но Андрей перегородил ей путь. Перед самым ее носом он захлопнул дверь, а ключ опустил в задний карман брюк.

Это была ловушка. Ничего примитивнее, глупее и вместе с тем ужаснее нельзя было и придумать. Один на один с убийцей. Так просто и страшно. И помощи ждать неоткуда.

— Не подходи, — прошептала Дина, отступая. — Не подходи!.. я буду кричать.

— Тебя никто не услышит, — сказал фотограф, подымая с пола оброненный в пылу схватки Динин бант и накручивая его на руку. — Лучше выслушай меня.

— Не подходи ко мне!!! — завопила она, а Андрей вдруг резко метнулся к ней, зажал ладонью рот и припечатал к стене. Дина успела схватить тяжелое пресс-папье и замахнуться, но пресс-папье выпало из рук. — Выслушай меня!!! Я не убивал!

Дина не слышала.

(КОНЕЦ!!!)

В ушах звенело. Она только чувствовала, как силы внезапно покинули ее, а во рту образовался горький полынный привкус. Она видела перед глазами горящие глаза маньяка и понимала, что сейчас, сию минуту умрет. Нет ничего страшнее ожидания смерти. Даже сама смерть — и та менее страшна. Вот какая — единственная — мысль вертелась теперь в голове.

— Послушай же ты! — крепко встряхнул ее за плечи фотограф. — Я следил за тобой... да, — но потому, что сам хотел добыть доказательства твоей виновности. Но теперь мне ясно, ты ни при чем. Тебя кто-то преследует, верно?.. — Он заглянул ей в глаза и вдруг шепотом произнес: — Я ВИДЕЛ ЕЕ!

Ослабив хватку, фотограф сделал шаг в сторону и указал пальцем на висевший в отдалении снимок:

— Вот она.

Все еще не веря в чудесное спасение, Дина автоматически скользнула взглядом следом за рукой фотографа. На снимке была изображена смутная девическая фигура в ветвях деревьев.

— Узнаешь? — спросил фотограф.

Дина вздрогнула

(ОСКАЛ УЛЫБКИ. РАК В ВОЛОСАХ)

(ночь)

— Уж извини. Я все время за тобой ходил по пятам... с той минуты, как

увидел тебя с чемоданом на улице. Сначала просто глазам не поверил: убийца, не скрываясь, вернулась в город, где только что совершила преступление?! Я же отлично помню тебя в ресторане... я знал, что именно ты увела оттуда Ленку-телеграфистку, после чего она пропала. Ты облила меня вином, когда я попытался пригласить на танец. Правда, лицо-то как раз разглядеть я не успел, но прическа... платье! Ты даже не попыталась изменить их. Уму непостижимо. Я шел следом за тобой к школе, а потом и ко двору Марьи Павловны. Фотографировал чуть ли не каждый шаг. И все-таки не уследил, когда ночью ты отправилась купаться к реке. Наутро мы встретились в кабинете у следователя, и я узнал, что ты нашла труп. Это уже было выше моего разумения. Сначала — убила, а потом сама и выловила в реке. Либо наглость, полнейшая уверенность в собственной безнаказанности, либо глупость, либо... еще что-то — НО ЧТО?! — фотограф пытливо поглядел на Дину, пытающуюся справиться с дыханием, и лицо его вдруг стало странным, задумчивым. — Позапрошлой ночью я торчал в саду у Марьи Павловны и подглядывал за тобой через окно. Подглядывать — подглядывал, а самое главное-то и прошляпил. Только платье успел заметить, как мелькнуло...

— Платье? — пробормотала Дина.

— Ты ведь тоже его видела, верно? Желтое платье... как на утопленнице.

Несколько мгновений они молча глядели друг на друга.

— Выходит, мне все это не привиделось? Я не сошла с ума?..

— Ты не сошла с ума, — покачал головой фотограф, мрачно накручивая на ладонь Динину ленту.

— Но ведь не привидение же это, в самом деле?!

— Не привидение. Это и есть убийство.

Дина вдруг зло усмехнулась и вырвала из рук фотографа свой смятый бант.

— Почему я должна тебе верить? — воскликнула она. — Сам придумал эту историю...

Андрей пожал плечами и раздельно произнес:

— У тебя нет другого выхода.

В сердцах Дина отвернулась. Конечно, он был прав

НЕТ ДРУГОГО ВЫХОДА

можешь — не верить. А дальше?

Она огляделась. В огромных эмалированных раковинах журчала вода, плавали размокшие фотографии. В углу поблескивал гигантским валиком пыльный глянцеватель. А над дверью висел огромный портрет миловидной девушки с распахнутыми глазами и робкой доверчивой улыбкой. Снизу к нему были приколоты две газетные вырезки с заголовками "УШЛА И НЕ ВЕРНУЛАСЬ" и "НОВАЯ ЖЕРТВА МАНЬЯКА-УБИЙЦЫ"; приглядевшись, Дина поняла, что уже видела точно такие же в руках Алексея, — их он доставал из своего бумажника, убеждая столичную гостью поскорее возвращаться восвояси. Надо понимать, в городке многие одержимы странным синдромом — коллекционированием сообщений об убийствах.

— Интересно, — сквозь зубы процедила Дина, — за ней ты тоже шпионил, как и за мной, да?

Андрей долгим взглядом посмотрел в лицо девушке с портрета.

— Нет, — сказал он. — Это Ира... моя невеста. Она бросила меня. — Фотограф отвернулся и громко завозился с чайником и стаканами, словно бы для того, чтобы отвлечь себя от грустных мыслей и не выказать своих настоящих чувств. — Знаешь, — неожиданно произнес он, — это ведь очень больно, когда тебя бросают. Раньше я только в книжках о таком читал и в кино видел, и все время удивлялся: ну, подумаешь, ушла девушка, тоже мне, беда! Найди себе новую и расслабься. Но на самом деле... Ну, — смутился он собственной откровенности, — тебе, наверное, этого не понять.

— Как сказать, — одними губами проговорила Дина.

Некоторое время они молчали; Андрей наполнил кипятком стакан с заваркой и протянул непрошеной гостье, та знаком показала, что отказывается от чая. Фотограф пожал плечами и сам отпил обжигающий напиток, поморщившись.

— Я вот к какому выводу пришел, — негромко произнес он, — любовь — это болезнь. Только никто не знает, как от нее лечиться. Разве стал бы я по ночам лазить в чужие палисадники, если б до сих пор не любил Иру? — сам себя спросил Андрей и категорически покачал головой. — Ни за что! Она меня предала, а я ее простил, будто бы ничего и не было.

— Она тебя предала? — переспросила Дина, вглядываясь в изображение девушки с портрета.

— Ну, может и не предала. Просто у нее любовь ко мне прошла, а у меня к

ней — нет. Она бросила меня ради одного... здешнего кобеля, — сдавленным голосом произнес Андрей, и Дина вздрогнула. К счастью, фотограф этого не заметил и продолжал: — Мы долго не виделись, а потом... ее нашли... задушенную. Вот такая история.

— Ужасно. Такая молодая... И красивая.

Фотограф усмехнулся и вдруг выпалил:

— Ты похожа на нее! Если честно, это меня просто доконало. Когда я тебя в первый раз толком рассмотрел... ну, там, в кабинете следователя, у меня в горле пересохло. Представить не мог, что убийца может быть так похожа на жертву!

— Я не убивала!!! — завопила Дина, и из глаз от обиды брызнули слезы. — Что ж вы все от меня хотите?.. Я ее в первый раз в жизни вижу, Иру твою!

Андрей открыл рот, словно хотел спросить что-то, но передумал. Покачав головой, он тихо сказал:

— Мы тут все запутались... мы запуганы до смерти. Сами не поймем, кто есть кто и чего бояться. Ты мне, наверное, не поверишь; подумаешь, что сошел с ума, — но я ведь своими глазами Иру видел... Прошла вдалеке и кивнула. Это было через неделю ПОСЛЕ ЕЕ ПОХОРОН!!!

Дина с ужасом поглядела на фотографа. Он лишь печально усмехнулся в ответ.

— Представь себе, так и было. И это не сон. Поначалу у меня тоже шарики за ролики поехали. А потом я дотумкал: э, нет, это вовсе не мистика. Просто кто-то мне намекает: молчи, парень, не то худо будет. Слишком уж бурную деятельность я развил, пытаясь докопаться, кто же убийца... На поминках у Иры я напился и стал кричать, что знаю его имя. Тут-то мне и досталось. Сначала в милицию затаскали: мол, говори, кто он, иначе хуже будет. А потом... Возвращаюсь как-то к себе, припозднился; заворачиваю за угол — ОНА! Стоит в отдалении и рукой помахивает. Мать честная!.. — у меня вообще-то близорукость, но Иру я не мог не узнать. Повернулась и пошла... Я и позже ее видел... еще два раза, — потупясь, прибавил фотограф.

— Я не понимаю... — пробормотала Дина.

— Я тоже поначалу не понимал. А потом стал складывать фактик к фактику. Вот, к примеру, как ты думаешь, почему санитарка из больницы шарахается от собственного отражения, а?..

— Понятия не имею.

— Потому что она себя видела... она сама себя душила!!! — завопил Андрей. Глаза его вспыхнули лихорадочным блеском; в это мгновение он и сам был похож на человека, одержимого маниакальной идеей. — Все-таки признайся честно: тогда, в ресторане, у крыльца...

— Да не было меня там! НЕ БЫ-ЛО!!!

— В таком случае, кто-то должен был знать о твоем приезде... видеть прическу, платье! — воскликнул фотограф. — Кто?!

— Я не знаю! — выпалила Дина и отвернулась, чтобы скрыть замешательство.

(ЭТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ **ОН**! НЕТ. НЕТ!!!)

По счастью, увлеченный своей идеей, Андрей не заметил смятения собеседницы.

— Все помешались: был ли у девчонок общий враг, — задумчиво проговорил он. — Прямо с ног сбились; ищут, кому и чем могли они насолить. Будто бы для того, чтобы убить, нужно, ах, как ненавидеть.

— По-моему, это логично, — вставила Дина. Она вдруг почувствовала себя человеком, который, зная разгадку преступления, СОЗНАТЕЛЬНО водит остальных за нос.

— Может, и логично, — кивнул фотограф, — но в этих делах логика не всегда может сослужить службу. Подумай сама: убийства из ненависти давно бы раскрыли. Они были бы очевидны, говорили бы сами за себя. А убийства из-за любви?

— Чушь какая-то! — испугалась она.

— Почему чушь? Нет, не чушь! Любовь, понимаешь, такое чувство... странное. — Он пожал плечами и задумался.

— Выходит, маньяк неуловим? — с надеждой спросила Дина.

Тихо журчала в раковинах вода. Фотограф молчал, помешивая ложечкой чай в стакане.

Наконец он негромко проговорил:

— Тут задачка на хитрость. Голыми руками его не возьмешь, это точно. Просто... надо понять, чего он хочет!

— И чего же он хочет?

— Я размышлял над этим на досуге, — скромно потупился Андрей, как человек, который не желает выпячивать себя и свое сногсшибательное открытие, а потом, не выдержав, азартно вскричал:

— Популярности он хочет! Славы до небес. Ему мало тихо прикончить жертву, — он еще целый спектакль разыгрывает: с призраками, всякими переодеваниями... Спрашивается, зачем?

— Да он просто сумасшедший!

Фотограф с сомнением покачал головой:

— Плохо ты знаешь провинцию. А я здесь живу не один год. Сквозь визир фотоаппарата многие незаметные вещи становятся виднее и заметнее. — Он неспеша подошел к дальней стене и стал разглядывать развешенные на ней фотографии. Приблизилась и Дина. И остановилась, завороженная.

Старая площадь с приземистыми деревянными домишками и огромной лужей посередине. Хлопотливые курицы в пыли у обочины. Хрупкая белая церквушка в покосившейся ограде. Поблескивающий медью духовой оркестрик на летней эстраде. Торговые ряды с матрешками и хохломой. Старики на лавочке. Щербатая девчонка с косичками, улыбающаяся из окна. Весело скачущий щенок. Ватага мальчишек посереди школьного двора. Лилии на пруду.

Это была настоящая фотолетопись жизни городка. Любовно выполненные снимки один к одному были прикноплены к стене лаборатории, — гигантская мозаика пейзажей, лиц, впечатлений.

— Как красиво! — не удержалась от восклицания Дина.

Однако на лице Андрея не возникло и тени улыбки. Словно впервые видел, он рассматривал собственные фотографии, будто пытался в них отыскать ответы на тревожащие вопросы.

— Я здесь столько лет снимаю... для меня городок этот, как облупленный. И для маньяка тоже! — прибавил Андрей. — Он к власти рвется!.. понимаешь? В маленьком городке, как и в маленькой стране, слишком сильно искушение властью. Тут она близко, не то что в столицах ваших, — протяни руку и на, бери, пожалуйста. Вот он и берет!

— Какая же это власть? — взбеленилась девушка.

— А разве нет? — холодно возразил фотограф. И начал загибать пальцы на руке: — Весь город — в его лапах. Никто в лицо не видел, никто его не знает, и все боятся... и вот они все где, — он сжал пальцы в кулак. — Здесь стало мрачно и страшно. Люди не высовывают носа на улицу. Они перестали гулять по вечерам, радоваться жизни... они перестали даже фотографироваться! Когда они ненароком забредают ко мне в ателье, у них такие тусклые, анемичные лица! Они боятся собственной тени. И все из-за одного-единственного человека.

Дина наморщила лоб — крыть было нечем; если уж говорить откровенно, ей и самой становилось не по себе на вечерних улицах городка. И все-таки желание возразить во что бы то ни стало взяло вверх.

— Все равно он мерзавец и трус, — не унималась она

(??? ЛЖЕЦ С ФИЗИОНОМИЕЙ СВЯТОШИ ???)

Трус и мерзавец, — продолжала Дина. — Что ж это за мужчина, если он подкарауливает по ночам беззащитных девчонок...

— А почему ты решила, что убийца — мужчина? — мрачно перебил Андрей. Взгляд его затуманился, по лицу прошла судорога. — Лично я видел женщину, — сказал он.

16.
А ЕСЛИ ЭТО ЛЮБОВЬ? (АЛЕКСЕЙ)

Окончательно стемнело, когда Алексей миновал разбитый дощатый мосток через овраг и среди деревьев засветилось окно тещиной спальни

(Надо что-то делать! НАДО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ!!!)

— твердил он про себя, не в состоянии определить, что именно.

Он думал о Дине, пытаясь для себя сформулировать природу своих чувств. Любил ли он ее?

(Пожалуй)

однако слишком многое мешало этой любви. Они встретились поздно; он успел запутаться. Она была юна и беспомощна; он с первой минуты понял, что МОЖЕТ ПОНРАВИТЬСЯ ей. Такое Алексей ощущал сразу; едва поглядев на женщину, он уже наверняка знал, по какому пути станут развиваться отношения; он даже мог предсказать, с какими словами она отдастся ему и что произнесет, выходя из

спальни

(секрет прост: надо ухлестывать только за теми, кому нравишься, и тогда не будет обломов)

не однажды повторял Алексей в разговоре с коллегой Виктором, долговязым гинекологом, который никак не мог устроить свое семейное счастье и ежедневно истязал себя видом женских таинств

(бросай профессию и иди в пекари)

смеялся Алексей. В городской пекарне трудилось немало хорошеньких пампушечек, и парочку из них он походя одарил своей благосклонностью

(правда, одна из пампушечек, по имени Виктория, потом долго донимала его своей пылкой страстью, и Алексею стоило немалых трудов отделаться от ее назойливых ухаживаний)

С Диной все было иначе. Алексей с удивлением почувствовал, что легкомысленный романчик

(на два дня, не больше)

вдруг перерастает в нечто иное. Она глядела на него с робкой застенчивой улыбкой, от которой сжималось сердце. Она ничего не требовала, и лишь опустила глаза, когда он признался ей, что женат.

Однажды поздним вечером, когда они прогуливались по больничному парку, Алексей внезапно поймал себя на мысли, что ему мучительно думать о возвращении назад, в родной городок. Мудрец сказал: если ты не хочешь в эту минуту ничего менять, значит, ты находишься в состоянии счастья. Алексей не хотел ничего менять. Он понял, что тоже любит.

Это было более чем странно. С годами Алексей научился не привязываться к людям.

(Мы встречаемся, чтобы когда-нибудь расстаться)

— не уставал повторять он, и в конце концов действительно следовал этому правилу.

Лишь единожды правило не сработало; он оказался намертво

(прикручен, приклеен, пришпилен)

к человеку, которого

(БОЯЛСЯ, НЕНАВИДЕЛ, ЛЮБИЛ)

больше всего на свете.

В конце концов он даже запретил себе думать на эту тему; Тамара Георгиевна была в его жизни как рок — и все тут.

Она пользовала его? — Ха. Так мог думать кто угодно, но он-то, Алексей, знал правду.

Она его обожала. Она не могла жить без него. Приходя на очередную встречу (приходилось подталкивать себя изо всех сил, если ноги не несли), Алексей видел перед собой бледное, измученное лицо женщины, которой не хватает воздуха; целуя его, она словно оттаивала; на лице появлялся румянец, глаза вспыхивали горячечным огнем, губы наливались кровью.

Алексей гордился, — ТАКОЙ Тамару Георгиевну не видел никто. Только он; и лишь он мог ТАК преображать ее.

Тамара Георгиевна делала вид, что ничего не происходит; она скрывала свои чувства, и это был верный знак того, насколько они глубоки и мучительны.

Когда, насытившись друг другом, они лежали рядом, точно две огромные изможденные рыбы, Алексей вслушивался в себя и удивлялся, насколько же он

(боится, обожает)

эту женщину.

Он восторгался ею; и при этом, едва лишь упоминалось ее имя, душу окутывал почти религиозный страх. Смешно сказать, но и теперь, как когда-то семнадцатилетним мальчишкой, он гордился, какую любовницу заполучил себе во власть, и втайне сожалел, что не может растрезвонить об этом по всему свету.

Он чувствовал себя причащенным к чему-то важному, сильному, всемогущему, и не хотел признавать, отталкивал прочь мысль, что принадлежит Тамаре Георгиевне, как и все прочие. Она сумела бы удержать его в руках, даже если б и не знала порочных тайн

(у Ниночки были прелестные узкие ступни и широкие женские бедра; она тянула на все восемнадцать!)

Алексей подчинялся директрисе обреченно и безоговорочно, хотя и рад был любой возможности изменить ей

(не жене, а именно Тамаре Георгиевне)

и при этом тешил себя мыслью, что таким образом доказывает свое право на

Какими-то неведомыми, сверхъестественными путем она вызнавала об изменах; казалось, она видит его насквозь; и эта вяжущая неопределенность — угадала она или не угадала новый секрет? — не давала избавиться от постоянного нокшего напряжения.

(Правда, однажды Алексей обнаружил один из источников пугавшей осведомленности директрисы школы: выходя из душа, он засек мельнувшее в створке шкафа отражение — она рылась в карманах его пиджака, в бумажнике; Алексей закатил почти детскую истерику, которую, впрочем, Тамара Георгиевна погасила в два счета)

как бы то ни было, ему во всем приходилось считаться с ее волей, ее желаниями, ее прихотями;

с другой стороны, успокаивал себя Алексей, именно он, а не кто-то другой, был у Тамары Георгиевны первой и любимой игрушкой, за которой она следила особенно внимательно и ревностно.

Да-да, ревностно! — он превосходно разбирался в ее интонациях, и теперь отчетливо понимал, что Тамара своим неведомым чутьем отгадала опасность в скромной девочке-практиканте из столичного педагогического вуза. Она смотрела на него невидящими глазами (слепыми глаза, — это означало высшую степень гнева. Тамара Георгиевна ревновала, — она, которая, казалось, навсегда лишила себя права на человеческие слабости!

Это было нечто новое, потрясающее

(ужасное)

это означало, что дела Дины плохи, — гораздо более плохи, чем можно было предположить

(на такое бене предъявленные обвинения в убийстве телеграфистки выглядели трогательным детским лепетом)

Алексей знал, что, ежели Тамара Георгиевна надумает расправиться с тем, в ком увидела врага, места мало не покажется.

Он виноват. Конечно, он виноват. Он задурил ей голову

(Дине)

(Тамаре Георгиевне)

он запутался.

Алексей вдруг ощутил себя таким беспомощным и одиноким, что на глазах против воли показались слезы. Вот он, такой молодой и красивый, такой победительный, — идет теперь под гнетом сваливших несчастий и не знает, как разрубить этот гордиев узел.

(Надо на что-то решиться!)

он понимал это, и именно эта мысль тяготила теперь более всего. Беременная жена. Влюбленная Дина. Тамара Георгиевна, точимая изнутри угрюмой страстью. Их трое — а он один, и что прикажете делать в такой ситуации?!

В конце концов, у каждого в жизни случались ошибки, и не укладывался же из-за этого на плаху!

(Все должно успокоиться само собой)

нашептывал на ухо успокаивающий голос

(все успокоится)

(???А КТО ПОДНЯЛ ЭТУ БУЧУ!!!)

Разумеется, все началось с появления Дины. Ей не надо было приезжать. Это был недопустимый поступок.

(Да-да)

обрадовался Алексей. Она, вопреки угозорам, свалилась на его голову, нарушила покой, взбаламутила тихую воду и разбудила доголе дремавшие силы. Она спровоцировала конфликт с директрисой. Она хочет увести его от жены. Куда?

Пожалуй, нехорошо оставлять беременную Зинку ради каких-то абстрактных перспектив; Алексей лихорадочно выискивал оправдания почему НЕ МОЖЕТ сорваться с места и покинуть городишко, — но ничего путного, кроме пузатой жены, на ум не шло

(РАЗВЕ ЭТОГО МАЛО?)

(я все объясню, и она поймет)

— обрадовался Алексей, и тотчас ощутил волну облегчения. Дина поймет и уедет

(!!!должна... она ОБЯЗАНА БУДЕТ УЕХАТЬ!!!)

(когда буча успокоится, можно не спеша разобраться с делами, разгрызть все узлы и со спокойной совестью менять свою жизнь)

Шаг Алексея стал бодр и весел; Алексей вновь ощутил, что способен с легкостью устранять любые препятствия, — как и должно настоящему мужчине.

Насвистывая под нос, он отворял калитку, когда вдруг справа, среди ветвей, мелькнуло светлое пятно; он удивленно обернулся. Из темноты приближалась знакомая фигурка в клетчатом платье.

Алексей даже крякнул с досады. Это было слишком неосторожно и предательски по отношению к нему, — являться сюда в столь неурочный час. Он ведь просил повременить со свиданиями: соседи и теща начеку, не хватало еще и с ними объясняться, как с Тамарой!

— Дина! — сдавленно проговорил Алексей, — ты с ума сошла! Что ты тут делаешь, а? Мало мне из-за тебя досталось, так ты хочешь...

Он не договорил. Он услыхал тяжелый звяк металлической цепи и следом — глухой удар в грудь; охнув, он повалился на землю. Он видел мелькающий перед глазами клетчатый подол и ноги в туфлях-лодочках; его били цепью, но он не чувствовал боли, а одно только всевозрастающее изумление.

... А сосед Семен Семенович чувствовал прилив сил и хорошего настроения.

Еще десять минут назад он маялся у окна в тоске и раздражении; как скучно жить, когда вокруг ничего не происходит, и вдруг удача улыбнулась ему.

Он увидал соседа, бредущего к дому

(не иначе, как с очередной свиданки; что там у этого кобеля в штаны напихано, если полгорода, все бабское население, по нему сохнет?!)

сосед что-то бормотал себе под нос

(как жалко, что на расстоянии не расслышишь)

и тут, откуда ни возьмись, — будто из-под земли — появилась девчоночья фигурка в клетчатом платье

(жиличка старухи Марьи Павловны?)

и Семен Семенович уже приготовился стать свидетелем страстных объятий, как вдруг

(?жиличка?)

замахнулась чем-то гибким и, должно быть, тяжелым и давай охаживать главного городского ухажера!

— Ух, ты! — покрикивал Семен Семенович, так и подпрыгивая от восторга, — эх, ты! Так его, милая!

Он хохотал и потирал мокрые ладошки, и чувствовал себя зрителем в первом ряду — ЕДИНСТВЕННЫМ И САМЫМ ГЛАВНЫМ ЗРИТЕЛЕМ!

Тем временем городской ухажер, скрючившись, свалился наземь и девушка, помолотив его еще маленько, отшвырнула в бурьян орудие нападения и бегом направилась в сторону овражка. Семен Семенович провожал ее взглядом.

17.
ЧП В ПРИСУТСТВИИ СЕДЬМОГО "а"

Тамара Георгиевна была права: этот седьмой "А" оказался крепким орешком. Не успела Дина в день знакомства войти в класс, как град вопросов захлестнул ее с головой.

— Вы замужем? — требовательно вопрошала конопатая девчонка со второй парты.

— А сколько вам лет? — ехидно интересовался очкарик справа.

— Когда будет практическая работа по размножению человека? — бузотерила галерка.

Сквозь полуоткрытую дверь, не замечаемая учениками, за происходящим наблюдала директор. Дина видела тонкую улыбку на ее губах. Ну, так как насчет любви и уважения? — словно говорил этот взгляд.

Шум нарастал, как снежная лавина, и Дина отчетливо понимала, что сдает позицию за позицией, не успев еще произнести ни слова.

— Пацаны, да она ж немая! — веселился вихрастый подросток, с издевкой тыча в нее пальцем. — Эй, ты, — язык проглотила, что ли? Ты за что телеграфистку утопила?..

ХРЯСЬ!!!

— учительская указка разлетелась в щепы от удара о стол. Наверное, если бы молоденькая практикантка тут же, у доски, превратилась в рыкающего тигра, седьмой "А" не удивился бы больше.

Гробовая тишина зависла в классе.

— СЕСТЬ!!! По местам, быстро. — Дина обвела гневными глазами школяров, и

те, втянув головы в плечи, семенящим виноватым шагом потянулись к местам. — МЕНЯ. ЗОВУТ. ДИНА. ВЛАДИМИРОВНА. ВСЕМ ЯСНО? В таком случае, начнем урок, — в более мягкой интонации прибавила она.

Бросив невольный взгляд за дверь, она скорее угадала, чем увидела удовлетворенную усмешку. Тамара Георгиевна кивнула и неспеша пошла прочь. Нечто сообщническое сквозило в этом кивке.

Бой с классом был выигран; ее признали, потому что почувствовали силу. Однако, открывая для переклички школьный журнал, Дина с тоской думала, что в главном — в споре с Тамарой Георгиевной — она потерпела полное и сокрушительное поражение.

(Вопрос власти есть вопрос подчинения)

на другой день, и на третий, и во все последующие дни седьмой "А" встречал Дину стоя, как и полагалось. Доска была начисто протерта. Никто больше не интересовался возрастом учительницы и не позволял себе провокационных вопросов. Однако это не радовало Дину.

(Любовь и уважение можно заслужить иначе)

(??? МОЖНО ???)

Теперь она вовсе не была уверена в казавшейся незыблемой истине.

С утра Дина прочла нотацию троим опоздавшим на занятия и огласила оценки за самостоятельную работу. Затем вихрастый подросток отвечал домашнее задание; остальные прятали глаза в надежде, что до них очередь не дойдет. Дина незаметно разглядывала мятые со сна лица учеников; они, как один, подчинялись ей, признавая ее власть и силу, — однако о взаимопонимании и (уж тем более) любви не могло быть и речи.

Внезапно дверь рванули так, словно пытались сорвать с петель. Дина удивленно вскинула голову.

На пороге стоял Алексей.

— Боже мой! — не смогла сдержать восклицания она.

Землисто-серый, с затекшим глазом и иссиня-багровыми кровоподтеками на лице, он был едва узнаваем. Он трясся от ярости.

— Любуешься делом рук своих? — заорал он.

Седьмой "А" открыл рты, предчувствуя заварушку.

— Вы к кому? — растерянно пролепетала Дина. — У нас урок...

Он схватил ее за руку и без лишних объяснений затолкнул в подсобку.

— Алешенька... что с тобой?

— Значит, так теперь выясняем отношения? — рычал он. — Цепью?!..

— Что случилось?!

Он захохотал, скрежеща зубами.

— Где ты была вечером?

— Тебя искала.

— Караулила у калитки?!

— У какой калитки... что случилось, Алеша?

Тяжело дыша, он уставился на нее, пытаясь понять: притворяется — или вправду в неведении. Он вдруг впервые подумал, что фигура в клетчатом платье — это не обязательно Дина.

— Так, значит, это была не ты? — прошептал он, и вдруг почувствовал, как от былой ярости не осталось и следа, а в ногах появилась предательская слабость и руки задрожали. — Господи, это была не ты!.. — Он пугливо оглянулся, будто боялся быть застуканным на месте преступления.

— Алешенька, я на работе... у меня урок, — пробормотала Дина. — Иди домой... мы после поговорим.

— Не будет никакого "после"!!! — отчаянно завопил Алексей. — Быстро собирай вещи и уматывай отсюда.

Она оторопела:

— Я... я не понимаю.

— Моли Бога, чтобы тебе дали спокойно уехать! — похоже, у него началась форменная истерика. — Разве ты не видишь, что она подставляет тебя... пихает за решетку!..

— Успокойся, — Дина попыталась остановить любовника холодной интонацией, но тот уже ничего не слышал.

— Это страшный человек... ЧУДОВИЩЕ!!! — кричал он; на губах выступила пена. — Она здесь всех под себя подмяла; сожрет и тебя, не поперхнется. Уезжай, я тебя прошу! — он ухватил Дину за локоть так, будто сию минуту собрался силой волочь к пристани.

— Уходи.

— Зиночка!.. — взмолился он, падая ей на грудь.

Она отпрянула, будто ошпаренная.

— Меня Диной зовут, — стараясь не выдать боли, пронзившей ее от невольно произнесенного Алексеем короткого имени, с достоинством произнесла она.

Он сник, как-то сразу потускнел и жалким тоном простонал:

— Она же не пощадит...

— Охо! — раздался за спиной вкрадчивый голосок. — Недурно. Парти дэ плезир.

Вздрогнув, Дина обернулась.

С порога подсобки, внимательно глядя сквозь очковые линзы, ей медоточиво улыбался школьный секретарь.

— Пш-шел вон, тварь, — сквозь зубы процедил Алексей.

Андрон поправил очки и поверх стекол посмотрел на Дину, и во взгляде его читался укор оскорбленного достоинства.

— Здесь, между прочим, школа, Дина Владимировна, — произнес он с назидательной директорской интонацией, — школа, а не ДОМ СВИДАНИЙ.

В следующее мгновение он дернулся, получив размашистый удар по лицу. И еще один. И еще.

Бил Алексей. На директорском подручном он вымещал теперь весь свой гнев, всю ненависть, которую не мог высказать самой Тамаре Георгиевне.

С каждым новым ударом Андрон отступал в коридор; очки упали на пол, но секретарь даже не совершил попытки поднять их, и они хрустнули под тяжелыми каблуками нападавшего.

— Гнида! — яростно приговаривал Алексей, потчуя противника, — холуй!.. шпион!

Седьмой “А”, затаив дыхание от восторга, следил за ходом поединка. Неслыханное дело: красавец-доктор, предмет воздыханий всего женского населения городка, что есть мочи лупцевал школьного секретаря — правую руку самой Тамары Георгиевны!

Наконец Андрон оступился, и, беспомощно взмахнув тряпичными ручками и выронив папку, грянулся оземь.

— Алеша! — только и успела крикнуть Дина, как новое, будто из-под земли выросшее действующее лицо влепило победителю схватки мощную, наотмашь, пощечину.

От неожиданности Алексей застыл на полдвижении.

Напротив стояла — пунцовая от гнева — директор школы.

— А, Тамара Георгиевна! — приветствовал ее Алексей, хмелея от собственной смелости и безрассудства, — здрасте, моя бабушка!

Она ничего не ответила, лишь смерила уничтожающим взглядом, — и перевела глаза на Дину.

— Ш-ш-што вы себе позволяете?! — прошипела она. — Да я тебя... — голос директора от низких шипящих вдруг взмыл на недосягаемые высоты. — Вылетишь, к черту, из института, паршивка!

— Здесь дети, Тамара Георгиевна, — стараясь сохранить достоинство, напомнила Дина.

Директор обернулась, словно теперь обнаружила обалдевших от необыкновенного представления школяров. Под ее тяжелым взглядом седьмой “А”, как по команде, встал.

— Займи их, Андрон, — мрачно приказала Тамара Георгиевна. — А вы... — обратилась она к Дине, — ты можешь считать себя свободной.

Дина встала на пути Андрона.

— Не имеете права, — выпалила она, — не вы меня сюда направляли!..

— МОЛЧАТЬ! — как хлыстом стеганула Тамара Георгиевна; уже в следующее мгновение она вполне смогла овладеть собой и хищно прищурилась, будто до мельчайших деталей хотела запомнить лицо столичной практикантки.

— Боюсь, вы неверно представляете, от кого зависите, — небрежно сказала она, и, переведя ледяной взгляд на Алексея, прибавила: — А посторонних попрошу немедленно покинуть территорию школы. НЕ-МЕД-ЛЕН-НО!!!

18.

ПЭРЭАТ МУНДУС ЭТ ФИАТ ЮСТИЦИА

На рынке у пристани царило оживление. Только что причалил теплоход,

доверху груженый туристами; и приободренные торговки выстроились во фронт, держа наготове свой пестрый товар.

Марье Павловне повезло: она успела занять место у самых мостков, и сходящие на берег первым делом натыкались именно на нее и ее цветастые шали.

— Ну? — приговаривала Марья Павловна, поигрывая в руках длинной кистевой махрой шалей, — а?

Туристы нехотя щупали ткань, прицениваясь, но раскошеливаться не торопились.

— Э-эх! — осуждающе восклицала Марья Павловна, когда очередной потенциальный покупатель, так и не решившись, отходил в сторону.

Она уже потеряла было надежду удачно распродать свой товар, когда сухонький старикан в цветных трусах, разрисованных пальмами и ядовито-оранжевыми желтками солнц

(стыдоба да и только, успела подумать Марья Павловна)

всерьез заинтересовался расписанным огромными розами платком.

— Берите, не пожалеете, — сказала Марья Павловна и, сгорая от желания хоть как-то заинтересовать старикана, ни с того ни с сего прибавила фразу, некогда слышанную от проезжей цыганки: — Жена, как королева, будет!

Старикан с сомнением покачал головой, но рука его потянулась к заветному месту, где, надо полагать, и был спрятан кошелек.

Марья Павловна испытала короткий, но приятный и волнительный момент головокружения. Сегодня, выходит, не придется возвращаться домой ни с чем.

— Хороший платочек, — услыхала она за спиной знакомый голосок.

Марья Павловна обернулась.

Завуч Екатерина Григорьевна глядела на нее своими немигающими ласковыми глазками.

— Слыхала, что зять твой в школе учудил? — без паузы проговорила Екатерина Григорьевна. — Секретаря избил, с Тамарой насмерть разругался. Гляди, поссорит он тебя с ней!

— Как разругался? — Марья Павловна еще не успела до конца осознать и поверить в услышанное. — Как разругался, зачем?

— А у него и спроси, — небрежно пожимая плечиком, ответствовала завуч. Удовлетворенная изменившимся выражением лица собеседницы, она развернулась и неспешно пошла прочь, и уже на ходу обронила: — Но Тамара-то просто в ярости! Гляди, поссорит он тебя с ней. Факт, поссорит!

— Так за сколько сговоримся? — некстати поинтересовался старикан в разноцветных трусах, шелестя денежными купюрами. Но этот шелест, всегда ласкавший слух Марьи Павловны, на сей раз не произвел на нее никакого впечатления.

Она поглядела на покупателя непонимающим взглядом, а затем вырвала из его рук платок и, подхватив сумки, помчалась с базарной площади.

Покупатель растерянно глядел ей вслед.

Задыхаясь, Марья Павловна неслась по улочкам городка, плохо соображая, что делает и зачем. Она умудрилась едва не попасть под колеса небольшого грузовичка, выруливавшего из-за поворота, — просто-таки чуть не впрыгнула под колеса и даже не испугалась этому.

— Эй, мать, ты, чего, дура? — орал ей вдогонку рассвирепевший водитель. — Совсем сказилась, что ли?

Но Марья Павловна не слышала его.

Она вылетела на опустевший после занятий школьный плац, роняя на ходу платки и сумки. Вокруг не было ни души. Путь лежал к неприметной дверце в цокольном этаже, через которую Марья Павловна всегда кратчайшей дорогой пробиралась к директорскому кабинету. Ужас несчастной женщины достиг крещендо, когда она обнаружила, что всегда готовая к приему “особых гостей” дверца на этот раз оказалась заперта.

Растерянная и очумелая, Марья Павловна прыгала у стен школы, пытаясь высмотреть окно директорского кабинета. Полуденное солнце отсвечивало в стеклах, слепя ее и лишая способности соображать, и Марья Павловна потеряла было надежду, когда шевельнувшаяся на одном из окон занавеска подсказала ей, что Тамара Георгиевна здесь и наблюдает за нею.

— Тамарочка Георгиевна! — завопила приободренная Марья Павловна и метнулась к парадному входу.

Промчавшись по гулким школьным коридорам, она ткнулась в дверь приемной. Увы — и эта дверь была заперта.

Марья Павловна поступилась. И еще. И еще. Никакого ответа.

— Тамара Георгиевна, — тихонечко позвала она. — Тамарочка Георгиевна, откройте мне. Это я... это я, Каша!

Тишина. Из-за двери не доносилось ни единого шороха.

Леденящий ужас сковал Марью Павловну. Она вдруг отчетливо осознала, что Тамара Георгиевна НЕ ХОЧЕТ отворять... ОНА НЕ ЖЕЛАЕТ ВИДЕТЬ СВОЕГО *ВЕРНОГО И ПРЕДАННОГО* ДРУГА!

Слезы сами собой брызнули из глаз женщины.

— Тамарочка Георгиевна, — заколотилась в дверь она на последней отчаянной надежде, — вы слышите меня? Я не виновата, честное слово! Это он сам!.. Я ж этого мерзавца... что хотите, с ним сделаю! Тамарочка Георгиевна, откройте мне... пожалуйста! — обессиленная, она сползла вниз по двери; ноги отказывались держать ее, и Марья Павловна рыдала, что вот-вот лишится чувств. Рыдания душили ее. — Вы ж для нас — как свет в окошке! — стонала она. — Мы ж за вас — в огонь и в воду!.. Милая, дорогая, ОТКРОЙТЕ МНЕ!

Но дверь директорской приемной осталась закрыта.

Полчаса спустя Марья Павловна, минуя мосток через овраг, доковыляла до родной калитки.

Сзывал, злой затем в школе отличился! — приветствовал ее со своей веранды ухмыляющийся Семен Семенович.

Марья Павловна только зло отмахнулась в ответ.

Она бросилась на кушетку, охая и стеная; Зина принесла мокрое полотенце и положила матери на лоб.

— Меня никто не спрашивал? — тоскливым голосом интересовалась Марья Павловна. — О, Господи, я ж говорила, загонит он меня в гроб, муженек твой. О, Господи! И меня жизнь начался!

Она так выла и причитала, что в конце концов у нее и вправду разболелась голова. Она всхлебывалась при каждом шорохе, при каждом стуке калитки. Она ждала гостя — и наконец гость явился.

Правда, вместо Тамары Георгиевны на пороге жилища возник школьный сверстарь, но это, если подумать, было даже лучше.

Стоило перед директрисой по столбам "смарко" было мукой мученической, Марья Павловна знала это по собственному опыту

("Как вам нравится, столько лет завхозом отгарабанить!" — не раз язвительно она во время бабьих посиделок, исполненная гордости от близкого знакомства с самой Т.Г.).

С другой стороны, появление секретаря вместо директории было дурным знаком: выходит, Тамара Георгиевна в обиде... ***в очень серьезной обиде***, коль прислала вместо себя опасного прихлебателя.

— Ой, уже знаю, уже все знаю, — испуганно бормотала Марья Павловна, заводя редкостного гостя в гостиную. — Какой негодяй, вы подумайте!..

— Тамара Георгиевна хотела навестить вас лично, — со значением сообщил Андрон, напугав хозяйку еще пуще прежнего, — но у нее важные дела. Она велела вам кланяться.

Для Марьи Павловны "велела кланяться" Марья Павловна и вправду едва не отвесила поклон, но вовремя спохватилась и закрыла рот.

— Зин, поставь чайник! Чаечку будете? — хлопотала она, расправляя скатерть под абажуром и подсовывая секретарю стул.

— Благодарствуйте. С удовольствием.

— Вам с вареньем или с медком? — кокетливо поинтересовалась Зина, выставляя перед гостем свой округлый живот.

Андрон благожелательно улыбнулся и ответил:

— С вареньем. И с медком. Зиночка, — решил сделать комплимент он, — как вы похорошели! Рыжие кудри к лицу, это ж надо, а!

Зина зарделась и обиженно надула губки. Упоминание о цвете волос сразу резко испортило ей настроение.

— Смейтесь-смейтесь, — сказала она. И похвасталась: — А я зато знаю, кто убил Ленку-телеграфистку и остальных.

— Молчи, дура! — незлобно отмахнулась от нее, как от мухи, Марья Павловна. — Шибко он вас, Андрон Анатольич?

— Вы про это? — усмехнулся секретарь, снимая очки, и Марья Павловна ахнула: под самым у Андрона красовался огромных размеров испанг-фиолетовый фингал. Андрон внимательно наблюдал за реакцией хозяйки, а затем успокаивающе произнес:

— Что вы! Да разве стал бы я вас тревожить по столь ничтожному поводу!.. — Он сделал скорбную паузу. — Меня привело ДРУГОЕ.

— Да вы угощайтесь, — засуетилась Марья Павловна, — угощайтесь, чем Бог послал.

— Сначала — о деле, — произнес Андрон, и хозяйке едва не сделалось дурно.

Тон школьного секретаря не предвещал ничего хорошего.

Захлопав глазами, Марья Павловна взглянула на Зину, приготовившуюся слушать, и распорядилась:

— Ну-ка, пойди погляди, белье на улице просохло?

Зина поняла, что ее просто-напросто выгоняют вон, чтобы не посвящать в важный разговор. Она надулась пуще прежнего.

— Ну и ладно, — сказала она, зная, что препирательства бесполезны и все равно ее выставят из гостиной. — А я все равно все знаю, — прибавила Зина, направляясь к выходу с независимо вскинутой головой. — У меня и доказательство есть, кто убийца. Наверно, завтра в милицию пойду...

Ей было досмерти обидно, что ни школьный секретарь, ни родная мамаша не придали ее словам ровным счетом никакого значения. Можно сказать, они едва не высмеяли ее, как какую-нибудь девчонку-первоклассницу!

Это было несправедливо. У Зины дрожали губы, но она крепилась, чтобы не заплакать.

Она выплыла во двор, бережно неся перед собой свой огромный живот, и увидала на веранде соседского дома Семена Семеновича в окружении кошачьей орды. Семен Семенович покачивался в кресле-качалке, нежа на руках огромного полосатого кота и, казалось, ему ни до чего не было дела.

— Семен Семенович! — окликнула его приободренная Зина; она-то знала, что сосед непременно должен заинтересоваться ее потрясающим сообщением, — Семен Семенович, а я знаю, кто Ленку с телеграфа задушил... и остальных тоже!

Семен Семенович вздрогнул, обернулся и долгим взглядом поглядел на беременную, а потом презрительно хмыкнул, поднялся с места и ушел в дом.

Это было ударом ниже пояса.

Даже старый сосед — и тот ее проигнорировал!

— Ну и ладно! — сказала Зина и заплакала от обиды.

Тем временем Андрон распахнул перед трепещущей Марьей Павловной свою потрепанную папочку.

— Тамара Георгиевна велела вам кое-что передать, — со значением сообщил он.

— Ч-что это? — проблеяла хозяйка, глядя на серенький, стершийся на сгибах конверт.

Гость снисходительно усмехнулся.

— Переат мундус эт фиат юстициа, — раздельно произнес он и

(для дураков)

перевел:

— Правосудие должно совершиться, хотя бы погиб мир!..

19.
ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

Оставшись, наконец, наедине с собою, Дина вынуждена была признать, что дело окончательно приняло скверный оборот.

К вечеру, когда она отправилась в соседний продуктовый магазинчик, встречные прохожие останавливались и недобро глядели вслед; Дина спиной ощущала эти тяжелые настороженные взгляды.

Едва она отворила двери, продавщица от растерянности и замешательства выронила из рук развесочный ковшик, и по полу бодро запрыгал сушеный горох.

(БОЖЕ МОЙ, ЭТО ОНА!..)

— было написано на простодушном раскрасневшемся лице продавщицы,

(— КАКОЙ УЖАС!)

Короткая очередь, состоявшая из нескольких старух, мрачно безмолвствовала. Так ничего и не купив, Дина поспешила ретироваться восвояси.

(КОМУ ТОЛЬКО НУЖНА ТАКАЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ!..)

— вновь стучали в висках слова Тамары Георгиевны. С директором школы отношения полностью разладились, это ясно. Ах, каким ледяным презрением окатила Дину Тамара Георгиевна, когда — уже к концу школьного дня — они столкнулись на ступенях парадного крыльца. Теперешняя враждебность патронессы

носила странное свойство: не так, ой, не так начальники смотрят на проштрафившихся подчиненных; казалось, причина перемены кроется в ином, внепрофессиональном, — однако, ежели предположение верно, в чем именно, беспрестанно задавала себе вопрос Дина и не находила ответа.

Ладно, Тамара Георгиевна!.. — даже сегодняшнее поведение Алексея представлялось алогичным и необъяснимым. Истерический демарш, упреки, бессвязные обвинения, драка с Андроном и ссора с директоршей — зачем?.. почему?

Заваривая чай в граненом стакане, Дина размышляла о том, как же все-таки мало знает своего избранника. Она помнила его великодушным, щедрым, трепетным — а теперь со смутной неприязнью обнаруживала в нем совершенно иные качества

(ЛЮБИТЕ МЕНЯ, КАК САМ СЕБЯ ЛЮБЛЮ, — и не требуйте большего)

в ее чувства закрадывался новый оттенок, и Дина втайне пугалась его: это был оттенок разочарования.

Вдруг она нахмурилась и отбросила в сторону приготовленную ложечку.

Алексей... он говорил что-то важное... заставившее Дину вздрогнуть и сказать себе: постой-постой, это надо запомнить... надо обдумать и разъяснить! — но что именно?!

Задумчиво опустившись на кровать, Дина попыталась восстановить ход разговора, но в памяти отчего-то всплывали не слова, а хищно и испуганно заострившиеся черты лица Алексея и его бегающий взгляд. И еще — цепкие пальцы, впившиеся в плечи и поминутно встряхивавшие ее. Такие сильные пальцы... — неужели они смыкались на шее несчастных жертв?!

НЕТ! Алексей не может быть убийцей. Он чувственен и по-детски слаб; он не способен отнять чужую жизнь. Умозаключения фотографа Андрея, выслушанные Диной накануне, отбрасывали на Алексея черную тень, но и они были не в состоянии разрушить тот образ, который сложился в сердце девушки.

(Он слаб и он любит)

(УБИЙСТВО ИЗ-ЗА ЛЮБВИ)

Зачем ему, такому красивому и всепобедительному, расправляться с беззащитными жертвами, если (Дина была уверена) каждая из них готова была пойти за ним на край света, стоило только поманить пальцем!..

— !!! ВОТ !!! —

Дина вскочила с кровати и прошлась по пустой комнате из угла в угол.

("Так, выходит, это была не ты?! ЭТО БЫЛА НЕ ТЫ!!!)

Кого-то Алексей принял за нее, Дину, — того, кто, надо думать, и разукрасил физиономию доктора, подбив глаз и разворотив скулу. Алексей был уверен, что видел Дину. Как же могло случиться, что он так легко обманулся?

Дина до боли закусила губу. Итак, как ни крути, получается, что в городке вновь объявился некто, схожий с нею КАК ДВЕ КАПЛИ ВОДЫ... — человек, чье изображение Дина видела в кабинете следователя на фотографии... неуловимый призрак, убийца, обманом воспользовавшийся ее одеждой, внешностью... ее лицом, наконец!

("Я ВИДЕЛ ЖЕНЩИНУ!")

— сказал фотограф Андрей.

(!!! ЖЕНЩИНА !!!)

— Кто здесь? — охрипшим голосом выпалила Дина, и неприятный холодок пробежал по спине вдоль позвоночника.

Повсюду было тихо: занятия в школе давно окончились, и вот уже три часа как сторож, гремя ключами, запер входные двери. За окном была ночь. Дина знала, что осталась одна во всем здании, — но она явственно различила шум!

Несколько долгих мгновений она вслушивалась в тишину и уже пришла было к успокаивающему выводу, что обманулась, когда шорох повторился — а затем раздался робкий стук.

Под окном, в полутьме, виднелась невысокая округлая фигура. Дина не сразу опознала ее, и, опознав, ощутила нечто вроде оторопи и растерянности — этих чувств она не испытывала уже много лет.

Человек под окном сделал робкий знак рукой, — будто просил впустить.

Дина кивнула и жестом показала, что идет отпирать парадные двери.

20.
СЧАСТЬЕ РЫЖЕЙ

"Дорогой мой, счастье мое, любимый, единственный Алешенька!

Ты уехал — и жизнь оборвалась. Никого не хочу видеть, ничего не хочу слышать, не могу думать, двигаться, существовать. Каждый вечер, расстилая постель, я обнаруживаю, что положила две подушки — для тебя и для меня. А в это время рядом с тобой — чужая женщина!

Какая же это нелепость и мука: понимать, что ежедневно ты возвращаешься с работы к ней, а не ко мне, трогаешь за руку, укладываешься в постель.

Оставь ее. Приезжай! Или — позови, и я примчусь, прилечу сама. Ты ведь знаешь, Алешенька: я смогу, и ничто меня не остановит.

Пишу и смотрю на наши фотографии. Какие мы смешные... какие счастливые, — вдвоем на всем белом свете! Сама себе завидую, ведь, в отличие от тебя, я могу поставить эти снимки на самом видном месте, — и становится не так тоскливо. Высылаю тебе точно такие же, береги их и помни обо мне.

Как пусто, как одиноко и холодно без тебя, мой родной! Я вспоминаю твои руки, твои ласковые и нежные пальцы, и целую каждый из них. Я вспоминаю твои глаза, прижимаюсь к твоей груди, чувствую твое дыхание, таю в твоих руках, и я счастлива, мой Алеша. Этот сон мне снится каждую ночь, но утром все уходит, и я просыпаюсь — одна.

Господи, когда же наконец мы будем вместе наяву?..

Люблю, обнимаю, надеюсь на скорую встречу.

Твоя Дина".

— "Твоя Дина"!.. — взревела Марья Павловна, потрясая скомканным бумажным листком, — ЕГО Дина, как вам нравится!.. А чужая женщина — это ты, дура рыжая! И поделом тебе!

— Ма-ма, — хлюпала носом Зина.

Ошеломленная прочитанным, она никак не могла уместить в голове, что страстное любовное послание адресовано не кому-нибудь далекому и незнакомому, а ее ненаглядному и единственному мужу, ее Алешеньке. Она с тоской вслушивалась в растущее внутри ощущение полнейшей беспомощности.

Как все гадкие утята, — а Зина с рождения была именно гадким утенком, да к тому же, как мама, рыжим (цвет волос почитался в семье за трагически несмываемое тавро), — она жила иллюзиями и упрямо не желала признавать окружающую реальность.

Подростком она обожала индийские мелодрамы, а теперь вот перекинулась на латиноамериканские мыльные сериалы; из них она вынесла, что женам изменяют исключительно нехорошие мужья с грязно-желтыми белками глаз навыкате; а Алешенька был не таким, НЕ ТАКИМ!

Он полюбил ее, когда другие не удостаивали и взглядом; он предложил ей руку и сердце, и она, гадкий утенок, предмет насмешек, впервые почувствовала себя прекрасной птицей.

Это был миг торжества; на время Зина даже перестала стыдиться своей рыжины и веснушек

(правда, ее озадачивало и огорчало скучающе-равнодушное отношение супруга, но, не зная, как объяснить причину, Зина постановила для себя ни-ког-да не думать на неприятную тему)

она вообразила, что наконец-то сбросила невзрачное оперение и почти совершенно уверовала в перемену участи, — но теперь!..

теперь все рушилось, — из-за какого-то жалкого клочка бумаги!

— Алешенька-Алешенька!.. — визжала, подражая дочерним интонациям, пунцовая Марья Павловна. — "Алешенька устал... Алешенька спатки хочет... Алешеньке надо хорошо покушать...". Отправили его в центр на повышение квалификации... в костюмчике новом — чтоб по бабам шлялся!.. А эта, — Марья Павловна совершила выразительный жест, не оставляющий сомнений, что речь идет об авторе послания, — ну, наглая! В дом заявилась, не постеснялась. Может, она и меня придушить хотела, как Ленку-телеграфистку, а? — вдруг осенило хозяйку.

— Ладно, мама, — нюнила Зина.

— Нет, не ладно! Ты мне рот не затыкай. Я ему теперь все скажу, пусть только объявится. Гвоздя в доме не забьет, палец о палец не ударит, интеллигент вшивый!

— МА-МА!!!

— А что — мама? Что — мама?! Весь город над тобой смеется. Ты только почитай, что эта дрянь ему пишет!..

И все началось сначала. Размахивая письмом, Марья Павловна вслух декламировала особенно полюбившиеся выражения, чертыхалась и костяшками

пальцев время от времени стучала по лбу то себе, то дочери, и это означало крайнюю степень негодования и даже ярости.

Стоит ли описывать, какая сцена ожидала Алексея по возвращении домой?.. Марья Павловна голосила, как резаная, зачем-то припомнив и свои тридцать лет стажа, и мизерную пенсию, и грамоту за образцовый труд, и грузчика Федю, который несколько раз приходил к ней, молодой вдове, свататься, но получал от ворот поворот

("... потому что я думала не о себе, а о счастье дочери!")

Зина плакала и просила мать остановиться;

сам же зять делал трагическое лицо и лихорадочно соображал:

во-первых, откуда могло вынырнуть злосчастное письмо, которое, помнится, исчезло из потайного кармана брюк месяца четыре тому назад вкупе с весьма и весьма компрометирующими его фотографиями (прогулка с Диной по парку в обнимку);

во-вторых, как бы поэффектнее завершить наскучившее семейное представление.

В конце концов он выбрал вполне традиционный финал: пошел пятнами, симулируя реакцию несправедливо обиженного и оттого до глубины души уязвленного человека, хлопнул дверью и был таков.

— Мама! — завизжала за его спиной Зина, — я из-за тебя без мужа останусь!

— Вот она, благодарность! — в свою очередь оскорбилась Марья Павловна и в слезах повалилась на стул. В эту минуту ей больше всего на свете хотелось, чтобы непутевая дочь пожалела ее, и вдвоем они поплакали о загубленной материнской доле; однако Зина, напрочь позабыв о святых дочерних обязанностях, схватила письмо и опрометью бросилась следом за супругом

(ВОТ ОНА БЛАГОДАРНОСТЬ!!!)

повторила про себя Марья Павловна и включила телевизор. Начиналась новая серия про Лауренсию, и хозяйке дома вовсе не хотелось пропускать ее из-за каких-то семейных дрязг.

(Идите вы все к такой-то матери)

решила в конце концов Марья Павловна и совершенно успокоилась. Через пять минут она вновь рыдала, что есть мочи, но по совершенно иному и весьма уважительному поводу: коварный дон Хосе Руис опять обманул доверчивую Лауренсию и отправился на загородное катание с мерзавкой Адольсиной. Лауренсия исплакала все глаза, глядючи в окошко на пустынную дорогу, и Марья Павловна плакала вместе с ней, и было ей хорошо.

21.
СОПЕРНИЦЫ

Зина обшарила всю округу и даже решилась заглянуть в больницу, куда, повинуясь строгому наказу супруга, не наведывалась со дня свадьбы

(крашеная под дерево медсестра, поджав губки, смерила ее недружелюбным взглядом)

увы, Алешенька как сквозь землю провалился.

Растерянная и несчастная, Зина опустилась на скамейку под тусклым больничным лампионом и, расправив на коленях, принялась еще раз перечитывать чужое любовное письмо.

(Я бы так не смогла написать!)

с тоской и завистью подумала она.

Внезапная волна решимости нахлынула на нее; оттолкнувшись от скамьи руками, Зина бережно подняла свое полное тело и направилась к школе.

Сейчас, кажется, она уже жалела, что пришла, — говорить оказалось не о чем. В индийском кино и латиноамериканском сериале про Лауренсию все происходило гораздо интереснее.

Соперницы были смущены и старались не глядеть друг на дружку. Дина с преувеличенной сосредоточенностью разливала чай и нарезала хлеб; Зина притулилась на краешке кровати и рассеянно грызла печенье, озираясь по сторонам. Вдруг на глаза ей попался портативный радиоприемничек, гнусавым голосом вещавший о погоде в средней полосе; Зина обрадовалась ему, как старому приятелю, вовремя вызволившему ее из неловкого положения.

— А я его дома ищу-ищу! — воскликнула она, будто приглашая Дину разделить эту радость.

— Это мой, — хмуро отозвалась хозяйка.

— Да? — растерялась Зина, — а он мне такой же подарил на день рождения.

Дина невесело усмехнулась и поставила перед незваной гостьей стакан с чаем.

— Ой, — поморщилась Зина, ухватившись обеими руками за живот, — тошнит опять. Врачи говорят: девочка будет, а я мальчика хочу почему-то. Как думаешь?

— Я тоже — мальчика, — сказала Дина.

У Зины сам собой раскрылся рот, — так, что вывалился на сарафан кусок пережеванного мякиша.

— Нет, — грустно улыбнулась Дина, отвечая на безмолвный вопрос, — не бойся ты: я не беременна. Так, размечталась что-то.

Зина с облегчением расправила плечи и, хлопая рыжими ресницами, произнесла:

— Я тебя понимаю. Он такой! — она мечтательно завела вверх глаза, — его нельзя не любить. На твоем месте я бы еще больше убивалась, если б он со мной так поступил!..

Дина опешила, не веря ушам, а Зина как ни в чем не бывало продолжала:

— Я твое письмо два раза читала, прямо слезы наворачиваются. Как в кино!

— Отдай, — потребовала Дина. Не глядя, она в клочья разорвала протянутый листок и сурово спросила: — А фотографии? В письме фотографии были.

— Не знаю, — растерялась гостья и принялась оправдываться: — Ты не думай, я не спрятала... мне вот только это дали.

Дина не стала переспрашивать: кто дал? зачем дал? В конце концов, теперь это не имело ровным счетом никакого значения. Она обреченно вздохнула.

Зина истолковала вздох по-своему:

— Ты не переживай. Все образуется. Мне тоже когда-то плохо было, еще хуже, чем тебе. Я же рыжая! — отважно прибавила она и внезапно перешла на громкий заговорщицкий шепот: — А тебя оправдают. Только ты пообещай, что больше не будешь писать ему... совсем не будешь! Ладно?

Дина изумленно уставилась на собеседницу.

— Я не поняла: ты предлагаешь сделку? Что значит: оправдают?

— Точно-точно, — закивала Зина, — оправдают. Это ведь не ты убила Ленку-телеграфистку, верно?

— Допустим, — ехидно усмехнулась Дина.

— Я знаю, кто.

(ТА-ТА-ТА-ТАМ!!! — Бетховен, Пятая симфония)

— Ты знаешь, кто убийца?!

— Знаю, — важно подтвердила Зина.

Второй день ее так и распирало от желания раззвонить эту весть по всему свету, однако, как мы уже знаем, ни один слушатель не воспринял Зину всерьез. Даже пышнотелая Райка Шитова, сплетница, каких поискать, — и та отмахнулась, затараторив о чем-то своем. Зина проглотила обиду, в глубине души убежденная, что пробьет час, и она вновь удивит жителей городка, как уже было в случае с ее замужеством.

("Я прощаю им!..")

— вспоминала Зина слова из монолога красивой смуглой героини

(как же назывался этот фильм?)

тайное знание, к которому пришла она извилистым путем умозаключений, подымало ее в собственных глазах и призывало великодушно извинить легкомыслие окружающих.

Практикантка из большого города оказалась первой, на кого слова Зины произвели должное впечатление, — первой из доброго десятка посвященных лиц.

Зина воодушевилась:

— У меня, между прочим, и доказательство есть!

— Доказательство?..

— Доказательство, кто Ленку задушил, — подтвердила Зина и, жалобно покосившись на пузатую банку с вареньем, тоненьким голоском произнесла: — А можно, я варенья попробую?

Дина нетерпеливо кивнула, подвигая ей банку поближе.

— Наверное, завтра в милицию пойду, — сообщила Зина, обстоятельно макая в вязкое варево хлебную корку, — пускай они от тебя отвяжутся!..

Она вновь принялась жевать, испытывая смешанное чувство гордости и умиления: обманутая жена, она теперь покровительствовала и великодушно вызволяла из беды обидчицу-разлучницу.

— Кто же это? Скажи! — взмолилась Дина.

— Пока не могу. Секрет.

— Послушай, — начальник пришлось призвать на помощь все свою выдержку, — это очень, ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО. Опасность угрожает не только мне, но и Алексею.

— Алешеньке? — изумилась Зина с набитым ртом, и Дину неволько передернуло: слишком больно было слышать родное имя в чужих устах, произнесенное с такой любовной интонацией.

— Ты ведь знаешь, — сказала она, — ночью его избили... какая-то женщина...

— Нет. Просто он отшутился и ушел в озяг; он сам мне рассказывал. — Зина смотрела с такой искренней убежденностью, что спорить с ней казалось зрячим делом.

(КАК... ну, как же он мог ЖЕНИТЬСЯ НА ТАКОЙ?!?!?!)

— Хорошо, — кивнула Дина, я не хотела тебя огорчать, но если ты мне не веришь... Дело в том, что выяснилось, — у Алексея имелись кое-какие мотивы для совершения преступлений. Его подозревают в соучастии.

Алешенька — соучастник?! — потрясенно произнесла Зина, выпаравши глаза.

— АЛЕШЕНЬКА — СОУЧАСТНИК?! Да как тебе не стыдно! А еще письма пишешь. Да он же добрый, мухи не обидит! На него наговаривают, а он!.. Ты не знаешь, какой он! Все вы его не знаете. У него сердце золотое. Не смей больше о нем так говорить. Никакой он не соучастник. Если хочешь знать, его вообще там не было. НЕ БЫ-ЛО!!!

— Где?

— На похоронах. А убийца — БЫЛ!

Зина из последних сил крепилась, но не выдержала, махнула рукой и подалась поближе к соперище.

— Ты — городская, не поймешь, — громким шепотом заговорила она, — а у нас... у деревне говорим, я и подслушала. Если приблизится убийца к мертвяку, которого сам убил, то мертвяк обязательно даст знать... ну, раны откроется, кровь потечет или еще что-нибудь. Вот она и улыбнулась!

— Кто?

— Лелка с телеграфа! То лежала-лежала в гробу, как мертвая, а то взяла и улыбнулась. Алешенька говорит, просто нитки на губах порвались, — но он не знает... А я сразу поняла, кто убийца. Он как раз к гробу подошел, близко-близко.

— Да кто же?! — вскричала Дина, увлекшись

(Боже мой! И я всерьез выслушиваю подобную дребедень!..)

Зина сделала значительное лицо и, приблизив губы к уху собеседницы, торжественно произвозгласила:

— Фотограф. Андрей. Из нашей фотографии, ты его не знаешь, — между прочим прибавила она.

Отодвинувшись, она с удовольствием наблюдала за произведенным впечатлением.

Дина не знала, что и сказать.

— А с виду тихий такой, и не подумаешь, — прибавила Зина и смолкла.

— Что? — спросила хозяйка, — что случилось?

Гостья близоруко щурилась, устаявсь за окно.

— Ходит кто-то, — процедила она.

— Кому здесь ходить — ночью?

Они переглянулись, потому что одновременно подумали об одном и том же человеке.

— Нет, — твердо сказала Дина. — Алексея здесь не было.

Теперь обе они ощущали неловкость; они слонно вспоминали каждая о своей незавидной роли и о том, что разведены обстоятельствами по разные стороны барьера: одна — неудачливая любовница, вторая — нелюбимая жена.

— Оставь ты его, — жалостливо попросила Зина, — отпусти. И так надо мной все смеяться будут. И ребеночка задразнят. Я на тебя не обижаюсь... но ведь так тоже не честно!

— А мужиков на себе насильно женить — честно?! — взвилась Дина, но обмолкла; усмехнулась: — Ладно. Бог рассудит. Не надо было мне сюда приезжать. На что надеялась?.. А ты иди домой, слышишь, все — уходи! Это на таких, как ты, женятся, — сказала она с неожиданно бережной интонацией. — А таких, как я.., — она помедлила, — таких, как я, — не забывают.

22.

ОДИНОКИЙ ГОЛОС

Дина заперла за гостьей парадные двери и дождалась, покуда та пересекла темный школьный плац и скрылась за воротами.

Возвратившись усталым шаркающим шагом в свою каморку, Дина упала на кровать и накрыла голову подушкой. Ватная тишина обступила ее со всех сторон

(Кончено... ВСЕ КОНЧЕНО!!!)

если бы эта рыжая утица закатила истерику, била посуду, набросилась с кулаками, Дина бы не задумалась, — она знала, чем ответить на атаку соперницы. Наградой в бою стал бы вожделенный трофей

(скошенные, мягко очерченные скулы... полуразмытая родинка у мочки уха. "Ради тебя — хоть на плаху, хоть к позорному столбу!..")

Но теперь нечто новое и непонятное открылось ей; обманутая жена, жалкое веснушчатое существо, оказалось, любит и страдает ничуть не менее, чем она. Дина была ошеломлена и, чего скрывать, подавлена трогательным и неуклюжим состраданием, проявленным по отношению к ней

— К НЕЙ!!! —

некрасивой и недалекой соперницей, о которой еще накануне Дина думала не иначе как с высокомерной снисходительностью. Однако сейчас она почти физически ощущала растущее внутри чувство приязни и даже уважения; выходит, сердечность и незлобивость временами все-таки способны искупить отсутствие большого ума. Мудрость — не внешняя, не наносная, а истинная, природная, заложенная, как оказалось, в этой девочке на генетическом уровне; мудрость не светская, не заученная-лощеная, а естественная и оттого глубоко нравственная, открылась Дине, и носителем этой мудрости была обманываемая ею жена ее любовника.

Тоскливо и муторно было на душе. Впервые Дина так отчетливо и неумолимо ощутила себя лишней не только в этом городке, но и в жизни тех людей, которые и сами до того казались ей лишними.

Что связывало ее с Алексеем? Прогулки по вечернему парку? Разговоры о любви?.. письма... фотографии — и все?!

А в Зине уже живет и шевелится алексеево продолжение, и именно Зина, а не она, Дина, станет матерью ребенка своего самого любимого человека на земле.

Нет. Думать так невыносимо. Надо отвлечься... все забыть!.. вычеркнуть из памяти.

(СТОП!)

(это важно)

в наивных зининых умозаключениях настораживало и заставляло призадуматься произнесенное ею имя предполагаемого убийцы

(фотограф Андрей)

он так странно, так пристально глядел ей вослед во время самой первой их встречи, в коридоре милиции, — пытался опознать в Дине случайную знакомую из пляжного ресторанчика, как сам утверждал...

или же существовала ИНАЯ ПРИЧИНА?

Все первоначальные обвинения, предъявленные Дине следователем, основывались на злополучной фотографии, невзначай

(? якобы ?)

запечатлевшей убитую и кого-то, схожего с Диной, за несколько минут до совершения убийства. Фотографию сделал ни кто иной как

(!!! АНДРЕЙ !!!)

Однако он не стал демонстрировать в милиции застиранное винное пятно на рубахе, оставленное Дининым двойником, —

ПОЧЕМУ?!

Пожалел незнакомую девушку

(или же дал понять, что при удобном случае может шантажировать?)

Дина заерзала на постели; она чувствовала, как внутри все подсобирается, напружинивается в предвкушении важного открытия. Она приподнялась и уселась поудобнее; наморщив лоб, она устремляла взгляд в пространство перед собой

(фотографии: хроника пребывания Дины в городке; подглядывание и подслушивание)

("Я СЛЕДИЛ ЗА ТОБОЙ")

(А так ли убедительны объяснения, почему Андрей вдруг решился шпионить за незнакомой ему приезжей практиканткой?..)

в разговоре фотограф не раз упоминал о некоем местном дон-жуане

(КОБЕЛИНА С ЛИЦОМ ПРАВЕДНИКА)

(лжец с физиономией святоши)

— и точчас перескакивал на другие темы, будто бредовой или же резиновой к самому имени

(Алексей)

В витрине фотоателье выставлен портрет

(ЛИЦО С ФИЗИОНОМИЕЙ СВЯТОШИ)

совпадений?..

У фотографа имеются веские основания недолюбливать удачливого соперника, — ведь Алексей, по признанию самого Андрея, увел у него любимую девушку

(УШЛЁТКА ИЗ ЛЕВЫХ)

вот вам и обоснование первого преступления

(идейная база. "Любовь, девочка моя, это прежде всего неуемная жажда обладания!")

убийца мог войти во вкус, охмелеть от осознания полной и безграничной власти над перегруженным городком: число жертв стало расти.

В конце концов, и она, Дина, тоже пострадала от действий фотографа: кто разберет, — возможно, при помощи тайных ухищрений он самолично состряпал улучающий ее снимок!..

Дина раздраженно провела ладонью по лицу, будто стряхивала наваждение. У фотографа открытая, располагающая улыбка, — ну а кары за улыбкой скрывается личина зверя?..

Чай давно остыл. Отхлебнув глоток, Дина поморщилась: какая гадость, — вяжущая и безвкусная, как жизнь в этом городишке. Она ощутила острое желание в два счета собраться и — бежать, куда глаза глядят, и навсегда вычеркнуть из памяти маленький провинциальный мирок, изнывающий под спудом безотчетного страха и подозрительности, где каждый подпластан таинственной чужой волей, где безликое посредственности наслаждаются кажущимся всемогуществом, где из-за сладкого куска пирога готовы раздавить помеху, втоптать в грязь чьи-то судьбы.

Приходилось сознаться, что в недобрый момент Дина и сама очутилась во власти этой карающей гипнотической силы: она не увиделась себе самой: теперь, подобно всем жителям городка, она пугливо озиралась по сторонам на улицах и торопилась засесть вечерами, мучилась от ночной темноты, вздрагивала при внезапных шорохах — хотя и стыдилась своего малодушия отчаянно, до краски в лице.

Вот и сейчас: она вздрогнула, не успев еще сообразить, что к чему, и испугалась. Испугалась!

Зина была одна. Под окнами кто-то бродил.

Обмирая, Дина заставила себя приблизиться к прому. На школьном газоне топтался худощавая нахохлившаяся фигура.

— Дина! — негромко позвал знакомый голос, и она закусила губу: не было ничего мучительнее, чем слышать его в эту минуту. — Дина, открой же!

Прижавшись лбом к оконному стеклу, она покачала головой.

— Открой! — настаивал Алексей, похлопывая. — Я видел: она приходила к тебе. Прости меня, а? Я вспелся. Я бросаю ее... как ты хотела.

Дина молчала.

— Ну? — пыльно раздражился он, — открывай же! А то я за себя не ручаюсь. Думаешь, я слабак, да? Хочешь, я дословно эту рыжую кочку в задницу ее, хочешь?!.. Диночка, милая, — жалобно взмолился Алексей, — я замерз, мне холодно... впусти меня!

Она улыбнулась как можно разнодушнее и задернула штору.

(ГОСПОДИ, ПУСТЬ ОН УЙДЕТ! ПУСТЬ ОН УЙДЕТ, ГОСПОДИ! ДАЙ МНЕ СИЛЫ НЕ ОТКРЫТЬ ЕМУ!!!)

раздался звон бьющегося стекла; огромный булыжник, пробив окно, свалился к Дининым ногам. Потом зазвучали удаляющиеся шаркающие шаги и стихли в темноте.

Дотащившись до кровати, она рухнула, как подкошенная. Она не помнила, сколько времени лежала так, как раненая птица, пытаясь прийти в себя. Она не знала, что в эти самые мгновения, когда она дерзала бой со своей отчаянно борющейся за жизнь любовью, цепкие пальцы убийцы уже сомкнулись на горле новой жертвы.

23.

ВЕРХОВНЫЙ СУД ЛИЧА

Утро не принесло облегчения. Дина поднялась со свинцовой головой; казалось, будто внутри черепа кто-то навесил колокольный язык и теперь

раскачивает его что есть мочи.

Она опустила кипятильник в стакан и уныло дожидалась, покуда кверху побегут пузырьки; она уже приготовилась засыпать в воду заварку, когда дверь без стука распахнулась и в комнату влетел красный, запыхавшийся от бега фотограф Андрей.

— Ты здесь? — выпалил он. — Очень хорошо.

— Обычно воспитанные люди не входят без разрешения.., — звенящим учительским голосом начала было Дина, но он не дослушал и направился прямиком к чемодану. — В чем дело? — вспыхнула хозяйка, когда Андрей, швырнув чемодан поверх одеяла, распахнул крышку и принялся рыться во внутренностях. — Ну-ка, убирайся отсюда!

Но он не слушал, — и, кажется, даже не слышал, что она что-то произнесла. Стремительно разбросав вещи, он выхватил из груды белья голубую ленту, которой Дина всегда подвязывала волосы и мрачно приложил к губам.

— Я так и думал, — сказал он.

— Выйди вон!

Он строго и печально поглядел на Дину и произнес:

— Ее нашли в овраге за мостиком. Она задушена точно такой же лентой.

Еще не осознав толком, что произошло, Дина тяжело опустилась на стул, бросив руки меж колен. К горлу подкатил муторный ком; она ощущала: еще мгновение — и ее вытошнит.

— Этого не может быть, — пробормотала она.

Андрей испытующе поглядел на нее:

— Ты даже не спрашиваешь: кто?

Она пожала плечами.

— Зина, — сказала она. Он вздрогнул. Она продолжала: — Она была здесь вчера ночью; вот ее чай...

— Она была здесь.., — эхом повторил фотограф. — Зачем?!.. ЗАЧЕМ ОНА ЗДЕСЬ БЫЛА?!?!

— Приходила выяснять отношения, — бесцветно объяснила Дина и, увидав недоумение на лице Андрея, прибавила: — Ее муж — мой любовник. Бывший, — горько выдохнула она.

— Вот оно что, — усмехнулся фотограф, и взгляд его стал холодным и отстраненным. — Значит, он и тебя в свою коллекцию заполучил.

Она удивленно подняла глаза; по мере того, как смысл слов собеседника доходил до сознания, изнутри подымалась волна хриплого смеха

(экспонат из коллекции. Обманутая любовница. Бабочка, насаженная на булавку)

смех оборвался лишь в то мгновение, когда фотограф крепко встряхнул ее за плечи. У него тоже хватка — будь здоров.

— Говори, — закричал он. — Мне нужна правда. Тебя видели там... на месте убийства!

Ее обожгло, как от удара хлыстом. Бессилие и отупение сменились внезапной яростью; сама мысль о том, что некто — или НЕЧТО! — как змеиную кожу, вновь использовал ее облик, походку и улыбку, все то, что принадлежало ей и только ей одной, привела Дину в бешенство.

— Кто меня видел, где?! — взвилась она дикой кошкой, наступая на Андрея. — Что вы все хотите от меня?! Чертово место... как трясина: попал — и уже не выбраться!.. — она осеклась, потому что смутно припомнила

(пустынная аллея в парке. Искаженное отчаяньем и непритворной мукой лицо Алексея. "ЗДЕСЬ ТВОРИТСЯ НЕОПИСУЕМОЕ. ВСЕ СТРЕНОЖЕНЫ СТРАХОМ. НЕ-НА-ВИ-ЖУ!!!")

она понуро опустила голову.

— Ты должна мне сказать всю правду, — мрачно настаивал фотограф. — Я хочу знать ВСЕ!

— Ты хочешь знать ВСЕ? — болезненно усмехнулась Дина. — От корки до корки? А ты знаешь, что Зина считала тебя виновным в убийстве телеграфистки. Она сама мне об этом вчера рассказала. У нее и доказательство имелось!

— Какое еще доказательство? — опешил Андрей, а Дина продолжала, не давая ему опомниться:

— Может, ты убрал ее как неугодного свидетеля? Может, именно тобой все и подстроено: призраки, фотография, лента?.. что там еще! Господи, — в отчаяньи завопила она, — и откуда ты взялся на мою голову?! Стоит только тебе объявиться, и сразу происходит что-то ужасное, непоправимое!..

Фотограф молча выслушивал ее бессвязные излияния.

— Хватит! — оборвала сама себя Дина. — Концерт окончен. Счастливого пути.

— Концерт только начинается, — успел возразить Андрей, когда, точно в подтверждение его слов, из глубины коридора донесся могучий грохот. Будто весенний ледоход бился в готовую сдаться плотину.

— Что... это? — машинально произнесла Дина; Андрей, не ответит, схватил ее за руку и поволок к черной лестнице.

Школьное крыльцо было запружено людьми; они колотились в двери и окна, и кто-то самый бедовый кричал: "Ломай!". по одному только этому хищному возгласу вряд ли кто-то усомнился бы в серьезности намерений толпы.

Перепрыгивая через несколько ступеней кряду, Андрей на бегу сообщил, что припер входные двери партами, поэтому кое-какое время выиграно. Дина скакала следом, не предпринимая попыток выяснить причину паники; она целиком доверилась мерзкому, сосущему ощущению под ложечкой, и это ощущение, буде оно верно, не предвещало ничего хорошего.

Андрей протащил ее под мохнатыми, в рваных клоках стекловаты отопительными трубами и направился к дальнему углу подвала, к единственной узкой форточке под потолком, впускающей в низкое, душное помещение пыльный столб света. Он приставил к стене гнилой ящик и поддерживал, покуда Дина выбиралась наружу, а затем, подтянувшись на руках, последовал за ней.

Мелкими перебежками они достигли школьной ограды и затаились, переводя дух.

Из-за угла, со стороны фасада, бушевало. Толпа жаждала одного: самолично расправиться с чужачкой, и никто не смог бы теперь ей воспрепятствовать в этом.

Примерно за полчаса до того торопившаяся на ферму пожилая доярка различила в кустах за овражком веселенькое цветное пятно; подобравшись ближе, она увидала подломленную ногу в ярком желтом носочке и полудетской сандалии. А-а-а, замычала доярка и грузно плюхнулась наземь.

Известие о страшной находке всколыхнуло сонную окраину; напяливая рубахи и кофты, жители окрестных домов сбегались к месту происшествия, где, разбросив в стороны руки и вывалив наружу мучнисто-синий язык, лежала мертвая Зина.

Послали за милицией и к Марье Павловне.

Глазастый подросток разглядела на шее жертвы туго стянутую голубую ленту.

— Так то ж от наряда учителки приезжей! — перекрестилась сморщенная старуха.

Не сговариваясь, толпа загудела и направилась к школе.

— Я не убивала! — отчаянно прошептала Дина, скорчившись за школьной изгородью. — НЕ УБИВАЛА!

— Я могу тебе верить? — пытливо заглянув в глаза, спросил Андрей.

— У тебя нет другого выхода, — горько усмехнулась она.

— Надо идти в милицию.

Дина испуганно замотала головой.

— Нет!

— Это единственное спасение, — сказал фотограф.

— Там! — раздалось над плацем, — вон она прячется... ТАМ!!!

— Бежим! — выпалил Андрей и, уже не пригибаясь, они понеслись прочь.

Они не выбирали дороги. Минуя разрытую улочку, они слышали за плечами угрожающий топот. Случайные встречные, расступаясь, недоуменно взглядывали им в лица.

Андрей втолкнул Дину в подворотню; они перемахнули через полуразвалившийся заборчик, лягушачьими прыжками проскакали по свежевзрыхленной грядке и шарахнулись от вылетевшей с визгом навстречу хозяйки.

За поворотом они едва не сбили с ног нетвердо шагавшего пьянчужку; тот, пошатываясь, досадливо сплюнул им вслед.

— Здесь перегорожено! — с ужасом вспомнил Андрей, — тупик.

Лихорадочно озираясь по сторонам, он выискивал, куда укрыться. В конце концов он вспрыгнул на крышу ближайшего сарайчика и протянул Дине руку.

Они прижались к стене старой голубятни. Вокруг курлыкали голуби. Тяжело переводя дух, Андрей взглянул в глаза девушке — и вдруг испугался. Они были так близко, ее глаза. И губы. Он с трудом удержал себя от того, чтобы прижаться к этим пересохшим дрожащим губам своими губами, провести рукой по волосам. И Дина, казалось, поняла его желание, и осторожно отпрянула. Она смотрела на него растерянно и укоризненно.

Внезапно раздался шум, и вокруг, точно из-под земли, стали появляться

головы лезущих на крыши преследователей. Оглядевшись, Андрей вновь схватил Дину за руку и они помчались прочь, перепрыгивая через провалы между сараями. Голубиная стая с криками кружила в небе.

Казалось, спасение было близко, — но внезапно перед Диной вырос крепкий мужик с расставленными в сторону ручищами.

— Попалась, голубушка! — беззубо осклабился он.

Андрей с разбегу ударил его головой в грудь: не удержавшись, мужик кубарем полетел с крыши. Снизу донесся грохот и ругательства.

Теперь оставался единственный путь: спрыгнув с сарая, двинуться по проходящей мимо асфальтированной трассе, прямой, как стрела.

Позади раздался торжествующий многоголосый вопль, и на проезжую часть хлынул людской поток.

Беглецы мчались вперед, ощущая себя открытыми мишенями. Укрыться было некуда. За спиной бесновалась толпа; обыкновенно тихие и донельзя запуганные жители городка теперь воинственно потрясали в руках палками и пытались на бегу попасть в Дину камнем. Вырвавшийся наружу животный страх странным образом объединил их, превратив в могучую неуправляемую силу

(Тамара Георгиевна: "ОБЪЕДИНЯЯ — ВЛАСТВУЙ!"

Дина бросила взгляд на бегущего рядом Андрея, — лицо его посерело и губы сделались неприятно тонкими, почти фиолетовыми; ей вдруг пришло в голову, что он-то, в отличие от нее, вполне представляет себе масштабы опасности; а ей до сей минуты чудилось, что наяву происходит путанный кошмарный сон, который вот-вот прервется и, отворив глаза, она сможет стряхнуть наваждение и ощутить себя в покое и полной безопасности. Однако сон не прерывался.

Дина всегда считала, что в критические моменты жизни сознание человека предельно мобилизуется и он с точностью компьютера выискивает пути спасения; увы, именно теперь в мозгу вертелись какие-то глупости, обрывки ничего не значащих фраз

(банка с вареньем, в которое Зина обмакивала хлебную корку; фотография Алексея с холодными глазами. Физиономия Марьи Павловны; "Значит, подыскивайте новую квартиру. Значит, не ужились")

внезапно она ощутила на себе острый испытующий взгляд и приобернулась.

Слева, параллельно ей, двигался видавший виды "жигуленок"; переднее стекло было приспущено. На Дину глядела Тамара Георгиевна — с искренним интересом и почти уважением... будто зритель, наблюдающий за неравным боем гладиаторов и отдающий должное упорству слабой стороны. Позади непроницаемо поблескивал стеклами очков Андрон.

— Не смотри! — задыхаясь, прокричал Дине Андрей. — Не надо, не смотри!

Тамара Георгиевна подняла стекло, и это был знак, — прибавив ход, "жигуленок" прошел мимо.

— Больше не могу, — прошептала Дина, ноги подкосились и, мокрая, захлебывающаяся от неровного дыхания, она упала на руки Андрея. Тот успел подтащить ее к какой-то запертой двери и прикрыть собой.

Словно сквозь пелену Дина видела искаженные лица и жадно тянущиеся к ней руки; она понимала, что в эту минуту каждый из нападавших готов задушить ее... каждого страх превратил в потенциального убийцу и придал сил, энергии, азарта, а главное — придал ненависти.

То, что происходило теперь на центральной улице городка, уже не было сведением счетов, местью за несчастную Зину. Бушевавшая толпа жаждала уничтожить лично ее, Дину, — за то, что именно с Диной оказался связан в сознании города унижающий, сковывающий разум и тело, всецело подчиняющий страх перед таинственным маньяком-убийцей. Словно бы — растерзав на части, раздавив, как гадину, эту выбранную в новые жертвы девушку — обезумевшая толпа вырвет из груди и собственное постыдное бессилие и трусость.

Дина слышала хриплое рычание; Андрей заслонял ее от наседавшей массы, по его разбитому лицу струилась кровь. Крашеная старуха, обнажив стальную челюсть, с визгом вцепилась ему в волосы и костлявым кулаком метила в голову Дине.

В воздухе просвистела палка и надвое переломилась о плечо фотографа; тот пошатнулся и начал оседать наземь. Это был конец.

В следующее мгновение на глаза Дине упала широкая тень, — и, перекрывая рев толпы, разнесся над площадью знакомый властный голос:

— СТОЯТЬ! НАЗАД, Я СКАЗАЛА!!!

(Указка бьется об учительский стол и разлетается в щепы — ХРЯСЬ!!!)

Нелепое воспоминание-проблеск... бред умирающего сознания?

Все нарушилось, перевернулось, как в калейдоскопе, и возник новый рисунок —

ОНИ ОТСТУПИЛИ! —

Дина еще не осознала, почему; она только почувствовала — безошибочно, как загнанный охотником в нору и видящий холодный и черный, направленный точно в переносицу взгляд двустволки зверь, — что смерть отодвинулась, черный взгляд опущен, и у нее еще возникли несколько мгновений жизни. Быть может, целая минута.

Она жадно хватала ртом воздух.

— НАЗАД! БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРЯЮ! — услышала она откуда-то сверху.

Передние ряды в замешательстве повиновались, — однако в задних, все еще охваченных пылом погони, вскипела волна; над головами взлетел крик, и камень со звоном сшиб фонарь у крыльца. Камень был — как сигнал; и тут же следом обрушился град палок и булыжников.

— КТО????!!! — взревела Тамара Георгиевна, вскинув над собой руку, как флаг, — КТО. ПОСМЕЛ. БРОСИТЬ. В МЕНЯ. КАМЕНЬ???!!!

Крик завис в воздухе и оборвался, как струна. Тишина. Толпа, пряча глаза, молчала, как провинившаяся паства молчит перед взыскующим пастырем.

— На кого руку подняли? — грозно пророкотала директор.

— Там.., — проблеяли из толпы, — там Зинку рыжую убили!

Вновь над толпой пронесся глухой ропот.

Тамара Георгиевна дождалась, покуда он стихнет, и крикнула:

— Верите мне? Я спрашиваю: МНЕ ВЕРИТЕ? Так вот, убийца будет наказан, — но наказан теми, кто имеет право карать! А сейчас: всем разойтись. НЕ-МЕД-ЛЕН-НО!

Под ее суровым взглядом толпа распадалась, расщеплялась на отдельные островки; она вдруг перестала быть могучим единым существом и обратилась в скопище обывателей, досмерти напуганных собственной решимостью и энергией.

Последнее, что успела увидать Дина: двое милиционеров, торопливо протискивавшихся к ней навстречу. Она уронила голову...

24.
“Я ЛЮБЛЮ ЕЕ!”

Обрывки фраз. Осколки разговора.

Следователь, потирая руки:

— Ну-с, теперь все улики налицо.

Тощая жердь с пучком пережженных волос:

— Иду, значить, вдоль овражка, вокруг темно; а она мне навстречу — вот в етом самом платье, в клетчатом. Увидала меня — и шасть в кусты!

Канарейка в клетке:

— Фьюить-фьюить-фьюить!

Тонкая улыбка Тамары Георгиевны.

Алексей (зачем?.. откуда?) — весь в черном.

Фотограф с разбитым лицом.

Дина — чужим голосом:

— Я не убивала.

— Она была у тебя ночью, где-то как-то! — (следователь)

— Я НЕ УБИВАЛА!

— Чем докажешь? Кто тебя видел вчера после ухода потерпевшей?

Алексей. Весь в черном.

(Боже мой, Алешенька!.. не молчи! Только не молчи!)

Алексей. Директриса. Ее мрачный взгляд (“Что такое? Ты был у нее? Тебя арестуют за сообщничество: муж и любовница убирают с дороги беременную жену!”)

Пауза.

(БОЖЕ МОЙ, АЛЕШЕНЬКА! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ МОЛЧИ!)

Пауза.

— Я! Я ее видел.

(??? КТО ЭТО ???)

... Мы были вместе. Всю ночь! —

фотограф Андрей.

(?Что он сказал?!)

Воздетые вверх брови — (директриса)

острый ревнивый взгляд — (школьный секретарь)

обиженная гримаса — (весь в черном)
разинутый рот — (гощая жердь)
пунцовые пятна по лицу — (следователь)
фьюить-ить-ить — (канарейка)
— Что такое? ТЫ УВЕРЕН? — (следователь)
Андрей:
— Всю ночь. Вместе. Она — моя невеста. Я ЛЮБЛЮ ЕЕ.
Вдохнито (Андрон):
— Ах, какой пассаж!
Следователь — Дине:
— Это правда? Да-или-нет, да-или-нет, говори!..
Пустота. Забытье.

* * *

— Это будет самая большая ошибка в вашей жизни. Самая большая.
— Врешь, где-то как-то. Я действую согласно букве закона.
— Реально — ни одной улики! Вы улезли за решетку ни в чем не повинного человека.
— Была — убийца. И точка.
— Вы, что же, всерьез думаете, что она несколько лет терроризировала весь город, ни разу здесь не засветившись?
— Ты сам ее видел в ресторане перед гибелью телеграфистки, где-то как-то!
— Я платье видел, ПЛАТЬЕ! Точно так же, как и ваша идиотская свидетельница.
— Но-но!
— Она просто слепая, у нее на очки денег нет. Оговорила походя славную девушку. Между нами... Ее двоюродный дядя работает в областной прокуратуре в большой должности.
— Чей дядя?
— Ну, не свидетельницы же — Дины. Настоящий двоюродный дядя. Могут быть неприятности.
— Не морочь, понимаешь, голову! Я выполняю свой долг!
— Независимая на решеткой! — заорал Андрей, перегнувшись через стол и приблизив свое лицо к потному и красному лицу следователя. — Как на это в области посмотрят?! А ваше прямое начальство? Подумайте сами: неприятности будут у них!
— Не будет неприятностей! — взвизгнул следователь, оттирая со лба пот трясущейся рукой. — Еще спасибо скажете. Убийца она или нет — а люди успокоятся, где-то как-то, и увидят, что законность восторжествовала!.. Кие напшевать, грубо говоря, чего там с ней будет, с твоей, понимаешь, подружкой. Надо, чтоб здесь было тихо, — он постучал указательным пальцем по столу. — Усек, заступничек?
— Я был — всю ночь! У нее алиби!
— А вот за дачу ложных показаний.., — угрожающе начал следователь, но Андрей упрямо перебил:
— Я был с ней! Где хотите, докажу это! И не давите на меня как на неугодного свидетеля. Я вам не мальчик. Я до Москвы дойду, если что.
Он смолк, бурая взглядом собеседника напротив. Следователь молчал, насупившись. Андрей знал, что он в эту минуту лихорадочно соображал, как выкрутиться из создавшегося положения и при этом сохранить хорошую мину при плохой игре. Доводы фотографа подействовали на следователя — это очевидно (помогло, надо думать, и упоминание о мифическом дяде на областной прокуратуры), однако служитель закона не хотел признавать свое очередное поражение.
— Так как? — осторожно спросил Андрей.
— А никак, — буркнул следователь. — Иди отсюдова. Завтра разберемся.
— Вы должны ее выпустить! — выпалил фотограф. — Вы должны ее выпустить, пока не поздно!!!
— Да выпущу я ее, выпущу!!! Куда денусь!.. И увози ее поскорее, чтобы здесь, понимаешь, на части не растерзали.
— Увезу! Сразу же. Значит, ваше слово...
— Не говорил! Катись отсюдова, пока не передумал!..
Следователь хлопнул ладонью по столу и отвернулся, чтобы не выказать досады. Окрыленный Андрей даже не стал прощаться: осторожно поднявшись из-за

стола, он выскользнул за дверь. А то ведь кто их разберет, этих служителей закона. Возьмет и впрямь передумает. Только этого не хватало!

Шаги фотографа стихли в гулком коридоре. Наморщив лоб, следователь теребил в руках тесемку пухлой папки с материалами дела, и губы его обиженно кривились.

Черт знает что! Все улики против подозреваемой — но опять она уплывает из расставленных сетей. Ох, уж этот фотограф! Влюбленный идиот, который в который раз спутал все карты. Врал? — поди разберись.

Как бы то ни было, в виновность Дины следователю верилось с трудом. Улики — уликами, но тут надобно быть и психологом; а чутье профессионала подсказывало, что девчонку еще раз попытались втянуть в грязную игру. Конечно, легче всего было бы предъявить ей обвинительное заключение и упечь за решетку — не на сутки-другие, как теперь, а на много-много лет; однако где гарантии, что с осуждением Сергеевой Д.В. маньяк-убийца прекратит свою деятельность в городке?..

В том, что маньяк-убийца и Сергеева Д.В. — разные лица, следователь не сомневался ни на секунду. Что вы хотите: чутье профессионала!

Прозвенел телефонный звонок. От неожиданности следователь вздрогнул. Это еще кто — в такую пору?

— Пивоваров слушает!

— Я вот о чем думаю, Петя, — раздался в трубке спокойный женский голос, — а не совершаем ли мы опрометчивый шаг?..

Это была Тамара Георгиевна.

25.

НЕМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

“Завтра! — колотилось в мозгу Андрея, покуда он двигался полутемными городскими улочками в сторону своего фотоателье, — ее выпустят завтра!”

При мысли о том, что Дина скоро вновь очутится на свободе и сможет бежать отсюда, на губах фотографа против воли возникала счастливая улыбка. Он добился!.. он смог.

Андрей был настолько погружен в собственные мысли, что опомнился лишь в тот момент, когда обнаружил, что подошвы гулко застучали по стареньким поскрипывающим доскам.

Он огляделся и сам себе удивился: ноги против желания вынесли его на мост через овражек — то самое место, где утром был обнаружен труп рыжеволосой Зины.

Здесь собиралась тревожно гудящая толпа. Он сам, Андрей, прибежал сюда вместе со всеми и успел отстрелять три фотопленки, снимая недвижно распростертое в зарослях крапивы тело, и общий план места трагедии, и лица зевак. Он видел, как, внезапно смолкнув, расступились люди при появлении матери убитой, и как мать хлопала белесыми ресницами, не понимая, что происходит, и поправляла перекрутившийся желтый носочек на ноге трупа, и как сердобольная старушка, шмыгая носом, говорила ей:

— Ты поплачь, Маша, поплачь... Легче будет! Поплачь, пожалуйста...

Теперь здесь было тихо и покойно. Негромко журчал ручеек. Задумчиво пела ночная цикада. Об утренних событиях свидетельствовал лишь плотно утоптанный бурьян вокруг места убийства.

Невдалеке светились тусклые огоньки чьих-то окон. Недолго думая, Андрей отправился на их призывный свет.

Он еще подымался вверх по крутому склону оврага, когда услыхал знакомое покашливание.

Семен Семенович сидел на веранде, теша на руках огромного дымчатого кота, недружелюбно покосившегося на непрошеного гостя желтым глазом. Вокруг, как обычно, кружили прочие четвероногие питомцы, надеясь получить от хозяина свою долю ласки и злобно мяуча друг на друга. Семен Семенович, впрочем, был само радушие.

— Вечерний моцион? — поинтересовался он, завидя фотографа. — Полезное мероприятие!

— Удобный у вас двор, Семен Семенович, — поприветствовал старика Андрей. — Все окрестности — как на ладони.

— Надо знать, где строиться.

— Семен Семенович, — осторожно начал фотограф, — а не видали ли вы тут

часом...

Он не договорил. Сердито выпрямившись, старик замахал на него сухой ручкой и перебил визгливым голосом:

— Не видел! Ничего не видел. Уже приходили, спрашивали, — прибавил он почти обиженно, — а я старик, мне волноваться нельзя. Возраст, знаете ли. Ночью спал, как убитый. И утром спал. Вот только сейчас и узнал про Зинку-то.

— Так ведь утром здесь целое столпотворение было, — удивился фотограф. — Неужели вы могли пропустить такое?..

— Спал! — рявкнул Семен Семенович. — Не знаю! Ничего не знаю. И тебе того же желаю, — прибавил он доверительно. — Ты, Андрюха, человек молодой, послушай старика, — Семен Семенович огляделся по сторонам, будто желал убедиться, что вокруг нет никого, кто мог бы стать незримым свидетелем разговора. — Я тебе вот что скажу: не вмешивайся! Пусть, кому надо, грызутся, как пауки в банке, делят власть. Наплевать!..

— Но ведь целый город!.. — вновь начал Андрей, и старик вновь перебил его — зло и решительно:

— В городе все в порядке! Перебесятся. Ты, Андрюха, еще многого не понимаешь... мал еще. Все идет, как надо. Лет двадцать назад, промеждупрочим, тоже народ пропадал, человек восемь аж. И что? — побегали, посуетились да и утихомирились. Грузчика за решетку упекли, а он ни при чем был, — жалостливо прибавил Семен Семенович, а затем в голосе вновь зазвучали металлические нотки: — И теперь вот найдут козла отпущения — и успокоются. Тут главное, чтобы тебя не трогали. Каждый хочет жить спокойно. И я хочу. И все. Послушай старика! — он отбросил прочь дымчатого кота и кот, не ожидавший такого обращения, тяжело плюхнулся оземь и сердито мяукнул. — Тогда убийцу не нашли, — мрачно проговорил Семен Семенович, глядя в лицо Андрея немигающими глазами, — и теперь не поймают, попомни мое слово. А знаешь, почему? — старик прокашлялся и негромко произнес: — Потому что он в своей воде. Этот маньяк-психопат кто угодно может быть, потому что он — как часть от целого, а целое... Ты знаешь, что такое целое?

Улыбка растянула тонкие губы старика. И страшно стало Андрею от этой улыбки. Ничего не ответив, он повернулся и пошел прочь. В душе его само собой созрело единственное решение.

... Он включил свет в фотолаборатории и несколько минут стоял без движения, как каменное изваяние. Он смотрел на стену, увешанную фотографиями из жизни городка. Жанровые сценки. Уютные пейзажи. Милые улыбающиеся лица. За каждой картинкой, за каждым лицом теперь чудился Андрею хищный оскал — пострашнее улыбки Ленки-телеграфистки, которая возникла на разодранных до мяса губах.

Словно очнувшись ото сна, Андрей принялся за дело. Он срывал со стены фотографии — одну за другой, одну за другой, — и отправлял их в огромную мусорную корзину. Он рвал их на кусочки — расчетливо и методично, и на лице его не шевельнулся ни единый мускул. Он уничтожал свой труд, работу, занявшую не один год, свое признание в любви маленькому уютному городку, который, как оказалось, рождает на свет монстров.

("Маньяк кто угодно может быть... он — ЧАСТЬ ОТ ЦЕЛОГО!")

— колотилось в мозгу фотографа.

("А целое — ты знаешь, что такое ЦЕЛОЕ?!")

Он знал. На куски рвались изображения площадей, улочек, милых старых двориков. Все, что останется в памяти Андрея, — это яростная ревущая толпа, обезумевший от тупого животного страха городок, наконец, показавший ему настоящее свое лицо.

В конце концов, по большому счету действительно не важно, кто же этот маньяк. Убийцей, фотограф видел сегодня своими глазами, может быть каждый. КАЖДЫЙ ГОТОВ ИМ СТАТЬ!

Андрей извлек с антресолей старую спортивную сумку и принялся запихивать в нее свой нехитрый скарб. Завтра Дину выпустят из милиции. Он уедет вместе с ней. Ему больше нечего делать в этом городке. Все. Точка!

Внезапно сумка выскользнула из рук и грохнулась на пол. Андрей застыл, ошарашено глядя в пространство перед собой и не веря вдруг пришедшей на ум догадке.

("БОЖЕ МОЙ, КАК ЖЕ Я СРАЗУ НЕ ВСПОМНИЛ!!!")

Разбитый в утренней драке фотоаппарат лежал рядышком, на тумбочке. Фотограф схватил кусок черной материи и, обернув ею фотоаппарат, принялся

разряжать кассету с фотопленкой. Пальцы нервно подрагивали и не слушались его. Будто в бреду, он залил раствор проявителя в бачок и затем, подбрасывая в ладони таймер, кружил по помещению, дожидаясь, покуда время истечет и можно будет продолжать процесс проявки. Немного погодя он уже просматривал готовую пленку. Так и есть. Среди кадров с лежащим на земле телом Зины и сгрудившимися вокруг людьми он обнаружил искомое. Спокойно. Все в порядке. Теперь надо напечатать увеличенный фотоснимок и убедиться, что ему это не привиделось.

Движения фотографа вновь стали методичными и размеренными, — он теперь, скорее, был похож на механический робот, нежели на живого человека. Ни один мускул не вздрагивал на его каменном лице.

Он орудовал со своим стареньким оборудованием, занося как можно выше вверх штатив фотоувеличителя, включал-выключал красный фонарь, менял один за другим листы фотобумаги и даже не оборачивался к ванночке с уже проявленными фотографиями. Он как будто оставлял торжественный момент на потом, когда все окончательно станет ясным.

— Вот и все, — сказал он сам себе.

Осторожно ухватив пинцетом край первого снимка, он извлек лист из ванночки и вгляделся в изображение толпы на мосту через овражек. Напряженные лица перешептывающихся зевак... предчувствие, предвкушение большой заварушки. Но не эти лица интересовали сейчас Андрея. На заднем плане, на взгорке, был виден обнесенный забором двор и дом Семена Семеновича.

— Замечательно, — вслух прокомментировал Андрей.

Он извлек из ванночки следующий снимок, который был укрупнением первого. Дом оказался гораздо ближе, и было видно окно с чуть отдернутой занавеской.

Еще одна фотография — новое укрупнение. На ней можно было обнаружить, что за занавеской в окне скрывалась чья-то темная фигура. Некто за занавеской осторожно выглядывал наружу, желая при этом остаться незамеченным.

Андрей мрачно усмехнулся. Он уже знал ответ на свой вопрос. На последнем снимке, максимально укрупнившем изображение, отчетливо был виден Семен Семенович собственной персоной с вороватым выражением лица, наблюдающий за происходящим в овражке из окна своего дома.

... Свет в окнах горел по-прежнему, хотя веранда оказалась пуста.

— Семен Семенович! — позвал фотограф. За занавеской мелькнула тень. Старик опять решил сыграть в прятки. Ну, на сей раз номер не пройдет! Андрей легко перемахнул через заборчик и вбежал в дом.

— Семен Семенович! — крикнул он, двигаясь по узкому коридорчику и заглядывая в распахнутые двери по обе стороны, — это опять я. Я все знаю, Семен Семенович! Не спали вы этим утром. И ночью, надо полагать, не спали. Если у человека такое лицо, — Андрей потряс в воздухе фотографией с изображением хозяина дома, которую только что печатал у себя в фотоателье, — он что-то знает и что-то скрывает. Вы видели ночью убийцу, верно?.. И узнали его!

Из глубины дома донесся досадливый кашель. Андрей пошел на звук.

— Вы же мудрый человек, Семен Семенович. И осторожный, — громко выкрикивал он, пытаясь обнаружить в анфиладе комнат хозяина, — вы же понимаете: убийца тоже мог вас увидеть. Теперь и ваша жизнь в опасности. А, вот вы где! — воскликнул фотограф. За отворенной дверью горел свет, на экране телевизора заламывала руки заплаканная Лауренсия и старик сидел в кресле, повернувшись спиной ко входу и даже не думая реагировать на пламенную речь гостя. Андрей перевел дух и выпалил аргумент, который, по его мнению, наверняка должен был подействовать на упрямого молчуна. — Плевать на других — так хотя бы о себе подумайте! Да не молчите вы!!! — гаркнул он, и огромный котяра с перепугу кубарем скатился с колен хозяина, по пути задев и уронив на пол палку с тяжелым медным набалдашником.

Досадливо покачав головой, Андрей наклонился, чтобы поднять эту палку — и тотчас получил прицельный удар по затылку. Он рухнул наземь, как подкошенный.

Перепуганные кошки метнулись по углам комнаты, но вскоре успокоились и принялись разгуливать вокруг, как ни в чем не бывало. Они лишь расступились перед фигурой в темном плаще, которая осторожно выключила свет и, тихо ступая, покинула дом.

Белая, с черным пятном на глазу кошка удивленно принюхивалась к лежащему на полу человеку и даже лизнула его волосы, по которым струилась бурая кровь. А огромный котяра взобрался на прежнее свое место, на колени к хозяину и, мурлыча от удовольствия, поигрывал звенящей подтяжкой, которая намертво

опоясывала взбухшую шею старика.

На лице Семена Семеновича плясали голубоватые отблески телеэкрана. Остекленевшие глаза его застыли, уставясь в одну точку. Синюшный опухший язык полувывалился из раскрытого рта. Семен Семенович был задушен собственной подтяжкой.

26.

КОШКИ-МЫШКИ

— Все произошло, как и должно было произойти. Согласна. Но ведь должен же кто-то в этом городе брать на себя ответственность!.. Здрасьте, моя бабушка! Твоя надежная свидетельница завтра же открестится от всех показаний и скажет, что померещилось. В каком мы окажемся положении?.. Много подозрительного, согласна. Но этот арест бросает тень на школу! Считай, что это моя просьба. ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА. Все равно никуда она от нас не денется. Отлично. Это оч-чень мудрое решение. Заглядывай в школу, Петя, не забывай!

Медленно отведя от уха трубку, Тамара Георгиевна уставилась на визави.

— Ну, что? — спросил он, просительно заглядывая в глаза.

— Через час ее выпустят, — она презрительно покривилась. — Под подписку о невыезде.

Алексей рухнул к ее ногам и обнял колени:

— Томочка, ты святая! Клянусь тебе: я больше не хочу ее видеть!.. слышать. Она мне жизнь испортила, чуть с тобой не поссорила... но она никого не убивала, ты же понимаешь! Пусть она убирается, пусть выметается отсюда! Плевать я на нее хотел, веришь?

Тамара Георгиевна выслушала, и лишь затем снисходительно-брезгливо отстранила его от себя движением ноги.

Он поднялся с колен, глаза болезненно блестели; его колотило от нервного напряжения.

— У меня ночное дежурство, — пробормотал он подобострастно, — но, хочешь, я не пойду, хочешь?..

— Надоел ты мне сегодня, — процедила директор.

— Понял, — поспешно кивнул Алексей. — Значит, в другой раз. Как скажешь. Спасибо. Спасибо тебе!

Суетливо пятясь, он вывалился за порог, едва не столкнувшись с Андроном. Школьный секретарь, подслушивавший у дверей, даже не пошевелился, и Алексею пришлось бочком обходить его. На лице Андрона светилась тонкая победительная улыбка.

— А “до свиданья”? — спросил он, когда Алексей уже собирался выйти из приемной.

Несчастный доктор бросил на Андрона мученический взгляд.

Тамара Георгиевна стояла спиной к двери и плечи ее были расправлены.

Ни Алексей, ни Андрон — никто в эту минуту не смог бы догадаться, что по каменному лицу директора струились слезы.

* * *

Алексей плелся по пустынному городку, кожей ощущая гадливость и презирая себя. Правда, наряду с тем, душу согревало осознание собственной высокой жертвенности: ведь, поправ гордость и достоинство, унизившись, он спасал ее, Дину. Тьфу, одно упоминание этого имени вызывало теперь оскомину... ХВАТИТ! Он сделал все, что мог, и даже сверх того; она свободна, и пусть теперь самостоятельно расхлебывает кашу, которую заварила. Он предупреждал, просил, умолял — она не послушалась; значит, поделом!

В эту минуту его снедало единственное желание: прижаться к надежному плечу, укрыться от невзгод в ласковых объятиях, целиком предоставиться женской заботе и — забыться. Будто бы нет ничего: ни Дины (“Боже, как я виноват!..”), ни траура по нелепо сгинувшей жене, ни дуры-тещи, ни этой стервы со стальным взглядом, директорши... Не думать ни о чем. Забыться.

* * *

Загремели решетки и засовы; Дина услыхала чьи-то тяжелые шаги.

Она не знала, не помнила, сколько времени провела в этой душной комнате с крохотным оконцем под потолком, на дощатых нарах. Казалось, вечность.

Днем, после страшной погони и побоища (от смерти спасло ее только внезапное появление Тамары Георгиевны — еще несколько минут, и толпа бы живьем растерзала и ее самое, и защитника-фотографа), Дину заперли в милицейской камере; следователь сказал, что все улики говорят против нее и дела ее плохи. Она повалилась на нары; голова гудела. Она осталась жива — это главное; больше ни о чем она не думала.

Даже об Алексее.

И вдруг, когда за крохотным оконцем уже была ночь, дверь темницы отворилась и молоденький милиционер, сурово поглядев на нее из-под густых бровей, приказал подняться и следовать за ним.

Дина решила, ее переводят в другую камеру, — однако ее подвели к дежурке, и неулыбчивая женщина в форме вручила ей чемодан, велела проверить, все ли содержимое на месте, и объявила:

— Свободна.

(Свободна?)

Еще ничего не успев понять, она вышла на низенькое крыльцо и двери за спиной захлопнулись.

(СВОБОДНА!)

По мокрому асфальту ветер гнал вороха облетевшей листвы. На блеклые световые конусы фонарей была наброшена мелкая дождевая сетка. И никого вокруг.

Зябко обняв плечи одной рукой (другую оттягивал чемодан), Дина брела по ночным улочкам вдоль покосившихся заборов; когда она проходила мимо домов с редкими светящимися окнами, то чуть притормаживала, переводя дух.

Вдалеке забеспокоилась одна собака, другая. Дина обернулась — но ничего подозрительного не заметила. Странно: она готова была поклясться, что слышала в монотонном дождевом шорохе легкую поступь.

Дина прибавила шаг... нет, это не галлюцинация — участился и отзвук из темноты. Миновав покачивавшийся на разбитом асфальте фонарный круг — при этом тень узким маятником заскользила под ногами, — Дина выгадала момент и резко повернула голову. Боковым зрением она успела зафиксировать, как метнулся от света и слился с черной стеной едва различимый силуэт.

Пытаясь сохранить самообладание, она принялась считать про себя, но быстро сбилась; счет ее ускорялся сообразно шагу. Звуки за спиной безошибочно свидетельствовали: Дину кто-то преследовал. Как назло, по обе стороны дороги теперь тянулся глухой забор, за которым колебались длиннющие высохшие стебли бурьяна; Дина, прихрамывая, ковыляла вдоль бесконечной стены и боялась бросить взгляд за спину.

Наконец, отразившись в рябых лужах, впереди мелькнул свет — она вышла к жилым кварталам. Однако, не успев отворить калитку, Дина отпрянула: с яростным лаем, оскаля белую пасть, навстречу бросился огромный цепной пес.

Она вновь вылетела на пустынную улицу, беспомощно озираясь по сторонам. Городок будто вымер. Никакого движения в наглухо зашторенных глазницах окон.

И нервы не выдержали. Припадая на ушибленную ногу, Дина помчалась по направлению к школе. На ходу она пыталась стучать в попадавшиеся по пути окна, — но никто не откликнулся на ее отчаянный, захлебывающийся стук.

Еще немного — и, перелетев нескончаемый школьный плац, она взбежала по ступеням крыльца и заколотилась во входную дверь. Заперто. Пожарный выход за углом — заперто. Окна... окна... пустые равнодушные окна. Что-то заставило ее замереть, как сеттера в стойке, — поначалу Дина и сама не поняла, что именно. Она остановилась под окном собственной комнатке. Посередине зияла огромная дыра — вчерашний привет от Алексея.

Подпрыгнув, Дина ухватилась за карниз, подтянулась; увы — окно было надежно заперто. Дина уже собиралась спуститься, когда в темноте — СОВСЕМ РЯДОМ! — скрипнули камушки под подошвами. Откуда взялись силы? — выставив вперед локоть, она размахнулась и ударила по стеклу; тишина лопнула и со звоном рассыпалась. Дина рванула шпингалет, сломав до крови ноготь, и толкнула раму; вдруг холодные пальцы цепко впились в лодыжку и, ощутив это мертвенное прикосновение, Дина закричала, взбрыкнула свободной ногой и, не метя, попало во что-то твердое

(голова?)

перевалилась через подоконник и рухнула на усыпанный битым стеклом пол. Задраивать окно было бесполезно: шорохи свидетельствовали, что преследователь, оправившись от удара, пытается вскарабкаться по стене.

Дина бросилась к двери... ГОСПОДИ БОЖЕ! — комната тоже оказалась заперта.

Она шарила по тыльной стороне тумбочки: там, Дина помнила, висел на гвоздике запасной ключ; несколько дней назад она посмеивалась над этим нелепым тайничком, который продемонстрировал ей школьный секретарь, знакомя с обстановкой комнаты; теперь же ключ единственный и мог стать ей спасением. Дина вскрикнула: острая шляпка гвоздя распорола ей ладонь. Ключ, прыгая в трясущейся руке, никак не желал попадать в скважину. Скважина была черной и узкой, а дверь — смутно-белой, и на ней вырастала неясная, но грозная тень. Когда, наконец, тонкая пластина ключа вошла в отверстие, за спиной хлопнула распахнувшаяся оконная рама.

Дина вылетела в коридор и едва успела щелкнуть замком, как дверная ручка опустилась и нетерпеливо затряслась. Потом все стихло.

... Она полулежала, прислонясь к стене; тело занемело и мелко подрагивало — то ли от холода, то ли от неснятого напряжения. Вода ручьями стекала с волос и одежды; по полу расползалась грязная дождевая лужа. Сколько это продолжалось — мгновение? вечность?

(Я должна была обернуться!.. Я ДОЛЖНА БЫЛА!..)

Она уже не могла обманывать себя; она знала истинную причину ужаса — да-да, не испуга, не страха, а животного, первобытного ужаса, — который гнал ее по ночному городку и не давал сил взглянуть в глаза преследователю.

(Андрей: "Весь город — в его лапах. Никто в глаза не видел — а все трепещут!")

Убийца не просто хотел уничтожить ее — он жаждал насладиться ее поражением, ее нравственной гибелью. Его цель была не смерть жертвы — а осознание своей безграничной власти над нею. Дина понимала, что превратилась всего-навсего в мишень; ей уготовили и навязали роль фишки в отчаянной и захватывающей игре. Кошка всегда поймает мышку. Наиграется и поймает. Кошки-мышки.

Теперь не надо было напрягать воображение, чтобы воссоздать облик таинственного чудовища, каким он покажется перед новой жертвой. Его видела минувшей ночью тощая жердь с пережженными волосами, а до того нос к носу столкнулся Алексей; им, наконец, было пролито вино на рубашку фотографа Андрея в пляжном ресторанчике

("ТАК, ВЫХОДИТ... ЭТО БЫЛА НЕ ТЫ?!")

Вот он, адский замысел. Одна из жертв маньяка, санитарка Галя, помнится, не выдержала зрелища и сошла с ума. Убийца, избирая новый объект преследования, завладевал и его оболочкой

("... Ему всегда доставались лучшие роли, потому что он притворялся, как жил!")

Кто б он ни был, Дина знала, что психопат предстанет перед ней в ее же обличьи. Она содрогнулась, воочию представив эту картину: она сама протянет к себе руки, чтобы стиснуть железные пальцы на собственном горле, и последнее, что сможет разобрать перед смертью, — свое искаженное жаждой убийства лицо!

Внезапно она расслышала возню у входа... скрежет замка... звук распахнувшейся и вновь захлопнувшейся двери! — в гулком ночном здании школы он прозвучал, будто пушечный выстрел. За мгновение до этого, казалось, Дина была не в силах пошевелить и пальцем, — теперь же ее точно подбросило на пружинах. Прочь, прочь! — но куда?!

(Из воды, у самых глаз, выныривает разбухшая трупная масса... сизое полуоткрытое веко... оскал улыбки. Ночной сад и фигура в желтом платье в ветвях деревьев. Фотоснимок: Елена Лутошина и девушка в клетчатом платье. Холодные — мертвые? — пальцы, стиснувшие лодыжку)

("ЭТОТ ВЕЧЕР МЫ ПРОВЕДЕМ ВДВОЕМ!")

Не разбирая пути, Дина металась по темному лабиринту коридоров. Она более не слышала надвигающихся шагов, да и не надо было слышать: преследователь двигался за нею, щелкая электрическими выключателями, и холодные столбы света рассекали полумрак. Свет заливал все вокруг, не оставляя ни единого пятнышка, ни тени. Свет, как охотничья рогатина, загонял жертву вглубь здания.

В два прыжка Дина взбежала по лестнице на второй этаж; второй этаж, помнила она, замыкался по кольцу; здесь можно было тянуть время. Кроме того, в тыльной части здания находился выход в стеклянную галерею, ведущую во второй — меньший — корпус. Быть может, это дорога к спасению. Уходя в темноту, Дина не подозревала, что вот сейчас, через миг лицом к лицу столкнется с ним

— !!! С НИМ !!! —

ей казалось, он еще неблизко. Она свернула за угол — и страшно, утробно

закричала

(ОСКАЛ УЛЫБКИ. ПРИЗРАК. УБИЙЦА!)

в упор на нее смотрели широко распахнутые, вылезшие из орбит глаза... она видела черный провал рта, напрягшуюся шею и судорогу лицевых мышц

("... если приблизится убийца к мертвяку, которого сам убил, мертвяк обязательно дает об этом знать...")

Она кричала, хотя уже поняла, что обозналась, приняв за свое подобие собственное отражение. Это было зеркало — высокое, в полстены. Это была она сама, Дина

("Боже, что ОН со мной сделал!..")

Это было ее, пусть и исказившееся, лицо. Такой себя Дина видела впервые.

Внезапно нечто за спиной отражения, в зеркальной глубине, приковало ее внимание; Дина стремительно обернулась и поняла, что не ошиблась.

Приоткрытая дверь. Туалет: рукомойники и три кабинки, упиравшиеся в закрытое окно. Дина втиснулась в узкую щель между крайней дощатой стенкой и подоконником. Затаив дыхание, она ждала.

Ждать пришлось долго. Дина уже думала, что опасность миновала и убийца потерял ее в лабиринте коридоров. Она ошибалась.

В тишине жалобно скрипнула дверь. Нежный шорох. Преследователь неспеша заглядывал в отсеки: первый, второй... третий. Открывшаяся дверца, ударившись в подоконник, заслонила Динино убежище. Дина рассмотрела, как рука — женская? мужская? — оперлась об оконную раму; из-за обреза дверцы показался острый локоть и пальцы нетерпеливо-дробно забарабанили по стеклу. Она могла, даже не протягивая руки, коснуться плеча убийцы.

БУХ! БУХ! БУХ! (Что это? Ах, да, — сердце. Предатель)

Тра-та-там-та! (Стеклянная дробь)

(Минута? Час? Вечность?)

Преследователь развернулся на каблуке и, переступая через канализационные лужи, неторопливо направился к выходу. Его тень скользнула по ногам Дины и исчезла. Шаги смолкли, растворились в пустоте, однако Дина еще долго не могла двинуться с места. Тщетно она напрягала слух. Убийца исчез

("ОН В СВОЕЙ ВОДЕ!..")

Выбравшись наконец из своего укрытия, Дина замерла — ее взгляд приковали расплывчатые следы на полу, меты зверя

("Призраки не оставляют следов?..")

Где-то поблизости — отыскать бы в темноте! — находилась пожарная лестница.

Дина осторожно нащупала ногой первую ступеньку. Она спускалась наощупь, в кромешной тьме, пытаясь вспомнить что-нибудь веселое и беззаботное (ХА-ХА!) и, натолкнувшись на преграду, не сумела вовремя отшатнуться. Раздался грохот

— !!! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА !!! —

коридоры отозвались стократным эхом; здание горланило, издевательски хохотало над ней. Последний пролет пожарной лестницы был наглухо завален старым школьным скарбом; потревоженная пирамида теперь с шумом разваливалась, распадалась на части. Дрожали стены.

Дина бросилась вверх. На боковую стену лестничной клетки, она видела, упала угольная тень — не ее, ЧУЖАЯ.

Она вдруг оказалась на пороге длинного пустого пространства, под ногами лежала узкая лента, по сторонам маячили далекие огни; что-то подобное, наверное, видит канатоходец, вставший на виду у всех над пропастью. Это была стеклянная галерея, ведущая во второй корпус. Сзади звучали решительные шаги.

Теперь Дина с пронзительной беспощадностью отдавала себе отчет в том, что никто и ничто не спасет ее от лап настигающего монстра — и этот мучительный нескончаемый бег по лабиринту, в сущности, бесполезен. Внутренность здания пульсировала от частых глухих ударов; в ушах и в груди бешено грохотало. Дина физически ощущала, как мрачные своды школы, стиснувшие ее один на один в смертных объятиях с убийцей, жаждут перемолоть, раздавить ее, будто желудок исполинского существа, — того самого, что тянуло к ней жадные руки на улицах городка минувшим днем. Дина была чужая, а убийца — свой

("... Он неуловим, потому что он — часть от целого!")

и поэтому школа словно подыгрывала ему в жестокой схватке, забавлялась, гоняя жертву по издевательским кругам; школа диктовала правила и ритм погони, и убийце лишь оставалось в точности исполнять предписанное.

Хватая ртом воздух, Дина из последних сил стремилась к дальней двери, замыкавшей открытое пространство галереи; было очевидно, что вожделенная цель

не сулила избавления от кошмара, но, укрывшись за нею, возникала возможность еще немного потянуть время. Жажда жизни, главный человеческий инстинкт, вопреки доводам разума толкала Дину вперед и вперед; каждая проживаемая секунда вдруг обрела пряную, мучительную сладость, сродни той, что испытывается наркоманом, который впрыснул в кровь зелье и ощутил первые признаки воздействия. Каждая секунда жизни обращалась в наркотическую дозу — восхитительную, бесценную, горькую, рождающую зыбкие миражи и бесплотную надежду и утекающую сквозь пальцы, как талый снег.

... Она захлопнула за спиной дверь галереи — и поняла, что механизм дьявольской мышеловки окончательно сработал. Из второго корпуса школы НЕ БЫЛО ВЫХОДА. В глубине коридора виднелся ровный глухой ряд кабинетных дверей, а позади осталась затворенной дверь, за которой гудели приближающиеся шаги убийцы, и ничего нельзя было изменить. Коридор заканчивался тупиком. Там располагался кабинет химии, где на днях Дине довелось провести урок-замену. Урок получился скомканным и бессмысленным, потому что школьный слесарь битый час возился с дверным замком, мешая и практикантке, и ученикам сосредоточиться, да так ничего и не сумел сделать. Замок остался неисправен; ключ проворачивался в скважине, не желая закрывать дверь.

Дину пронзило, будто электрическим током. Она ясно увидела перед глазами эту картину: отдуловатое, с пористым носом лицо слесаря, загнутую неровным крючком проволоку вместо отсутствующей дужки очков и — крупно — ключ, не подчинявшийся раздраженной руке. Если замок не починили, кабинет должен оставаться открытым.

Оттолкнувшись от косяка, она понеслась вглубь вытянутого пространства; ватные руки неуклюже хлопали по бедрам. Не успев притормозить, она больно ударилась о двери кабинета химии; удача казалась столь невероятной, столь невозможной, что Дина даже растерялась, когда дверь подалась.

Это была последняя отсрочка

(!!! ДОЗА !!!)

убийца шел по пятам — не наугад, но наверняка; он не даже не находил нужным трудиться, чтобы ускорить шаг: комедия сыграна и, вполне насладившись погоней, ему оставалось завершить дело эффектной и неумолимой развязкой. Сама судьба выбрала превосходное место действия для последнего акта драмы: коридор был — как труба, а замыкавший пространство кабинет химии в полумраке выглядел бутафорской камерой пыток. На партах и учительском столе громоздились поблескивающие башни из колб, аппаратов для перегонки веществ, реторт; доска была исписана многоголовыми формулами, напоминавшими диковинные кабалистические заклинания; справа виднелась дверца, ведущая в подсобку. Дина локтем задела пробирочное сооружение, и все вокруг зазвенело, закричало, завизжало на разные лады, зазывая преследователя на смертельную вечеринку. Впрочем, теперь предательский шум был совершенно напрасен: убийца и без того знал, где отыскать жертву.

Забившись в угол подсобки, к самому окну, Дина держала руками живот, его правую часть, где, заставляя скрючиваться тело, плясала острая, пронзающая нутро боль. Она слышала, как неспешно отворились двери кабинета, щелкнул выключатель; в щели дверцы, отделявшей подсобку от остального помещения, брызнули рваные полосы света, не осветившие, однако, Дининого убежища, а лишь подчеркнувшие царивший здесь сумрак. Захрустело под ногами битое пробирочное стекло, задвигались парты и полетели прочь с дороги стулья, отшвыриваемые нетерпеливой рукой

(тянущиеся к горлу руки, десятки рук, жаждущих единственно ее гибели)

и дверца в подсобку отворилась, и Дина неимоверным усилием воли заставила себя поднять глаза и взглянуть на возникший — черный в белом прямоугольнике, как в раме, — силуэт. Она вдруг испытала странное, почти извращенное чувство облегчения — потому что гонка, наконец, завершилась, потому что маски сброшены и не надо более тянуть мучительное действо, а еще потому что вовсе не себя она увидала напротив

("Почему ты решила, что УБИЙЦА — МУЖЧИНА?..")

Это была женщина

(высилась на пороге, как сильная норовистая лошадь, хищно раздувая ноздри; руки свисали по швам. Персонаж древнеяпонского театра... резкий макияж... жесткость взгляда. "КТО СУМЕЛ ПОДЧИНИТЬ — ТОТ ВЫИГРАЛ")

— В-вы? — одними губами прошептала Дина.

Вошедшая мрачно оскалилась.

— Вот и все, — сипло проговорила она, — смерть пришла. А ведь ты мне нравилась... могла бы жить. Не надо было... НЕЛЬЗЯ БЫЛО ПРЕДАВАТЬ МЕНЯ... ИЗМЕНЯТЬ МНЕ. Дура! Умрешь, а могла бы жить. Вот и все, — повторила Тамара Георгиевна. Она успела приблизиться почти вплотную, и с последними словами положила ладони на плечи жертвы.

Дина слушала сбивчивый, захлебывающийся, полубезумный монолог со всевозрастающим изумлением, не в состоянии сосредоточиться; шок прошел, и с ним улетучился страх, уступив место усталости и опустошенности. Она не отвела протянутых к себе рук и вздрогнула, опоминаясь, лишь когда тело тягостно заныло в холодных тисках объятий. Убийца обнимала ее, нащупывая шею! Дина видела близко перед собою искаженное лицо Тамары Георгиевны — бледное, чужое, точно нарисованное грубой кистью; в голове зашумело, и мутный свет начал заливать картинку, а во рту стало вязко и противно.

Тамара Георгиевна надвинулась сверху, вдруг увеличиваясь в размерах, погребая под своей громадой и тяжестью, и жертва забилась в агонизирующем танце, беспомощно, по-куриному взмахивая руками, выпучив глаза. В горле хрустнуло; Дина, обмякая, повалилась на подоконник и в последний проблеск сознания ощутила под рукой прохладное и тонкое, вытянутое. Уже не защищаясь, она наугад направила удар в голову убийцы.

Ей казалось, она метила в висок, однако Тамара Георгиевна боковым зрением угадала движение и чуть приобернулась... она не успела отклониться. Раздался глухой треск, точно проломили оболочку гигантского яйца... химическая колба лопнула в основании. Брызнула огненная жидкость, и Дина судорожно отдернула руку

(СМЕРТЬ ПРИШЛА)

железное кольцо на горле сжалось с удвоенной силой, но в следующее мгновение ослабело.

Тамара Георгиевна откинула голову назад и отшатнулась... захлопала ртом — и лицо ее

(ДРЕВНЕЯПОНСКАЯ МАСКА — ТЕАТР — КОМЕДИЯ)

внезапно стало расползаться, бугриться, трескаться по швам; она пыталась, но не могла ухватить стеклянный раструб, торчавший из глазной ниши, внутри которого пучилось и вздувалось белое, в прожилках глазное яблоко с расширившимся черным зрачком. Она покачнулась, захрипела; удивление и мука ясно отпечатались на ее все более бесформенном, будто вылепленном из растекающегося дрожжевого теста лице.

Оттолкнув полубессознательную Дину, она отчаянно замотала головой, прогнулась, затряслась в судороге боли и сделала шаг вперед — единственный неверный шаг. Каблук подогнулся, и Тамара Георгиевна медленно, как в рапидной киносъемке, подалась к оконному стеклу и прошибла его собой; ощерившаяся клыками оконная рама приняла падающее тело.

Раздался рваный вопль, впрочем, тотчас захлебнувшийся; туловище изогнулось, пальцы в последний раз скрючились и застыли. Все стихло — даже монотонный дождь за стенами.

Дина, еще не окончательно осознав происшедшее и причину неожиданного спасения, отползла прочь к стене и едва поднялась на ноги. Ее шатало, волна рвоты подкатывала к горлу

("ВОТ И ВСЕ!")

она жива, а убийцы больше нет. Школа, молчаливый сообщник монстра, сомкнула стеклянные челюсти на его шее.

Дина пыталась и никак не могла совладать со срывающимся дыханием. Быть может, поэтому она не сразу заметила, что на пороге подсобки возникла новая фигура. Сначала она увидела тень и, оборотившись, не удержалась от вскрика

(сильная норовистая лошадь, руки по швам... резкий макияж. Маска)

("Но ведь не привидение же это в самом деле!!!")

— Что здесь происходит?

В дверях стояла… ОНА - ТАМАРА ГЕОРГИЕВНА! Другая. Вторая.

- Я спрашиваю: что здесь происходит?!

Еще не вполне привыкшая к полумраку, она обвела глазами помещение и остановилась взглядом на распростершемся в окне теле. Губы ее конвульсивно задергались, грудь тяжело вздыбилась, как при кашле.

— Ч-что это?.. КТО ЭТО? — прошептала она.

Она приблизилась к бездвижному телу и обхватила его; она бережно опустила свое абсолютное подобие на пол и склонилась над ним.

— Ты... ты УБИЛА ЕГО! — вырвался крик.

Окаменев, Дина смотрела на директрису; Тамара Георгиевна была — живая. Этот голос, эта тяжеловесная походка и властные интонации могли принадлежать ей одной.

— Что ты надела?! — в отчаянье заволила Тамара Георгиевна.

Дина поняла, как узнал парик с бархатно пришлепкой директором головы убийцы и брякнулся на пол, пропитанный кровью; на месте лица набухла мучнистая бесформенная масса, сожженная выплеснувшейся из колбы кислотой. Недаром лицо первой Тамары Георгиевны показалось искусственным, деформировавшимся — Дина думала, от жажды убийства

(МАСКА — ДРЕВНЕЯПОНСКИЙ ТЕАТР)

("Ему всегда доставались лучшие роли!")

Маньяк знал свое дело: занятия в школьном драмкружке пошли ему на пользу

("Он слишком умен и расчетлив")

— и не только: он талантлив, как только могут быть талантливы злодеи, хищники, монстры. Он учился своей игрой, и злодеяниями были для него вымирающие к сумеркам улицы и ужас забаррикадировавшихся в домах обывателей. Он

("... как пылкий ненасытный любовник, заполучивший в свое владение вожделенную подругу")

пользовался властью над жизнью и судьбами своих жертв, мсля за то, что не смог воспользоваться любовью. У него были дрожащие пальцы и сперлое дыхание. Кичливый сам по себе, он перевоплощался в тех, кто казался ему образцом красоты или силы, и тем самым удовлетворял тщеславие. Он держал в руках весь город и ее, Дину

("ЭТОТ ВЕЧЕР МЫ ПРОВЕДЕМ ВДВОЕМ!")

Тамара Георгиевна трясла коченеющее тело в несбыточной надежде оживить, вдохнуть жизнь; голова убийцы, снятая со стеклянных клыков оконной рамы, беспомощно болталась по сторонам. Вдруг он застонал, рот приоткрылся.

— МАМЕ НЕ ГОВОРИТЕ, — тихо попросил он.

— Андрон!.. вставай же, АНДРОН!!! — звала директор, и плечи ее вздрагивали от беззвучного плача.

Андрон захрипел и смолк.

Дина тихо двинулась к выходу из подсобки. Эта картина навсегда запечатлелась в ее памяти: двойной силуэт на фоне темного окна — словно скорбная душа, прижимая к груди, безутешно оплакивала свою разбитую телесную оболочку.

27.

ПРОЩАНИЕ

Полчаса спустя, наскоро собрав вещи, Дина покидала городок. Нудная изморось почти прекратилась; повсюду был разлит мутный серый туман. Из ничего вздымались голые полуобгрызенные скелеты деревьев. Дома исчезли. Исчез городок N.

Дина волокла чемодан к пристани, но знала, что финальная точка еще не поставлена. Вот почему ноги сами вынесли ее к старой кирпичной ограде, из-за которой выныряли одинаковые липкие квадраты окон и лишь одно освещение. Под этим стеклянным окном, прильнув к стеклу, стояла хрупкая девичья фигурка. При приближении Дины девушка обернулась и бросила на подошедшую равнодушный взгляд; это была санитарка Галя.

Уже предчувствуя приход, не будучи не в силах убить, Дина заглянула в окно. Стены ординаторской комнаты сплошь покрывал скучный белый кафель. На потертом дерматиновом диване, в смятых простынях сидел, задрав к подбородку худые колени, совершенно голый человек. Дина отчетливо видела узкую трогательную цепочку позвоночника на его спине.

— Алеша! — тихо позвала она.

Он, конечно, не мог услышать, — но дрогнул и полуобернулся. Из-за шторы, плавно покачивая бедрами, вышла молоденькая медсестра с чудовищными красными кудрями в небрежно расстегнутом халате; она присела рядышком, взяла языком за щеку жвачку и по-хозяйски укусила любовника за мочку уха. Алексей положил голову на ее пышную грудь и на лице его отразилось детское умиротворение; одна только едва заметная горькая складка у губ свидетельствовала о растерянности и безмерной усталости.

Дина опустила глаза, будто увидала стыдное. Губы ее прыгали и тряслись.

Вскоре она вышла к причалу. Старенький теплоходик уже стучал бортом о деревянные мостки, будто приглашая взойти на палубу. Маленький человечек в брезентовой робе, который до блеска начищал тряпочкой свой колокол-рынду, проводил Дину грустным взглядом.

Дина поставила чемодан у поручней на корме и полуприкрыла глаза. Со стороны могло показаться, будто странная пассажирка уснула стоя. Дина не знала и не хотела думать о том, что случится после.

Через два дня, уже дома, ее арестуют по обвинению в убийстве Андрона Б. при отягчающих обстоятельствах, но затем освободят с формулировкой "за недостаточностью улик".

В жилище Андрона будет произведен обыск. В тайнике под кроватью обнаружат целую коллекцию женских платьев, в том числе клетчатое, а также множество париков и гримировальные принадлежности. В столе найдут альбом с фотографиями жертв маньяка со специальной сеткой, которую используют при создании сложного портретного грима, в том числе и Динины фотографии, разорванные пополам; от вторых половинок на снимках останется лишь приобнимающая Дину чья-то мужская рука. В альбоме будет спрятан обрывок телеграммы: "ПРИЕЗЖАЮ ВСТРЕЧАЙ ТВОЯ ДИНА". Следствие попытается построить версию о соучастии Дины в преступлениях маньяка, но безрезультатно. А еще из недр книжного шкафа извлекут исколотый ножом и булавками изуродованный портрет одного из жителей городка — доктора местной больницы — и никто так и не сможет объяснить, зачем он понадобился Андрону.

В городке N. случится большой шум; некогда малозаметный сутуловатый школьный секретарь превратится посмертно в знаменитость. В городской газете появится его огромная фотография (увеличенная копия школьной виньетки десятого "б") и пространный очерк под заголовком "МАНЬЯК РАЗОБЛАЧЕН". Дотошный журналист представит на суд публики подробнейшее жизнеописание бывшего вундеркинда, ставшего серийным убийцей. Очерк будет иметь успех. Школа станет местом паломничества туристов и просто любопытных; экскурсоводы, размахивая руками, будут демонстрировать всем желающим окна кабинета, где работал психопат-убийца и где он нашел свой заслуженный конец.

На похороны Андрона сбежится, почитай, весь городок, и это будет самое незабываемое зрелище за последние несколько лет. Гроб с телом покойного закидают камнями; чтобы опустить его в могилу, придется вызывать наряд милиции. Могила школьного секретаря, расположенная за дальней оградой кладбища, по сей день привлекает внимание зевак. Вы сможете отыскать ее, пройдя от ворот кладбища по хорошо утоптанной тропе. Мать Андрона, которая, как наседка, попытается во время похорон заслонить от надругательств тело сына, позже сойдет с ума; она умрет в больнице два года спустя.

Зину похоронят тихо. В городской газете на последней полосе напечатают четыре строчки соболезнования. Тело Семена Семеновича долгое время останется невостребованным; через две недели после его смерти обнаружится наследник, дальний родственник. Приехав вступить во владение наследством, он продаст труп старика для проведения опытов.

Влияние Тамары Георгиевны резко пойдет на убыль; хотя никто не сможет бросить ей упрек, что она намеренно прикрывала ненасытного маньяка, близость с Андроном полностью скомпрометирует директора. После скандала ее сместят с занимаемой должности. Все как будто будут разочарованы, что не она, а кто-то другой стал причиной произошедших в городке событий; ей не простят, что рядом с ней находился некто более решительный и властолюбивый. Отныне каждый будет испытывать острое, почти физическое наслаждение, топча имя поверженного идола. Вскоре Тамаре Георгиевне, постаревшей и осунувшейся, придется уехать из города навсегда.

Красивый доктор из местной больницы, чья жена стала одной из жертв маньяка, пристрастится к спиртному и вынужден будет перейти в санитары морга; его новое увлечение неожиданно поддержит и сварливая теща Марья Павловна, с которой Алексей продолжает делить кров и частенько делит раздобытую бутылку. Следующей осенью он изуродует свою изящную руку, подставив пальцы под пилу; в городской многотиражке по этому поводу появится заметка под рубрикой "Пьянству — бой!"

(ВОТ И ВСЕ)

Дожидаясь отправления, Дина вспоминала мокрый школьный плац и старые ворота. Она обернулась, чтобы в последний раз увидать мрачное здание с тяжелой

уродливой лепниной по всему фасаду, едва не похоронившее ее под своей крышей

("Полгорода вышло из этих стен, — факт!")

Школа пропала из виду, растаяла в тумане, как накренившийся набок грузный корабль. Ее не было; ничего не было, и городка вокруг. НИЧЕГО НЕ ОСТАЛОСЬ.

Андрон умер; в памяти отпечатались лиловые ногти на скрюченных пальцах. Что двигало им — ревность? жажда власти? любовь? Даже в последний выход ему не удалось побыть самим собою: на голове громоздился парик, ноги спутались в женской юбке; он вполне вжился в роль жестокой и всемогущей патронессы, такой же несчастной, как и он сам, — чужую роль. Этот маленький уродец, приводивший в экстатический ужас обывателей целого города, и сам оказался всего-навсего игрушкой, трагической и комической одновременно

(" .. в маленьком городке, как и в маленькой стране, слишком сильно искушение власти...")

(тонкая улыбка Тамары Георгиевны. Пустые улочки. Перепуганная физиономия в окне. Продавщица из магазина. Обезумевшая толпа)

Андрон занял вакантное место, исполнил дьявольскую партию в предложенной пьесе, — а мог бы и кто-то другой

("... КТО УГОДНО")

(руки, руки, десятки и сотни рук, тянущихся к горлу жертвы в едином порыве убийства)

Перед глазами Дины мелькали лица — безвольные, злые, растерянные, молодые и старческие, — и внезапно, повинуясь безотчетному движению души, она выхватила из людского калейдоскопа одно лицо: с белобрысыми, стянутыми в хвостик на затылке волосами, с застенчивой мальчишеской улыбкой

("Она — моя невеста. Я ЛЮБЛЮ ЕЕ!")

Зачем, почему он произнес эти слова? Просто хотел защитить — или?..

Он единственный попытался спасти ее. Укрыл собою от толпы. А она все время смотрела в другую сторону.

Фотограф. Фотограф Андрей. Слишком поздно. Она даже не сказала спасибо.

Теплоходик низенько загудел, и маленький человечек ударил в рынду. Забурлила за кормой вода. Дина подняла полные слез глаза. Человечек глядел на нее пристально и испытующе. Что знал он?.. что понимал?

Он усмехнулся, точно угадал ее мысли. И ударил в рынду еще раз. Опаздывающий пассажир перескочил с мостков на палубу в тот момент, когда теплоходик уже тронулся.

Дина плакала, глядя на удаляющийся, тающий в тумане берег.

— Какая редкая удача, — услыхала она у самого уха и обернулась, еще не веря. — Какая редкая удача: нам по пути. Я надеюсь...

Он смотрел на нее, и на губах блуждала застенчивая робкая улыбка, и глаза светились. Голова его была обмотана бинтом, а в ногах стояла спортивная сумка.

Он уезжал из города навсегда. Уезжал с ней. Дина сквозь слезы счастливо улыбнулась ему.

Это был он — человек, которого она так долго искала и наконец нашла. Фотограф Андрей.

P.S. "В минувшую субботу ушла из дому и не вернулась Валентина Соловьева, сотрудница кооператива "Темп". Родители пропавшей утверждают, что она собиралась на свидание, но с кем — неизвестно. Была одета в вязаный шерстяной свитер и брюки-лосины, на ногах — импортные полусапожки коричневого цвета.

Это первое за восемь месяцев исчезновение вновь породило нездоровые слухи. Спешим успокоить горожан: согласно официальному заявлению, причин для паники нет и разговоры о возвращении в город маньяка-убийцы абсолютно беспочвенны".

Из сообщения в колонке объявлений
городской многотиражной газеты